Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Отдел филологических исследований

М. А Самарова, Л. Е. Кириллова

УДМУРТСКАЯ ОНИМИЯ I. ОНИМЫ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Учебное пособие

Ижевск
2016

УДК 811.511.131(075.8)
ББК 81.664.1-316.73
С 17

Рекомендовано методической комиссией Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики

Рецензент: канд. филол. н. зав. кафедрой журналистики института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Д. А. Ефремов

С 17 Самарова М. А., Кириллова Л. Е.
Удмуртская онимия I. Онимы реальной действительности: учебное пособие / М. А. Самарова, Л. Е. Кириллова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – 196 с.

ISBN 978-5-4312-0408-1

Учебное пособие посвящено проблемам ономастики. В учебном издании определяется место ономастики среди других наук, подробно излагаются вопросы изучения ономастики, в частности удмуртской. Представлены наиболее разработанные разделы удмуртской ономастики: антропонимика и топонимика. Уделено внимание удмуртским космонимам, фитонимам и зоонимам. Рассматриваются удмуртские онимы реальной действительности в сравнениии с именами собственными других народов.

Учебное пособие рекомендуется студентам, аспирантам, специалистам, интересующимся вопросами ономастики.

УДК 811.511.131(075.8)
ББК 81.664.1-316.73

ISBN 978-5-4312-0408-1

© М. А. Самарова, Л. Е. Кириллова, 2016
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие «Удмуртская онимия I. Онимы реальной действительности» предназначено для ознакомления студентов с наиболее общими проблемами теории общей ономастики, с общими закономерностями возникновения собственных имен, в частности, удмуртских имен. Учебное пособие состоит из двух частей, каждая из которых посвящена определенной проблематике. В первой части освещаются общие вопросы теории ономастики, определяется статус ономастики как раздела языкознания, ее объект и предмет изучения, также рассматривается связь ономастики с другими науками. Кроме того, уделяется внимание истории изучения ономастики, анализируются периоды изучения удмуртской ономастики, приводятся сведения об исследователях удмуртской ономастики, рассматриваются методы изучения ономастического материала. Имена собственные живо реагируют на происходящие в природе и обществе изменения, поэтому они могут служить хронологизаторами текстов, а также исторических и археологических памятников. В силу особой консервативности имен собственных они переживают эпоху, в которую были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и содержат большую языковую и внеязыковую информацию, получить которую можно только лингвистическими методами.

Вторая часть учебного пособия посвящена ономастическому пространству, в котором освещаются вопросы антропонимики, топонимики, космонимики, а также анализируются фитонимы и зоонимы. Антропонимика – один из разделов ономастики, предметом изучения которой являются личные имена, фамилии, прозвища. В главе «Антропонимика» уделяется внимание антропонимическим формулам, принятым в современном обществе, рассматривается универсальность древних именников разных народов. Формирование другой антропонимической категории явилось результатом развития наследственных интересов, требующих какого-либо общего имени для членов семьи. В учебном пособии рассматриваются история возникновения данной категории и семантические типы фамилий. С фамилиями исторически тесно связаны прозвища. Микроантропонимы в работе анализируются с точки зрения их семантики.

В удмуртской ономастике наиболее разработанной является топонимика. В главе «Топонимика» освещаются общие вопросы системы географических имен. Своеобразным строительным материалом топонимов являются апеллятивы, представленные с точки зрения их семантики. В учебнике рассмотрены лексико-семантические и структурно-словообразовательные типы удмуртских топонимов. Особое внимание уделяется ойконимии и микротопонимии. В учебном пособии также освещаются вопросы космонимики, фитонимики и зоонимики.

В Приложении даются основные ономастические термины. Программа-вопросник, составленный авторами, поможет студентам в сборе ономастического материала своей деревни для последующей работы над курсовыми и выпускными квалификационными работами.

Учебник подготовлен в соответствии с программой курса «Финно-угорская ономастика», изучаемого студентами института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета в рамках подготовки бакалавров по направлениям «Филология» и «Педагогическое образование». Главной задачей курса является рассмотреть историю края через призму собственных имен, привить студентам уважение к малой родине, расширить межпредметные связи. В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

знать функции нарицательных и собственных имён в языке и речи; историю родного края, природные условия и социально-экономическую жизнь людей на разных исторических этапах через призму собственных имён;

уметь применять полученные знания в процессе теоретической и практической деятельности; правильно и умело использовать собственные имена в письменной и устной речи;

владеть приемами систематизации и классификации ономастического материала; эстетическим чутьём в выборе собственных имен.

Д. А. Ефремов, к.филол. н.

ОНОМАСТИКА

Предмет изучения ономастики

В любом языке, наряду с именами нарицательными, обозначающими предметы и их свойства, явления природы и другие реалии, существует неисчисляемое количество имен собственных, индивидуализирующих предметы и объекты. Собственные имена давно привлекали внимание исследователей. Изучению природы имени собственного посвящено большое количество научных трудов историков, этнографов, философов, логиков, литературоведов, географов. Но, являясь фактом языка, имя собственное, в первую очередь, становится объектом лингвистических исследований. В языкознании выделяется особый раздел – **ономастика** (греч. *onomastike* ‘исскуство давать имена’, *onomastikos* ‘относящийся к имени’), занимающийся изучением собственных имен объектов живой и неживой природы. В зависимости от области исследования, связанной с видом именуемого объекта, ономастика подразделяется на несколько разделов:

антропонимика – раздел ономастики, изучающий имена, фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы, ники людей: *Александр – Саша, Сашуня, Саня, Снечка, Санька, Сандыр, Сандро; Любовь – Люба, Любаня, Любаша, Любочка, Любка; Петров, Коромыслов, Широбоков, Пельтэмов; Александрович, Павлович, Сергеевна, Юрьевна; Зульым Сандра, Бегемот, Акунин, Ашальчи Оки, Айво Иви; Благо Дари, Trimfiks, 220476, Гена СПАРТ* и т. д.;

топонимика – раздел ономастики, изучающий наименования любых географических объектов: *Москва, Новгород, Красноярск, Ижевск, Волга, Днепр, Шаркан, Алнаши, Кама, Лоза, Бадьярово, Канифольный, Чекерил, Гуждор, Россия, Восточно-Сибирская возвышенность* и т. д.;

космонимика – раздел ономастики, изучающий названия планет, звезд, пространственных космических объектов: *Марс, Юпитер, Венера, Полярная звезда, Млечный путь, созвездие Весы, Большая Медведица, комета Галлея, астероиды Церера, Юнона*;

теонимика – раздел ономастики, изучающий имена богов, божеств, различных мифических существ: *Зевс, Юпитер, Венера, Дажьбог, Велес, Инмар, Кылчин*;

зоонимика – раздел ономастики, изучающий клички животных: *Тузик, Шарик, Мурка, Пушок, Барсик, Ночька, Бурёнка, Палбам, Шушань*;

ктематонимика или **хрематонимика** – раздел ономастики, изучающий названия предметов материальной культуры, науки и техники (музыкальных инструментов, ювелирных изделий, машин, торговых предприятий, космических кораблей), а также произведения духовной культуры

(книг, журналов, спектаклей, художественных фильмов, музыкальных передач и т. п.): *скрипка Страдивари, яйцо Фаберже, бриллианты Шах, Орлов, Волга, Лада; магазины «Магнит», Вкусный дом, Айкай; «Вий», «Капитанская дочка», «Молот», «Кенеш», «Бесприданица», «Сказ про то, как Петр I арапа женил», «Новая волна»*;

этнонимика – раздел ономастики, изучающий наименования народов, наций, племен, родов: *русский, удмурт, татарин, бигер, вотяк, немец, калмез, ватка, Какся, Можга, Пурга, Шудья, Уля* и т. д.

В современном языкознании термин *ономастика* употребляется в двух значениях: в значении ‘раздел языкознания, изучающий собственные имена’ и в значении ‘совокупность собственных имен’. В целях разграничения данных значений в словаре Н. В. Подольской для обозначения совокупности собственных имен предложен термин *онимия* [Подольская 1988: 95]. По А. К. Матвееву, термин *онимия* неудачен, поскольку существенный недостаток терминологической пары *ономастика – онимия* в формировании противоречащих словообразовательных моделей, в частности прилагательных: ср. *топонимика – топонимический*, *топонимия – топонимный*; *ономастика – ономастический, онимия – онимический*, хотя по аналогии с *топонимным* должно было быть *онимный*. Этот недостаток создает условия смешения исходных терминов и их производных. Наиболее удачной терминологической цепочкой, по мнению А. К. Матвеева, является ряд: *ономастика – ономатология – ономатолог – ономастикон*, который соответствует ряду *лексика – лексикология – лексиколог – лексикон* (см. подробнее: [Матвеев 2005: 5–10]).

Несмотря на противоречивость производных слов, термины оцениваются специалистами как удачные и неудачные. Многое зависит от общеизвестности и малоизвестности термина: общеизвестный принимается как удачный термин, а малоизвестный – как неудачный. В этом терминологическом этюде удачной, как нам кажется, является терминологическая пара *ономастика – онимия*, где *ономастика* – это наука, а *онимия* – совокупность собственных имен.

Мир окружающих человека собственных имён разнообразен. Все многообразие реалонимов (имён собственных объектов реальной действительности), мифонимов (имён собственных вымышленных объектов) и гипотетических онимов (имён собственных гипотетических объектов) составляет *ономастическое пространство*. «Ономастическое пространство определяется моделью мира, существующей в представлении данного народа в настоящее время, но при этом в ней сохраняются элементы прежних эпох. У людей, принадлежащих к разным культурам, территориям, эпохам, ономастическое пространство имеет различное наполнение» [ТМОИ, 9]. В разные эпохи и различных культурах человек выделял и индивидуализировал разнообразные объекты.

Ономастическое пространство представляет собой непрерывный ряд незаметно сменяющихся типов. Имена смежных ономастических полей тесно связаны друг с другом. Границу ономастического пространства невозможно определить. Сфера и границы ономастики не обусловлены ничем, кроме традиций, с одной стороны, и потребностью, с другой. Для обозначения этой непрерывности используется термин *ономастический континуум*. Ономастический континуум характеризуется связью имен собственных разных видов друг с другом, которые развиваются в пространстве и во времени, связью имен разных культур. Ономастическая непрерывность охватывает не только собственные имена всех типов, но распространяется и на значительный пласт нарицательных имен, сопутствующих именам собственным, который вовлекается в систему наименований.

Внутри отдельных областей ономастического пространства могут быть выделены *ономастические поля*. Термин *поле* означает ‘структурированную совокупность ономастических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений’. Имена, входящие в состав поля, представляют собой систему, каждый член которого связан с остальными по ряду параметров: территории, время, вид и т. д. [ТМОИ, 9].

Любое ономастическое исследование опирается на предыдущий опыт и само служит основой для последующих работ. Разнообразие онимического материала ведет к многоплановости ономастических исследований. В современной ономастике выделяется пять самостоятельных направлений и несколько аспектов – более мелких ответвлений отдельных направлений [ТМОИ, 214–230].

Теоретическая ономастика, как своеобразная научная база, изучает общие закономерности развития и функционирования онимических систем и является основой для ономастических исследований. Она расскрывает специфические ономастические характеристики, выделяющие имена собственные из общей лексики, обнаруживает ономастические универсалии, устанавливает связь имени с именуемым объектом и понятием.

Описательная ономастика, составляющая фундамент ономастических исследований, занимается анализом ономастического состояния рассматриваемой территории, языка, диалекта в определённый исторический период. Описательная ономастика даёт синхронное описание собранному ономастическому материалу, выявляет номинативные единицы, устанавливает их иерархии, определяет их функции. Но при описании собственных имен синхронии в чистом виде не может быть. Имя всегда является результатом серьёзных преобразований и длительного исторического развития. Исследователь, анализируя ономастический материал, прибегает и к диахронии. Описательная ономастика условно подразделяется на глобальную, ареальную и региональную.

Прикладная ономастика тесно связана с практикой единообразного установления географических названий, присвоения имён, составления генеалогических таблиц. К числу прикладных задач, стоящих перед ономастами, относятся установление единообразного произношения и ударения имён собственных, выработка их норм склонения, разработка нормативных моделей образования отчеств, названий жителей по местожительству, прилагательных от географических названий и т. п. Это направление ономастики разрабатывает вопросы наименований и переименований, даёт практические рекомендации картографам, работникам загсов, юристам, биографам, библиографам.

Не менее важной задачей прикладной ономастики является установление норм транскрипции и транслитерации иноязычных имен, создание инструкций по передаче «чужих» имен и рекомендаций по образованию производных от иноязычных имён.

Историческая ономастика занимается выявлением и установлением онимических систем прошлого, анализирует причины изменений и преобразований утраченных имён, названий. В ходе исследований могут быть реконструированы более древние состояния онимических систем.

Поэтическая ономастика рассматривает собственные имена, употребляющиеся в художественном произведении. Онимия художественного текста не является зеркальным отражением реальной онимии. Онимия реальной действительности отображается через авторское видение. Литературная ономастика по сути является субъективным отражением объективного и обусловлена мотивами творчества писателя.

Ономастические исследования могут проводиться в плане синхронии и диахронии различными лингвистическими и нелингвистическими методами. Возможны глобальные, ареальные и региональные ономастические исследования.

Глобальная ономастика занимается типологическим сходством собственных имен разных стран и народов, установлением их общих закономерностей, выведением ономастических универсалий. Результаты глобальных ономастических исследований представляют большой интерес не только для лингвистов, занимающихся типологией, но и для историков и этнографов [Суперанская 2012: 11].

Ареальная ономастика устанавливает ареалы отдельных ономастических явлений, что способствует решению вопроса о субстрате и о расселении народов в предыдущие эпохи. Сохранившиеся в ономастике реликтовые слова позволяют восстановить некоторые процессы и явления, происходившие в языке в прошлом, а иногда в приблизительном виде реконструировать не дошедшие до нас древние языки, остатками которых являются некоторые имена или их части. Систематическая повторяемость формантов на определённой территории в связи с географическими объ-

ектами позволяет говорить о том, что это не случайно искаженные слова известного языка, а наделенные каким-либо смыслом элементы [Суперанская 2012: 12].

Региональная ономастика занимается выявлением ономастических систем определённых территорий. Как указывает А. В. Суперанская, «система известным образом влияет как на восприятие имен, уже существующих, так и на создание новых. В каждый исторический период система обладает внутренним равновесием и взаимно обусловленной ”ценностью” составляющих ее компонентов. В то же время система непрерывно меняется и преобразуется. Особенно усиливаются эти процессы при сменах этнического и языкового состава населения данной территории, при смене идеологических и политических влияний и т.д.» [Суперанская 2012: 12].

В научных исследованиях онимический материал рассматривается с различных точек зрения. Авторы монографии «Теория и методика ономастических исследований» (2009) выделяют следующие аспекты: лексикологический, лексикографический, логический, семасиологический, терминологический, типологический, психологический, социологический, исторический, географический, культурологический.

Лексикологический аспект предусматривает инвентаризацию и описание ономастических единиц в составе лексики языка, сравнение их с апеллятивами.

Лексикографический аспект направлен на составление ономастических словарей.

Логический аспект связан с выявлением отношений имени собственного и понятия.

Семасиологический аспект ориентирован на выявление лексических групп, подходящих для вторичных номинаций, в определенной области ономастического пространства.

Терминологический аспект направлен на конструирование, функционирование и при необходимости уточнение ономастической терминологии.

Типологический аспект основан на общности психологии людей определенной эпохи и культуры. В определенных условиях в разных ономастических системах могут возникнуть однотипные имена с аналогичной семантической структурой. Типологический подход преследует показ сходных явлений в разных языках.

Психологический аспект выявляет мировоззрение имядателя, его образ мыслей и последовательность рассуждений. Анализ имен собственных открывает универсальные категории и ассоциации разных народов.

Социологический аспект предусматривает связь имен с общественными явлениями.

Исторический аспект предполагает анализ исторического фона, на основе которого возникали ономастические системы.

Географический аспект проявляется в том, что во многих топонимах отражаются лексемы, так или иначе связанные с природными условиями.

Культурологический аспект имеет в виду изучение того национально-культурного фона, на котором возникают онимы и развиваются их системы.

Ономастическая лексика чутко реагирует на общественно-политические, социальные, культурные преобразования. Изучение имени собственного требует привлечения экстралингвистических сведений (географических, исторических, культурологических, социальных, психологических), объясняющие процессы возникновения и функционирования онимов.

Место ономастики среди других наук

Ономастика обладает комплексным характером. Это проявляется в том, что имена собственные несут в себе информацию этнографического, исторического, географического, социологического, литературоведческого плана. Кроме того, в ономастическом исследовании используются данные археологии, биологии, теологии, философии, психологии. Ономастика тесно связана с потребностями общества и целиком обусловлена социально-историческими, социально-экономическими и социально-культурными фактами. По А. В. Суперанской, для ономастических исследований необходима координация со всем комплексом [Суперанская 2012: 8].

Ономастика и лингвистика. Имя собственное – это факт языка. Как каждое слово, имя развивается по законам языка и исследуется, в первую очередь, лингвистическими средствами. Поэтому доминирующим в ономастике является лингвистический компонент. Взаимоотношение ономастики и лингвистики можно охарактеризовать как отношение части и целого. С одной стороны, при рассмотрении онимов применяются лингвистические исследовательские методы и приемы, с другой – при выяснении фонетических, словообразовательных и даже семантических вопросов в равной мере может быть полезным и ономастический материал. Одни и те же фонетические и грамматические явления прослеживаются в нарицательных и собственных именах. К примеру, нехарактерные для удмуртского языка сочетания согласных в заимствованных словах устраняются при помощи протезы (вставка звука в анлауте слова) или эпентезы (вставка звука в середине слова): *изьвер, Исьтепан, пуруд, Петыр* [Каракулова, Каракулов 2001: 51]. К характерным морфологическим чертам североудмуртских говоров относится функционирование *н'*-евых падежей: *сос'эдн'э, Кол'аосн'ын, эшэн'ыс'эн, Вал'аосн'ыс'* [Карпова 1997: 87]. В таких исследованиях роль собственных имен вспомогательная, они просто материал для изучения какого-либо лингвистического явления, при этом сам факт, что это имена собственные, не так важен.

Для установления закономерностей в истории языка применяются географические названия. В топонимах может сохранится более древнее состояние языка. К примеру, процесс сужения древнеудмуртского **о* в *у* можно наблюдать и в географических названиях: *Туйка* – рус. с. *Тойкино* (Верещаг., Перм. обл.), *Туймы* – рус. *Тойма* (Алн.), *Шушмы* – рус. р. *Шошма* (пр. приток р. Вятки), *Гурьякар* – рус. д. Городино) (Балез.), *Туйкагурт* – рус. д. *Тойкино* (Калтас., Башкортостан), *Ушъя* – рус. д. (Вотская) *Ошья* (Янаул., Башкортостан), *Пуйкагурт* – рус. д. *Пойкино* (Мам., Татарстан), *Ушлон* – рус. р. *Ошлань* (Кукм., Татарстан). «По мнению В. И. Лыткина, подобные топонимы попали в русский язык из удмуртского с гласным *о*, т. е. в тот период истории удмуртского языка, когда еще не произошло изменения **о* в *у*» (цит. по: [Кельмаков 2004: 110]).

Топонимы являются ценным источником для исторической лексикологии. В топонимии Удмуртии встречаются названия с начальным элементом *кезь ~ кизь ~ кӧзь ~ кӧз*: *Кезьвыр* (д., Селт.), *Кезьшур* (рч. Лев. пр. р. Чепцы), *Кезьвыр* (приг. Нижние Быги Шарк.), *Кезьвыр* (взв., Тыловай Деб.), *Кизядзи* (реч., лев. пр. р. Нязь), *кӧз'о/ошмэс* (род., Юшур Красн.), *кӧзвыр* (взв., Ариково Деб.), *кӧзвыр* (лг., Макарово Вав.), *кӧзвыр/н'ук* (л., Лыстэм Селт.), *кӧззо/бусы* (п., Верх-Четкер Деб.), *кӧзомувыр* (п., Родники Ув.) и т. д. Исчезнувшее из лексикона удмуртского языка слово можно сравнить с к.-з. *кӧдз* ‘мелкая галька’, к.-п. *кӧдз* ‘гравий, мелкая галька, галечник’. Возможно, в удмуртском языке лексема *кӧз* имела такое же значение, потому что географические данные указывают, что по берегам рек тех регионов, где наблюдается лексема *кӧз*, обычно встречается гравий, мелкая галька.

Отражение картины мира в региональном ономастиконе неразрывно связано с передачей диалектных отличий в языке. Географические названия и личные имена нередко сохраняют диалектные признаки того района, к которому они принадлежат. В силу этого они являются ценным источником изучения диалектных черт. Фонетические диалектные особенности отражаются в официальных названиях деревень: д. *Вильгурт* (Куед., Перм. обл.), д. *Ворца* (Яр.).

На основе ономастических данных можно проследить развитие номинативных процессов. Выявление ведущих номинативных признаков, наблюдения за принципами и способами акта номинации позволяют делать корректировки в теории номинации, поскольку в нём отражается познавательная деятельность номинатора, уровень развития его опыта в момент создания имени. Принципы номинации являются общими для родственных и неродственных народов. Преобладающим в ономастике является номинация по характеристике объекта. В топонимии Удмуртии можно выделить названия, включающие в себя характеристику по размеру объекта – *баӟӟым/бусы* (*баӟӟым* ‘большой’, *бусы* ‘поле’), *мур/кож* (*мур*

‘глубокий’, *кож* ‘омут’), *куӟ/мувыр* (*куӟ* ‘длинный’, *мувыр* ‘пригорок’), *пас'кыт/н'ук* (*пас'кыт* ‘широкий’, *н'ук* ‘лог’); по возрасту – *выл'бусы* (*выл'* ‘новый’, *бусы* ‘поле’), *вужгурт* (*вуж* ‘старый’, *гурт* ‘деревня’); по поверхности почвы – *изгурэз'* (*из* ‘камень, каменный’, *гурэз'* ‘гора’), *луовоз'* (*луо* ‘песок’, *воз'* ‘луг’); по форме – *котрэс/луд* (*котрэс* ‘круглый’, *луд* ‘поле’), *кырыж/кыз* (*кырыж* ‘кривой’, *кыз* ‘ель’) и т. д.

Имена собственные – постоянно и активно развивающаяся область языка, новые онимы возникают и входят в речевой обиход, нередко акт индивидуального имятворчества сразу же становится известен широким слоям носителя языка. Являясь частью лексической системы языка, сам оним, возникший в результате вторичной номинации, может стать исходной базой для последующей номинации: *волк* (нарицательное слово) → *Волк* (антропоним) → *Волков* (фамилия) → *Волково* (название деревни); *юбер* ‘скворец’ → *Юбер* (антропоним) → *Юбера* (ойконим) → *Юбера* (микротопоним); р. *Москва* → г. *Москва* → катер «*Москва*»; р *Иж* → г. *Ижевск* → памятник «*Ижик*».

Несмотря на генетическую близость имен собственных и нарицательных, ономастический материал в деталях отличается от нарицательного. Фонетические, морфологические закономерности, свойственные для нарицательной лексики, не всегда присущи именам собственным. Для устранения нехарактерных для удмуртского языка сочетаний согласных в нарицательных словах появляются гласные *ы, и*. В именах собственных в качестве эпентезы могут выступать и гласные *а, у*: *Прасковья – Парась, Агриппина – Гуруня*. Суффиксы некоторых местных падежей удмуртских ойконимов на конечные *-га, -ра, -та, -ча, -я* отличаются от местных падежных суффиксов имен нарицательных: *Можгала, Эгралась, Сьӧлтала, Бодьяласен*. Анализ с выявлением различий онимов от имен нарицательных поможет глубже понять природу имен собственных.

Ономастика считается частью лингвистики, которая «не вполне укладывается» в рамки целого. Выход за пределы лингвистики осуществляется за счет экстралингвистических компонентов ономастики, которые для нее обязательны. Этим же объясняется и возможность изучения ономастического материала не только лингвистическими, но и иными методами, что в случае общей лексики едва ли возможно.

Ономастика и логика. Логика, как наука о законах и операциях правильного мышления, занимается установлением связи смысла и значения словесных знаков языка, нахождением различных отношениий между терминами (понятиями), операциями определения и логического деления понятий, вероятностными и статистическими рассуждениями, парадоксами и логическими ошибками и т. д. Один из главных вопросов логики – связь слова и понятия. У любого словесного знака имеется форма и содержание. Формальная сторона знака, условный набор некоторых звуков и графиче-

ских знаков (букв) в их единстве, доступна и наглядна. Содержательная сторона имени собственного, как словесного знака, имеет скрытый, неявный характер.

С античных времен исследователи спорили о соотношении имен с именуемыми вещами. Диапазон логических и лингвистических трактовок значения очень широк. Как утверждает Н. Д. Арутюнова, «логик под термином *значение* понимает отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту), лингвист же с этим термином ассоциирует понятийное содержание выражений (концепт, сигнификат)» (Цит. по: [Ермилович 2005: 10]). В общей сложности все трактовки можно подразделить на три позиции в отношении к вопросу о соотношении логической категории имени с лингвистическим. Одни авторы не видят разницы между значением слова и понятием. Значение слова тесно связано с минимумом дифференциальных признаков. Если этот минимум выражает понятие, то почему значение должно быть отлично от понятия? Сторонники данной теории в значении имен собственных видят определенный предмет, а не понятие.

Другие авторы высказывают мысль о том, что при выражении мысли в речи совсем не обязательно, чтобы ее компоненты были «одеты» словом. Идеальное содержание словесного знака в речи носит переменный характер. Не все содержательные знаки указывают на понятия, многие из них закреплены за конкретными представлениями. Логические имена собственные отсылают слушающего к непосредственно знакомым объектам; при этом имеется в виду, что знание об этих объектах получено без помощи какого-либо вывода, а посредством прямого знакомства при помощи органов чувств или разума. Имена собственные выступают в качестве знаков, меток, не имеющих какого-либо значения.

Интересным является мнение о том, что в значении слова находит фиксацию не все содержание понятия, а только часть его. Название охватывает только броские признаки, а сознание – весь предмет. По характеру знакового значения собственные имена имеют свою семантику, но она очень специфична, своеобразна, не содержит элементов обобщения и тем самым не связывается с каким-либо понятием [Митрошкина 1987: 11–12].

Логисты рассматривают проблему определения имени собственного через категорию «единичного». Противопоставление «единичного» и «общего» трактуется как стороны отдельного объекта. «Признак только тогда может быть охарактеризован как единичный, общий, особенный или всеобщий, когда фиксирован класс объектов, по отношению к которому он выбран в качестве такового» [Руденко 1990: 229]. Общее имя фиксирует некоторые общие свойства класса отдельных объектов. Однако единичное имя является единичным не потому, что в его семантике последовательно отражаются единичные признаки объектов, а потому, что в ней последо-

вательно не фиксируются общие признаки. Имена собственные сущностно отличаются от общих и лишены значения в том смысле, в каком обладают значением общие имена [Руденко 1990: 233].

Лингвисты обращаются к логике, когда им необходимо определить то общее и наиболее абстрактное, что присуще всем именам собственным. Логики же, в свою очередь, обращаются к лингвистике при классификации вещей и понятий.

Ономастика и история. История как комплексная наука, изучающая прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии, использует ономастический материал для решения исторических проблем. Собственные имена, особенно географические названия, являются ценным историческим источником. Неслучайно историки XIX в. проявляли повышенный интерес к географическим названиям. Топонимы иллюстрируют некоторые события из истории поселений. Они позволяют судить о хозяйственных изменениях. Ономастические исследования помогают выявлять пути миграций и места былого расселения различных народов, языковые и культурные контакты, более древнее состояние языков и соотношение их диалектов. Топонимия (особенно гидронимия) зачастую является единственным источником информации об исчезнувших языках и народах. Этнотопонимы, которые чаще всего встречаются в пограничных зонах обитания народа, на стыке двух или нескольких этносов, позволяют оконтурить ареалы былого расселения народов и этнических групп. Ареал этнотопонимов с элементом *одо* ‘удмурт’ (экзоэтноним) находится в Вятско-Ветлужском междуречье, который охватывает северную часть Республики Марий Эл и примыкающие к ней юго-западные районы Кировской области, крайне восточные пределы Нижегородской, Костромской, Вологодской областей. Именно на этой территории произошли первые контакты древнеудмуртских и древнемарийских племен. Формирование южной группы удмуртов шло в треугольнике нижнего течения рек Вятки, Камы и Волги. На это указывают топонимы, содержащие в своем составе экзоэтноним тюркского происхождения *ар* [Атаманов 2015: 18].

Онимы неизбежно несут в себе определённый отпечаток времени. Это проявляется почти во всех секторах ономастического пространства. Например, в топонимии Удмуртии в достаточной мере отразились события Крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева. Микротопонимы и топонимы *башкырт*/*н'ук* л. (*башкырт* < башкир, *н'ук* ‘лог’) (д. Старое Мартьяново, Зав.); *пугачо·фской*/*ул'ча* [ул. *Пугачевская*] (с. Завьялово Зав.); *Пугачевская* ул. (пос. Совхозный Зав.); *Пугачево* пос. (М.-Пург.); *пугас'*/*ты* ~ *пугач*/*ты* оз. (пугач < *Пугачев*, ты ‘озеро’) (д. Чежебаш, Чежесть-Какси Можг.); *Пугачка* рчк., правый приток р. Тойма (Алн.); *Пугачи* выс. (Алн.); *Казаково* д. (Алн.) (удм. *Казакгурт*);

указ/*выж* м. (*выж* ‘мост’) (д. Старая Игра Грах.); *казак*/*бусы* п. (букв. ‘Казаково поле’) (д. Старая Игра Грах.); *пугачо·фской*/*с'урэс* дор. (букв. ‘Пугачевская дорога’) (д. Нижняя Малая Салья Кияс.); *пугач*/*пужым* о. д. (*пугач* < *Пугачев*, *пужым* ’сосна’, букв. ’Пугачевская сосна’) (д. Нижняя Малая Салья Кияс.); *пугач*/*н'ук* л. (букв. ‘Пугачевский лог’) (с. Бураново М.-Пург.); *пугач* кпщ. (д. Ильяпиево Игр.); *пугач*/*с'урэс* дор. (букв. ‘Пугачевская дорога’) (д. Ильяпиево Игр.) и др. так или иначе связаны с пугачевскими событиями. Выявленные географические названия расположены по пути движения пугачевских войск, что подтверждается также историческими документами.

Каждая историческая эпоха формирует свою систему ценностей и набор употребительных имен, во многом совпадающий с антропонимиконом предшествующего периода, но и заметно отличающийся от него в силу появления и популярности одних имен и исчезновения других, а также в связи с формированием культурно обусловленных национальных коннотаций, которые сопровождают имена в их официальных и неофициальных формах, в используемых этикетных формулах общения, характерных для конкретного исторического отрезка развития социума. Например, после революции 1917 г. слом общественных устоев и традиций нарекания, связанного с выбором имени для новорожденного по святцам, предоставил родителям большую свободу в выборе имен для детей. Настоящим имятворчеством можно считать имена-неологизмы из революционных и партийных лозунгов, органов власти, имен лидеров и известных политических деятелей: *Вектор* (Великий коммунизм торжествует), *Велиор* (Великая Октябрьская революция), *Видлен* (Великие идеи Ленина), *Вилорик* (В. И. Ленин – освободитель рабочих и крестьян), *Владлен* (Владимир Ленин), *Гертруда* (Героиня труда), *Дазвсемир* (Да здравствует всемирная революция), *Даздраперма* (Да здравствует первое мая), *Далис* (Да здравствуют Ленин и Сталин), *Дележ* (Дело Ленина живет), *Дотнара* (Дочь трудового народа), *Идлен* (Идеи Ленина), *Изаида* (Иди за Ильичем, детка), *Ким* (Коммунистический Интернационал молодежи), *Крармия* (Красная армия), *Кукуцаполь* (Кукуруза – царица полей), *Лагшмивара* (Лагерь Шмидта в Арктике).

Летописи, писцовые книги и другие исторические документы являются неисчерпаемым источником для ономастических исследований. Зафиксированные в документах названия помогают проследить происходившие изменения в структуре онима. Официальное название деревни Рябиновка нынешнего Увинского района в 1876 г. отмечено *Коровай-Зюмья*, неофициальное название *Штангурт* указано в скобках [СНМ 1876: 595], позже официальным названием является *Штангурт Малый* [СНП 1924: 178]. В 1956 г. д. *Большой Штангурт* и *Малый Штангурт* объединены в одну

деревню *Штангурт* [САТДУ 1995: 427], а в 1964 г. д. *Штангурт* ввиду неблагозвучности переименована в д. *Рябиновка* [САТДУ 1995: 503], под этим названием она записана и в поздних документах [АТД 1965: 116; АТД 1972: 94; АТД 1980: 81; САТДУ 1995: 503–512].

Филолог, исследующий собственные имена как особый вид лексики, не может рассматривать их вне исторического контекста породившей их культуры. Историк, видящий в именах собственных прежде всего важный исторический источник, обязан учитывать его лингвистическую специфику.

Ономастика и этнография. Этнография, исследующая культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, изучающая проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений этих народов, восстанавливающая историю их расселения и передвижения, имеет ряд точек соприкосновения с ономастикой. Географические названия содержат этнографические сведения прошлых лет. К примеру, в географических названиях часто находят отражение языческие верования. В удмуртской микротопонимии повсеместно встречаются названия с лексемами *куа ~ куала* ‘святилище’, *луд* ‘священная роща’: *куабам* (взв., Нижний Тылой Шарк.)*, куабернюк* (л., Чажи Сюмс.), *куавыр* (взв., Билиб Шарк.)*, куагоп* (лж., Малое Медло Кез.), *куаланюк* (лж. Удмуртский Лем Деб.), *куаместа* (л., Ляльшур Шарк.), *куанюк* (лж., Сеп Игр.), *куашур* (лг., Новая Вамья Ув.); *лудвӧсян* (млб., Старый Березняк Можг.), *лудвӧсь* (млб., Старая Юмья Татарстан), *луднюк* (л., Старый Игерман Зав., Муважи Алн.), *керемет* (лс., Мещеряки Зав., Поршур Грах, Аксакшур Малопург.), *кереметвыр* (взв., Удмуртская Бабья Сюмс.) и т. д. Местом для молений могли служить поле, луг, берег реки, где проводился послепосевной обряд – бусы вӧсь. Для получения обильного урожая человек обращался к своим божествам, устраивал при этом жертвоприношения: *бусывӧсь* (млб., п., Бадьярово, Ляльшур, Сосновка Шарк., Родники Ув., Пазял Можг., Деревозь Игр.) *пудовӧсь* (л., Ключи Шарк.) и т. д.

Повышенный интерес этнографов к ономастике вызван тем, что нередко наречение имени новорожденному или взрослому человек связывается с определенными обрядами. У каждого народа способ именования и образ, положенный в основу имени, индивидуален. Имена, а в особенности прозвища, в живой речи тесно связаны с традициями, религией, реалиями и другими особенностями того или иного народа. У удмуртов имя новорожденному давала бабка-повитуха, которая нарекала младенца «банным именем». При извещении о новорожденном глава семьи сообщал о найдёныше-пряхе (если родилась дочь), или найдёныше-пахаре (если рождался мальчик). Существовали и другие обряды наречения (см. подробнее [Атаманов 1988: 124]). Чем ближе культура народа к природным источникам, тем больше он хранит самобытных этнографических черт, следовательно, тем живее связь его ономастики со спецификой обрядов и быта.

Ономастика служит помощником в восстановлении истории какого-либо народа. Правильно проанализировав топонимические данные можно очертить ориентировочные границы территории прародины народа, узнать о контактах с различными этнолингвистическими группами и о многом другом. Особенно важным для древнейшей истории является анализ родовых имен, что дает информацию о происхождении племен и их родстве с другими родовыми группами. Для новой истории важны географические названия, отражающие расселение народов и взаимопроникновение этнических групп.

Ономастика и археология. Археология изучает прошлое человечества по вещественным источникам. Во многих случаях ономастические данные успешно дополняют сведения, полученные в результате раскопок. Погребальные памятники бассейна Чепцы были описаны Н. Г. Первухиным в работе «Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде» (1896), где автор привел список из 26 пунктов на основе названий мест, содержащих в своем составе формант *шай* ‘могила, кладбище’. Впоследствии на описанных Н. Г. Первухиным местах действительно были обнаружены погребальные памятники различных хронологических периодов [Иванова 1992: 4].

Для ономастики представляют большой интерес и археологические раскопки, в особенности те, которые содержат фрагменты письменности. Зачастую в найденных археологами текстах встречаются имена собственные. Например, в 1802 г. персидскую клинопись частично расшифровал немецкий учитель Георг Гротефенд. Сравнивая две надписи, он отыскал повторяющиеся слова, которые могли быть, по его мнению, именами и титулами царей: *Дарий, сын Гистаспа; Ксеркс, сын Дария*. Благодаря именам собственным удалось прочитать египетские иероглифы, вавилонскую клинопись, памятники хеттского языка и многое другое.

Ономастика и культурология. Культурология – наука, изучающая культуру, наиболее общие закономерности её развития. Осознание языка как культурно-исторической среды, постижение его как сокровищницы культуры, способствующей передаче культурных ценностей и накопленного опыта от поколения к поколению, приводит к необходимости описания национально-культурной специфики лексических единиц, в том числе имен собственных, которые отражают как внутренние законы функционирования языковой системы, так и систему социальных норм, связанных с условиями жизни и особенностями мышления народа. Имя собственное «вписано» в определенный социокультурный контекст, иначе говоря, оно культурно-исторически обусловлено.

Имя служит не только средством именования человека или местности, но и является носителем информации. Если эта информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что

имена собственные являются носителем информации об историческом и культурном развитии общества. Каждая эпоха обогащает систему имён своим собственным социологическим и идеологическим багажом. Соотнеся понятия «культура» и «имя», А. В. Суперанская приходит к выводу, что «имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с культурой и культурно-исторической традицией известного народа» [Суперанская 1973: 57]. Культурно-исторический фон удмуртского народа составляют такие имена, как *Кузебай Герд, Ашальчи Оки* – основоположники удмуртской литературы, *Трокай Борисов* – общественно-политический деятель, *Донды, Идна* – фольклорные богатыри, *Кама, Чепца* – названия рек и др. Эти лексические элементы (собственные имена) составляют некий культурный минимум, который необходим для успешной коммуникации с носителями удмуртского языка. Именно им принадлежит одна из ведущих ролей в понимании определенной ситуации и целого комплекса ассоциаций, которые возникают при актуализации прецедентного имени в речи.

Ономастика и социология. Язык – явление общественное. Только общество, только этнический и социальный коллектив, которому принадлежит человек, влияет на избрание индивидом какого-либо языка и на усвоение им каких-либо форм речи. Когда в структуре общества выделяются особые классы и группы, служащие определенным производственным целям, язык общества распадается на различные социальные диалекты. Онимы в большой степени реагируют на всевозможные изменения языка. В имени всегда отражается культура и социальная жизнь общества. В сословном обществе сословны и имена. Как указывает В. А. Никонов, выбор имени в XVIII–XIX вв. зависел от социально-экономического положения его носителя. Имена дворянок и имена крестьянок противопоставлялись. Самые частые имена среди крестьянок *Акулина, Василиса, Марфа, Матрена, Прасковья* почти не встречались у дворянок. Именник дворянок представлен именами *Александра, Варвара, Екатерина, Елизавета, Мария, Наталия, Ольга, Тамара* [Никонов 1974: 54].

Социально различался и состав фамилий. Княжеские фамилии образованы от названий удельных владений – *Шуйский, Курбский, Пронский*. Духовенство получало фамилии по названиям церквей: *Вознесенский, Никольский, Рождественский*. Среди купеческих фамилий были распространены оттопонимические фамилии: *Медынцев* (< Медынь Калуж. губ.), *Болохотвинов* (< Болхов Орл. губ.), *Каширинов* (< г. Кашира на Оке), *Муромцев* (< г. Мурома на Оке). Возникнув в определенных слоях, фамилия долгое время являлась сословной привилегией.

Социальность имени проявляется и в том, что использование различных формул имен обусловлено социальными факторами. Любой член общества принадлежит ко многим пересекающимся общностям. В различ-

ных общностях формула имен может меняться. В детском возрасте используется одна формула (*Леночка, Сереженька*), в школьной среде применяется другая (*Лена, Ленка; Серёжа, Серёжка*), во взрослой жизни употребляется третья форма (*Елена, Сергей*). Далее деревенская и городская среда могут диктовать условия использования имен. Если в городской среде возможная формула (*Елена Павловна, Сергей Анатольевич*), в деревне пользуются прозвищами (*Паши Лена, Селя*). Обладание определённым именем в обществе дает человеку различные права.

Многие населённые пункты Удмуртской Республики имеют одновременно два (иногда три и четыре) названия – официальное (оф.), местное (м.) и иногда встречаются экзотопонимы (экз.). Причем, нередко официальные названия образуются от совсем иных основ, чем неофициальные удмуртские, например: оф. *Сюровай* – м. *Исак*; оф. *Большой Варыж* – м. *Варыжгурт*, экзт. *Йононпи*; оф. *Балезино* – м. *Узякар*, *Петропавловское*, *Черкогурт* и т. д.

Одни онимы быстро и прямо отражают изменения в обществе (названия журналов, газет), в других названиях общественные перемены отражаются через промежуточные звенья.

Ономастика и география. География – комплекс наук, изучающих поверхность Земли с её природными условиями, распределение на ней населения, экономических ресурсов. Несмотря на то, что предметы исследований географии и ономастики далеки друг от друга, связь этих наук необычайно тесна. Географы, описывая и исследуя поверхность земли и ее недра, локализуют объекты двумя способами: с помощью системы координат и с помощью имен собственных. Обозначая географические объекты на картах, картографы много работают с топонимией, уточняя написание названий, правила транскрибирования и т. п., выполняют при этом работу филологов-языковедов. Филологи же оказывают значительную услугу географической науке, проводя специальные филологические исследования географической номенклатуры и способствуя таким образом выявлению этимологии названия, помогая выработать оптимальные правила орфографии имен собственных и давая ценный материал для истории географических знаний.

В географических названиях находят отражение природные особенности местности. В топонимии Удмуртии встречаются названия, указывающие на особенности почвы: *гордвыр* (*горд* ‘красный’, *выр* ‘холм, возвышенность’) (п., Ягвай Деб.), *гордгуреӟ* (*гуреӟ* ‘гора’) (гр., Туканово Сюмс., Аксакшур Маолпург., Мишкино Грах., Полом Кез.), *горднюк* (*нюк* ‘лог’) (л., бол., Уть-Сюмси Селт.); *сьӧдвыл* (*сьӧд* ‘черный’, *выл* ‘поверхность’) (п., Седъяр Бал.), *сьӧдлуд* (*луд* ‘поле’) (п. Уйвай-Медла Деб.), *сьӧдместа* (лг., Бабашур Селт.), *сьӧдмувыр* (*мувыр* ‘холм, возвышенность’) (взв., Ю-Чабья Кез.), *сьӧдошмэс* (*ошмес* ‘родник’) (род., Васюки Сюмс., Чибирь-

Зюнья Селт., Эшметьгурт Селт., Рысаи Селт., Удмуртская Бабья Сюмс.); *тӧдьсюйошмес* (*тӧдьсюй* ‘белая глина’, *ошмес* ‘родник’) (Четырман Башкортостан), *тӧдьыошмес* (род., Мугло Селт., Верхний Шудзялуд Деб., Якшур Як.-Бод.). В наименованиях сохраняются названия минералов, которые использовали удмурты в хозяйственной деятельности. Например, *пера* (грязь, которой красили сукно) сохранилось в названии деревень *Пироггурт* (Алн., Зав.), болота *пераоктон* (Кузьминцы Як.-Бод.).

Названия могут рассказать о наличии месторождений полезных ископаемых. Названия с компонентом *слал ~ сылал* ‘соль’ указывают на богатые минералами водные источники: *Слалкож* (д., Глаз.), *сылалколода* (л., п., Альцы Шарк.), *сылалошмес* (род., Артемьевцы Як.-Бод., Сундур Игр.), *сылалоошомес* (Нижнее Мочагино Кир. обл.).

Для топонимиста уникальным источником являются географические карты, которые содержат в графической форме географические и исторические факты, сведения о народах, природно-климатические особенности территории; способ обживания территории в зависимости от времени и места заселения.

Ономастика и краеведение. Краеведение определяется как изучение отдельных местностей страны с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей. Ономастика служит прекрасным средством стимулирования познавательного интереса, изучения прошлого и настоящего своего края. В названиях отражаются история заселения и освоения, характеристика природы, хозяйственная деятельность, можно найти следы названий древних народов, живших или кочевавших на ее территории. Кроме того, обращение к названиям создает ассоциации, необходимые для глубокого понимания событий и фактов, активизирует интерес к родным местам.

Народ невольно отражает в названиях характерные особенности того естественно-географического пейзажа, среди которого ему приходится жить. И хотя эти свойства обычно доступны непосредственному наблюдению или измерению, польза географических названий несомненна – они сигнализируют краеведу: «объект обладает таким-то свойством, если оно представляет для тебя интерес, обрати на это внимание». Названия живут веками, и многие из них являются свидетельством географических условий прошлого. Изучение названий географических объектов, находящихся вокруг родительского дома, повышает интерес к истории родного края, способствует развитию чувства патриотизма.

Топонимические данные могут рассказать о природном ландшафте края. Так, деревня Кер-Нюра Балезинского района образовалась на возвышенном месте у заболоченных берегов реки *Нюра*. В названии отразились реальные природные условия. Вторую часть ойконима вполне можно объяснить при помощи удмуртского языка: *нюра* < *нюр* ‘болото’ + *-а* –

суффикс, который восходит к прапермской форме *-*а*. Как указывает В. К. Кельмаков, данный суффикс в *а*-овой огласовке существовал до тех пор, пока действовал «синтагматический закон, согласно которому в непервых слогах могли функционировать лишь неогубленные гласные», примерно до XVI в. [Кельмаков 2004: 219]. В своей основе топонимы являются консервативными, и в данном названии сохранилась старая форма современной лексемы *нюро*. Первая часть ойконима *кер* связана с коми *керӧс* ‘возвышенность, гора’, ‘возвышенность, очищенная от леса’, ‘возвышенность у берегов рек с населенным пунктом’, коми-язьвинским *кӧр* ‘гора, возвышенность, холм’ [КЭСК: 122; Мусанов 2009: 21].

Для изучения экономической географии своего края помогут названия, связанные с формами хозяйственной деятельности. Например, с замачиванием конопли связаны названия с лексемой *пышты ~ пышти*, встречающаяся почти повсеместно в микротопонимии удмуртских деревень. От терминов подсечно-огневого земледелия образовались многие названия полей, лугов, деревень: *ӵуштаськем* ‘погоревший’, *сутскем* ‘сгоревший’.

Определение по топонимам былого этнического состава населения – задача вроде бы простая. Но эта простота иногда только кажущаяся, потому что с течением времени звуковой строй и словарный состав изменяется и, соответственно, названия тоже видоизменяются. На территории Кулигинского, Мысовского и Степаненского сельских поселений Кезского района Удмуртской Республики в настоящее время насчитывается 42 деревни. Основную массу населения деревень этих сельских поселений составляют русские, пришедшие в эти места после реформ патриарха Никона в XVII в. Жители большинства деревень считаются потомками старообрядцев.

Современное состояние топонимической системы рассматриваемого региона свидетельствует, что большинство ойконимов и микротопонимов возникло на базе лексики русского языка: *Андреевский* (< Андрей), *Анюшино* (< Ананий, форма *Анюш* образована при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-юш*), *Архипово* (< Архип), *Гавшино* (возможно, от Гавиний), *Ильмово* (< Илим), *Калеман* (< Каллимах, разг. Калимон), *Левино* (< Левий), *Левятский* (< Левий), *Петраконово* (< Петр, разг. Петрай, Петрован), *Фарафоново* (< Ферапонт, разг. Ферафон), *Абросята* (< Абросим, разг. Абросий), *Абраменки* (< Абрам, церк. Абрамий), *Доронята* (< Дорофей, разг. Дорон), *Ефимята* (< Ефим, церк. Ефимий), *Кагушенки* (< Кагиан), *Карпушата* (< Карп), *Киренки* (< Кирин), *Митенки* (разг. Митя могло образоваться либо от имени Дмитрий, либо от имени Митрофан), *Орешата* (< Арефий, разг. Орех, Орефий), *Пронята* (разг. Проня могло образоваться либо от имени Апрониан, либо Прохор), *Саватята* (< Саватий), *Симаченки* (< др.-рус. Симак), *Степаненки* (< Степан, церк. Стефан), *Юклята* (возможно, от Юклий); *Березник* – рщ., *Большой ключ* – род., *Викулов лог* – л., *Вышополе* – п., *Гарь* – п., *Гривошной лог* – л., *Долгие полосы*

– п., *Дурманова мельница* – мл., *За грань* – лс., дл., *Закочковник* – п., *Замогильник* – п., *Зачернозем* – п., *Зинкин пруд* – пр., *Кобылье поле* – п., *Кругло* – п., *Круглово* – п., *Кругляшки* – п., *Круглышка* – лс., *Крутой лог* – лг., *Лошки* – лг, *Лушки* – луга, *Маленький ключ* – род., *Митькина мельница* – мл., *Накамку* – лс., *Никитино поле* – п., *Орехова мельница* – мл., *Петраковские рентовки* – п., *Петраконовские прятки* – п., *Поломка* – лс., п., *Поскотина* – лг., лс., *Пронятский лог* – л., *Северный лог* – л., *Степаненские поля* – п., *Стешковый лог* – л., *Филимоновская мельница* – мл. и т. д.

В микротопонимии представлены образования описательного характера, т. е. существительное в форме косвенного падежа с предлогом. Сами жители в большинстве случаев такие именования не относят к названиям: *Верх по Юсу* – луга, *Вниз по Юсу* – луга, *За угорами* – п., *За огородами* – л., *За Пызепом* – лс., *По угорам* – лг., *На вырубку* – дл., *По трассе* – лг. и т. д.

В гидронимии Кулигинского, Мысовского и Степаненского сельских поселений наблюдается несколько иная картина. Мелкие гидрообъекты названы русскими гидронимами: *Веселая, Веселуха, Вольховка, Серебряна, Березовка* и т. д., а средние и крупные реки имеют нерусские названия. Названия больших и средних рек возникли в глубокой древности: *Кама, Нилкам, Камка, Сепыч, Юс, Пызеп, Кестым, Зуда, Шлешор, Шуршыл, Шарпа*. Исследователи Верхнего Прикамья подчеркивают, что данный регион является своеобразным с точки зрения заселения. Ставший объектом русской колонизации начиная с XIII в., рассматриваемая территория издавна была заселена пермскими и угорскими группами населения [Макаров 2006: 30]. По статистическим данным на 1869 г. в Глазовском уезде, куда входила рассматриваемая нами территория, проживали вотяки – 82299 человек, пермяки – 8608, татары – 3967, башкиры – 255, бесермяне – 4752 [СНМ 1876: XLII].

Часть гидронимов унаследована русскими от удмуртского населения, часть является более древнего происхождения. Например, названия *Шуршил* (< *шур* ‘река’, *ил* < *йыл* ‘вершина, исток’), *Кестым* (< *кӧс* ‘сухой’, *тым* ‘запруда’) вполне можно объяснить на базе удмуртского языка. Гидронимы *Кама* (< *кама* ‘большая река’ или просто ‘река’), *Камка* (< *кам, кама* + *-ка* – русский гидронимический суффикс), *Нилкам* (< *ньывк* ‘отлогое, пологое место’ [КЭСК, 198], *кам* ‘река’), *Шлешор* (< *силё* ‘валежник’, ‘грязь’, *шор* ‘река’), вероятно, относятся к общепермскому фонду.

Для понимания топонимических закономерностей необходимо привлечение названий обширных территорий.

Ономастика и биология. Биология – система наук, объектами изучения которой являются живые существа и их взаимодействие с окружающей средой. С древнейших времен жизнь человека связана с животным миром. Охотясь на зверей, он обеспечивал себя едой и одеждой. И для человека-охотника немаловажным признаком при номинации географиче-

ских объектов была информация о фауне местности. На основе названий топообъектов, указывающих на наличие животного, можно изучать зоогеографию – ареал распространения того или иного вида. Так, названия *Гондыргоп* (букв. ‘медвежья яма’) (л., Варни Деб.), *Кионгоп* (букв. ‘волчья яма’) (л., Марково Деб.), *Кионсик* (букв. ‘волчий лес’) (лс., Ягвай Деб.), *Кечнюк* (л. букв. ‘заячий лог’) (Зюзино Шарк., Полом Кез.), *Ӱшъяловыр* (букв. ‘ежовый холм’) (взв., Гонка Игр.) указывают на места обитания животных. Но при анализе подобных названий нужна большая осторожность. Не всякое названия, содержащие в своем составе зоономен, отражает фауну. Иные названия могут быть и отантропонимическими топонимами. Учитывая характер географического объекта, мы считаем, что большинство названий лесов, логов, непригодных для человеческого пользования местностей, с зоономической основой несут информацию о животном мире местности, в то время как названия полей, сенокосных угодий являются отантропонимическими образованиями.

По данным топонимии можно изучать и распространение комплексов и видов растительности. Наименования растений указывают на то, что в этих местах произрастали или произрастают обозначаемые ими растения: *Аньыснюк* (лог, где растет анис) (л., Якшур Як.-Б.), *Борыбам* (букв. ‘клубничный холм’) (ск. гр., Подшивалово Зав.), *Италмаснюк* (лог, где растет купальница) (л., Валадор Вав., Нырошур Шарк.), *Киреньвыр* (холм, где растет хрен) (взв., Кайсегурт Шарк.) и т. д. Флористические названия географических объектов подсказывают ученым, в каких районах следует искать те или иные виды растений.

Значительное место в антропонимиконе занимают лексемы, которые обозначают явления, характеризующие биологическую природу человека. Различные биологические характеристики предка сохраняются в таких современных фамилиях как *Кривощеков, Беспалов, Беленькая, Хромой, Толстой*, *Пупыдов* (букв. ‘с деревянной ногой’), *Пельтэмов* (‘безухий’) и др. Онимы, отражающие биологические свойства человека, были и есть у всех народов.

Ономастика и психология. Психология – это наука, изучающая психические процессы, возникающие в результате постоянного воздействия объективного мира, социальной среды на человека (и животных). При выборе имени новорожденному родители руководствуются психологическими мотивами. В прежние времена новорожденным давались имена-пожелания, чтобы младенцы были красивыми, здоровыми и росли на радость: *Батыркай, Золотко, Чебер*. У русичей распространенными были имена: мужские – *Благомир* (приносящий миру благо), *Белозар* (ясновидящий), *Благояр* (благоярсный), *Владимир* (живущий в ладу с миром) и т. д., женские – *Велина* (повелительница), *Владимира* (живущая в ладу с миром), *Любомила* (милая, дарующая любовь), *Стояна* (очень муже-

ственная) и т. д. Имя определяло поведение человека, его жизненный путь [Психология и имя].

Человек, одаряя свою дочь или своего сына таким престижным именем, как правило, убеждён в том, что оно принесет ребенку особые возможности, качества, чувства. Стараясь подчеркнуть индивидуальность ребенка, родители дают необычное и звучное имя. Но каждое имя – это слово, которое человек слышит чаще всего в своей жизни. Имя будет рядом с человеком на протяжении всей его жизни. И неосмотрительно поступают те родители, которые не придают значение тому, как они нарекают свое чадо.

Психологическая удовлетворенность/неудовлетворенность именем в настоящее время проявляется через никнеймы, являющиеся результатом самономинации. Участник виртуального общения, исходя из собственных интересов и стремлений, определяет себя признаками, которые выражаются через семантические особенности никнеймов. Даже если выбирается личное имя в качестве никнейма, то оно редко дублирует официальную форму, чаще всего никнеймы представлены в виде речевых форм и окрашенных его вариантов, например: *Сергей – Сергун, Серёга, Серый*; *Марина – Мариша, Маришка* и т. д. Также встречаются варианты представления никнеймов с прописной (*Вадим, Оксана, Алена*) и со строчной букв (*павел, оля, юля*).

Ономастика и литературоведение. Любое произведение содержит имена, типовые для определенной эпохи и определенной социальной группы. Имя в произведении литературы играет важную роль, оно является ориентиром во времени и пространстве. К примеру, юмористическое произведение намерено привлекает «говорящие» имена и фамилии. Яркими примерами могут служить имена *Иван Гогин, Музыкантов, Премьеров*, которые не только дают некую характеристику персонажам, но и производят комический эффект произведения. Нередко для создания образа удмуртские писатели используют прозвищные наименования. Неофициальные идентификаторы личности самым тесным образом связаны с древнеудмуртской системой антропонимикона. Семантика прозвищных наименований в художественных текстах, как обычно, бывает понятна читателям. Субстандартные антропонимы применяются авторами для выражения внешних данных человека: *Кузь Прохор* – человек высокого роста (*кузь* ‘длинный’); моральных качеств героя: *Зарни Пинь* – скупой грубый человек, относящийся к другим с высокомерием (*зарни пинь* ‘Золотой Зуб’); особенностей поведения: *Шузи-мази* – придурковатый человек (*шузи-мази* ‘дурак’). Прозвище, характеризующееся стилистической сниженностью, может нести пейоративное значение, т. к. оно метко высвечивает какую-либо смешную или даже обидно выделяемую особенность индивидуума, либо иметь нейтральный оттенок. Они являются ярким показате-

лем отношений между коммуникантами в социуме. Неофициальная идентификация выгодно отличает человека от прочих лиц в коллективе, и личность либо одобряет свою метку, индивидуализирующую её, либо протестует, желая избавиться от прозвища. В художественных текстах отрицательные персонажи наделяются прозвищами пейоративного характера: *Потап Куаштыр* (*куаштыр* – звукоподражание шороху – персонаж, распускающий сплетни), *Гырдым Сандра* (*гырдым* – насмешливое прозвище большого и толстого человека). С помощью прозвищных идентификаций репрезентируются характерологические черты их носителей.

При создании художественного образа немаловажное значение имеет форма имени. Каждый писатель тщательно подбирает имена литературным персонажам. Для придания реальности вымышленному миру автор прибегает к помощи реально существующей национально-узуальной антропонимической системы. Конфигурация литературного антропонима может вызывать уважение, пренебрежение, снисхождение, благосклонность читателя по отношению к герою художественного произведения. Антропонимические модели используются для изображения отношений между героями, указания социальной принадлежности героя к определенному социуму. Паспортная форма имени передаёт официальность отношений, прозвища включают героя в определенный микросоциум. Кодифицированная форма имени функционирует в одно-, дву- и трехкомпонентном вариантах, каждая из которых используется автором для создания дополнительных характеристик образа героя, для выражения некоторых нюансов взаимоотношений персонажей. Авторское отношение к герою произведения и его оценка также проявляется через имя собственное. Нарушение привычного употребления конфигурации имен в речевых ситуациях, представленных в произведении, несет стилистическую нагрузку.

Таким образом, ономастика связана с целым комплексом гуманитарных наук, а также с науками о Земле и Вселенной. Все эти науки помогают выявить специфику именуемых объектов, а вместе с тем и статус имен. Они оказываются вспомогательными для лингвистики, методы которой используются ономастическими исследованиями. С другой стороны, лингвистика служит вспомогательной, прикладной дисциплиной для археологов, историков, литературоведов, географов, помогая извлекать из анализируемых имен неязыковую информацию.

Вопросы и задания:

1. Что является предметом изучения ономастики? С какими науками она связана?
2. Какую информацию может получить биолог, географ, историк из данных ономастики?
3. Можно ли назвать ономастику комплексной наукой? Почему?

История развития ономастической науки

Мы живем в мире имен и названий, ведь практически каждый реальный и вымышленный объект имеют или могут иметь свое собственное наименование. При этом одни названия настолько древние, что трудно восстановить его производную основу, поскольку в ходе исторического развития название изменяется. Его фонетическая структура, переходя от одного народа к другому, стирается. Язык, которому это слово принадлежало, мог вообще исчезнуть. История таких имен скрыта от нас завесой времени. Напротив, существуют другие имена и названия, дата рождения которых установлена точно или даже широко известна.

Интерес к происхождению собственных имен возник уже давно. Ономастические данные, топонимы, антропонимы, этнонимы, можно найти в самых древних исторических документах. Но они являются лишь частью исторического текста. Древние путешественники, географы, историки не ставили перед собой цели исследовать происхождение имен и названий. Любая наука не возникает на пустом месте, а имеет какую-либо платформу, на основе которой могли развиваться научные изыскания. Для ономастики такой платформой послужили те исторические документы, из которых можно было выявить сведения о народах, о местах их проживания, об именах их правителей.

В истории изучения имен собственных в настоящее время можно выделить 4 этапа:

1) донаучный (до XIX в.) характеризуется любительскими этимологиями, как например, попытки объяснения названий государств В. К. Тредиаковского: *Норвегия* – из *Наверхия* (так как помещается «на верху» карты), *Италия* – из *Удалия* (поскольку она «удалена» от севера), *Британия* – из *Пристания* (здесь «пристали» кельты). В сочинениях В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Ф. Миллера содержатся попытки дать ошибочную и даже наивную трактовку топонимам;

2) становление ономастики как науки (XIX – начало XX в.), представленный работами языковедов, историков и географов, в частности А. Х. Востокова, Н. И. Надеждина, Н. П. Барсова, М. Морошкина, И. Добровского, Я. Коллара, Ф. Палецкого, Ф. Миклошича и др., а в конце XIX и начале XX в. – трудами А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, М. Фасмера, Я. Розвадовского, П. Скока, Ст. Младенова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Л. С. Берга, С. К. Кузнецова, П. Л. Маштакова и др. Для этого периода характерно исследование ономастической, преимущественно топонимической, лексики в ее исторической и географической «привязке» с учетом открытых сравнительно-историческим языкознанием фонетических законов;

3) научный, или ономастический (с 20-х гг. до конца XX в.), характеризующийся осознанием ономастического материала как особого разряда

языка, наряду с лексикой, фонетикой, морфологией и т. д., и потому требующий того, чтобы его изучала самостоятельная наука;

4) современный (конец XX в. до наших дней) этап характеризуется возникновением и развитием новых направлений.

Ономастический материал донаучного периода, зафиксированный в исторических документах, чаще всего носил адресный характер, т. е. топонимы использовались для указания мест исторических событий, исторические личности имели имена. Случайные рассуждения о топонимах, об их происхождении касаются отдельных, разрозненных названий. И эти попытки не могли заменить систематизированного, тематически направленного труда, который позволил бы говорить о начале научных поисков в данной области, о попытке обобщенно осмыслить всю сумму географических названий и наметить какие-то закономерности их развития.

Этап становления ономастики как науки характеризуется систематическим сбором ономастического материала. В данный период составляются словари и списки имен и названий географических объектов разных народов. К одним из первых словарей можно отнести работы Т. Виарда «Словарь географических названий» (1800), В. Вакернагела «Германские антропонимы» (1837), Я. Коллара «Именослов или речник личных имен разных народов слявянских» (1828), Ф. Палацкого «Собрание старочешских христианских имен» (1832), М. Морошкина «Славянский именослов или собрание славянских имен в алфавитном порядке» (1867) и т. д.

Научные изыскания начинаются с небольшой статьи А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии» (1812), где рассматривается происхождение гидронимов. Автор одним из первых обратил внимание на то, что часто встречающееся сходство окончаний гидронимов не может быть случайным. По мнению исследователя, повторяющиеся элементы могли означать на каких-то языках воду, поток, реку. Форманты в финно-угорской топонимии привлекли внимание и другого ученого А. М. Шегрена, который элементы *-йонга, -еньга, -йега, -ога, -га* связал с финским *joki* ‘река’ [Мурзаев 1974: 31].

Монументальные труды Ф. Миклошича, в которых исследователь отмечает связь топонимов с историей народа, привлекли внимание историков. Топонимы возникали в определенные исторические эпохи, распространялись в зависимости от конкретных исторических событий – миграции населения, культурного, экономического и языкового общения. Таким образом, у истоков становления ономастики преобладают работы, выполненные историками. По мнению Н. И. Надеждина, изучение истории должно начинаться с географической карты: «Топонимика – это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре» (Цит. по: [Мурзаев 1974: 32]).

В начале XX в. ономастические исследования Я. Розвадовского вернули ономастику в русло языковедов, ищущих ономастических доказательств в вопросах этногенеза пранарода. В контактах и дискуссиях языковедов, историков и географов, изучающих географические названия, зрело понимание топонимики и ономастики в целом по материалу и методам его изучения как науки комплексной. По Э. М. Мурзаеву, «правильнее считать топонимику самостоятельной наукой, которая использует методы и лингвистического, и исторического, и географического анализа» [Мурзаев 1974: 8]. Большой взрыв ономастических исследований произошел в 50–70-ые гг. По ономастической тематике стали проводиться различные конференции. Собранный описательный ономастический материал позволил ономатологам развивать разные направления ономастики: теоретической, исторической, прикладной. Среди научных изысканий можно выделить работы В. А. Никонова, Е. М. Поспелова, Б. А. Серебренникова, А. В. Суперанской, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, Г. П. Смолицкой, А. И. Попова, А. К. Матвеева, И. А. Воробьевой, Ю. А. Карпенко и др.

Современный этап характеризуется возникновением и развитием литературного и психологического направления в ономастике. Влияние имени на судьбу человека рассматривается в работах психолога Б. Хигира, который развивает идеи П. А. Флоренского. Б. Хигир дает новую трактовку имени и фамилии с точки зрения психологической характеристики человека, обладающего определенным именем, сочетанием фамилии, имени и отчества. По его мнению, имя человека несет в себе огромную информацию. Именно имя – слово, которое человек чаще всего слышит в своей жизни, – может оказывать роковое воздействие на всю его судьбу. Каждый неправильно названный ребенок испытывает внутренний дискомфорт, что может привести к изменению психики, может вызвать ряд заболеваний, непредсказуемые последствия. Наречение именем – очень серьезный шаг, но как неосмотрительно поступают родители, не придавая ему должного значения, относясь легкомысленно к этому важнейшему моменту в жизни. Ведь имя останется с человеком до конца его жизни. Более того, оно влияет на судьбу не только конкретного человека, но и тех людей, которые будут окружать его. [Хигир. Число имени].

История изучения удмуртской ономастики

Фиксация собственных имен началась задолго до возникновения самой науки – ономастики. Начало собиранию онимов на территории проживания удмуртов было положено еще в XVIII в., главным образом, путешественниками, историками, писателями. Изучая быт, обычаи народов, они попутно фиксировали в документах разного плана личные имена, географические наименования, названия народов. Ономастический материал исследователи использовали для решения неономастических проблем.

В истории изучения топонимии Удмуртии условно можно выделить три периода:

1. Первый период характеризуется тем, что ономастический материал лишь фиксировался в исторических документах. Период фиксации онимов длится от первых упоминаний в книгах переписей XVI–XVIII вв. до 80-х гг. XIX в. Но и в этот период уже сделаны попытки объяснения происхождения единичных названий. Удмуртский материал можно найти в работах Н. П. Рычкова, П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера, Г. И. Георги.

2. Второй период (с конца XIX в. до 60-х гг. XX в.) является началом системного подхода к изучению удмуртского ономастикона. Более обширный материал, находящийся в руках исследователей, позволяет выделить различные топоформанты, антропоформанты, выявить структуру образования удмуртских топонимов, антропонимов и микроэтнонимов. Предприняты попытки этимологического анализа и классификации топонимов. Ценные сведения по удмуртской ономастике имеются в трудах Б. Мункачи, И. Н. Смирнова, Г. Е. Верещагина, М. Г. Худякова, К. Герда и т. д.

3. Современный период – период разработок теоретических вопросов ономастки. Период характеризуется определением ономастики как науки, становлением методов ономастических исследований, выявлением топонимических и антропонимических моделей, установлением причин возникновения топонимов, изысканием апеллятивных основ удмуртских имен, фамилий, прозвищ. Теоретические вопросы удмуртской ономастики освещаются в научных работах Г. А. Архипова, Т. И. Тепляшиной, С. К. Бушмакина, М. Г. Атаманова, Л. Е. Кирилловой, М. А. Самаровой, Е. А. Сундуковой и др.

Самые первые записи удмуртского ономастического материала, а именно записи личных имен удмуртов, появляются в середине XVI в. В Жалованной грамоте удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда Вятской земли от 25 февраля 1557 г. о предоставлении им за принятие христианства трехлетней льготы перечисляются имена и фамилии глав 17 семейств [Атаманов 1988: 102].

Материалы по удмуртской ономастике можно найти в книгах переписей конца XVI и XVII вв., в которых отмечено появление значительной части удмуртских поселений. Ценные материалы содержатся в книге «Удмурты XV–XVII веках» [Луппов 1958], в записях подворной переписи 1648 г., в книгах переписей 1710, 1716 гг. [Гришкина 1976: 96, 99], 1717, 1722, и 1762 гг. [Луппов 1941: 10–14], ландратской переписи 1716–1717 гг. и переписи, произведенной комендантом Толстым в 1917 г., а также разнообразных материалах I, II, III, IV и V ревизий и «Топографическом описании Вятского наместничества» [Гришкина 1976: 95, 101]. Все эти источники позволяют выявить картину расселения и административного устройства Удмуртии в XVII–XVIII вв. Среди других источников – записи

и путевые дневники путешественников-естествоиспытателей Н. П. Рычкова (1770), П. С. Палласа (1788), Г. Ф. Миллера (1895), И. Г. Георги (1776), А. Н. Радищева (1949а, 1949б).

В изданной в 1791 г. работе «Писание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков» Г. Ф. Миллером приводятся сведения по некоторым географическим названиям Казанской губернии, в частности, о названиях *Казани, Вятки, Камы*, об ойконимах со словом *Пильги*.

И. Г. Георги дал краткое описание обряда, совершаемого удмуртами при рождении ребенка. В работах П. С. Палласа дается этимология слова Кама: «Кама… свойственно от их языка и название получила (Кам означает на вотяцком языке вообще великую реку)» [Паллас 1788: 29]. В «Журнале или дневных записках путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» Н. П. Рычкова представлено описание Сарапула и объяснено происхождение названий города *Сарапул*, *Воткинского завода*, села *Каракулино* и т. д.

Начало собиранию и частичному осмыслению удмуртской ономастической лексики было положено уже в XVI–XVIII вв. Данный этап характеризуется прежде всего фиксацией удмуртских онимов в работах путешественников, историков, писателей, а также в материалах ландратских переписей.

В XIX в., особенно в его второй половине, и в дооктябрьский период XX в. начинают публиковаться списки населенных мест Казанской и Вятской губерний, в которых содержатся ценные сведения по топонимам [СНМ 1876]. В этот период появляется целый ряд работ этнографического и исторического характера, из которых можно почерпнуть материал ономастического плана. Это работы Г. Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1886), «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889), «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда» (1895), С. К. Кузнецова «Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии» (1904), П. М. Богаевского «Очерк быта Сарапульских вотяков» (1888), Н. Г. Первухина «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» (1888), И. Н. Смирнова «Вотяки» (1890), М. Худякова «Вотские родовые деления» (1904), а также труды И. А. Износкова (1882), А. А. Спицына (1893), И. Васильева (1917). Особо следует отметить труды венгерского ученого Б. Мункачи «Народнопоэтические традиции удмуртов» (1887), «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов» (1952).

В работе Б. Г. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии» (1880), наряду с фольклорно-этнографическим материалом, даны этимологии некоторых удмуртских имен, например: *Герей* (< удм. *геры* ‘соха’). Такое имя давали мальчикам, родившимся во время весенних полевых работ. Обряды наре-

чения именами у удмуртов описаны и в статье В. М. Бехтерева «Вотяки, их история и современное состояние» (1880).

Вопросы антропонимики и топонимики затрагиваются в трудах Г. Е. Верещагина. В книге «Вотяки Сосновского края» (1886) зафиксировано большое количество топонимов Шарканского прихода. Имеется первая попытка объяснения происхождения топонимов с формантом *-кар*: «На местах этих деревень имели городища князьки» [Верещагин 1886: 99]. В статье «Остатки язычества у вотяков» (1895) Г. Е. Верещагин указывает, что в XIX в. удмурты имели христианское и банное (языческое) имена. Христианское служило для оформления официальных бумаг, а в быту использовали языческое имя. Автор приводит список имен из 280 единиц. Другая его работа «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда» (1895) посвящена истории расселения некоторых деревень Шарканской волости и образования починков. Кроме того, автором отмечены около ста микротопонимов различного характера: названия полей, лугов, мельниц, кладбищ, гор, холмов, логов, оврагов и т. д. Причем названия даются в определенной системе: сначала указываются названия более значимых объектов с точки зрения хозяйственного назначения (названия трех полей) и вокруг этих полей обозначаются менее значимые объекты [Верещагин 1998: 95–97].

На связь ойконимов с воршудными именами указывал П. М. Богаевский. Он отмечает, что «…вокруг какого-либо селения с основным именем (именем родового божества) группируются деревни с тем же названием, лишь несколько измененным. Не редкость встретить селения с подобными же названиями во всех уездах, где только живут Вотяки» [Богаевский 1888: 43].

Ономастический материал содержится в этнографическом описании «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» (1888) Н. Г. Первухина. По его данным, у северных удмуртов в конце XIX в. христианские имена полностью вытеснили языческие. Автор замечает, что при освоении христианские имена изменялись в удмуртской среде иногда до неузнаваемости (*Идай* < *Степанида*). Им дается подробное описание обряда наречения именем младенца.

Продолжая работу П. М. Богаевского о воршудно-родовых группах удмуртов, Н. Г. Первухин выявляет 50 воршудных имен на территории Глазовского уезда. На основе этого он предположил, что у удмуртов существовало до 70 родовых групп.

Значимость топонимии для исторической географии и археологии подчеркивается И. А. Износковым. Подтверждая данную мысль, другой исследователь И. Н. Смирнов отмечает, что местные названия Вятского края дают основание полагать, «что вотяки были не единственными насельниками Вятской губернии» [Смирнов 1890: 5]. В работе «Вотяки»

(1890) автор раскрывает принципы номинации в удмуртской топонимии и подчеркивает специфику удмуртских названий географических объектов. Согласно исследователю, удмуртские топонимы по своей структуре состоят из двух частей: повторяющейся, родовой, общей в конце и неповторяющейся, частной в начале. И. Н. Смирнов выделяет такие географические родовые термины, как *шур* ‘река’, *гурт* ‘деревня’, *вай* ‘ветка, ветвь’, *пи* ‘сын’, *важ ~ вож* ‘устье реки’. Этнограф обращает внимание на топоформанты *-ма, -ва, -зи, -си, -сы, -чи, -ча*, которые повторяются в различных названиях. В приложении монографии исследователь дал список из 202 личных имен жителей Слободского уезда.

Топонимический материал содержится в работе С. К. Кузнецова «Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии» (1905). Исследователь поясняет происхождение наименований, содержащих в своем составе компонент *вуж* ‘старый’. Он утверждает, что истощавшие подсечные пашни покидались через 10–15 лет. «Лет через 50 вотская семья возвращалась на старое пепелище, где успевал вырасти матерый лес, который теперь снова расчищался. Вот почему еще и теперь встречаются среди полей или в лесу остатки старых поселений (вуж гурт)…» [Кузнецов 1904: 28].

Серьезный интерес представляют работы венгерского ученого Б. Мункачи. В работе «Votják népköltészeti hagyományok» (‘Устная традиционная народная поэзия удмуртов’) зафиксировано немалое количество топонимов, выделены географические термины (*сэрег* ‘угол’, *возь* ‘луг’, *шур* ‘река’, *выр* ‘холм’ и др.). Исследователь отмечает суффиксы *-ja, -ga,* выступающие в составе воршудных имен (*Zumja, Ven'ja, Možga, Purga*). Ценными являются топонимические и антропонимические материалы, собранные Б. Мункачи от удмуртов-военнопленных в годы первой мировой войны. Собранный материал был впоследствии издан Д. Р. Фокошем-Фуксом отдельной книгой под названием «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» (‘Народные обычаи и народная поэзия удмуртов’) (1952). В данной работе топонимии отведен специальный раздел Ortsnamen (‘Названия мест’), где даны названия удмуртских деревень, входящих в Вятскую, Казанскую, Пермскую, Самарскую, Уфимскую губернии (всего около 607 названий). Причем зафиксированы два (а иногда три) наименования: удмуртские и параллельно бытующие русские названия.

Удмуртский священник И. Васильев в статье «О вотяках Сарапульского уезда» (1917) рассматривает происхождение названий деревень с компонентом *Пупья*, приводит список древнеудмуртских антропонимов.

Интересным является работа М. Г. Худякова «Вотские родовые деления» (1920), в которой автор пишет об отражении воршудных имен в удмуртской топонимии. «При первом же знакомстве с названиями вотских деревень, поражает обилие сложных, двойных имен, у которых вторая

часть повторяется, образуя группы родственных названий. Второе слово в составе названий является нечем иным, как родовым именем, первое же слово служит определением, обычно топографического характера – к названию данного рода» [Худяков 1920: 350]. Автор, подтверждая предположения Н. Г. Первухина, составил полный список всех 70 воршудно-родовых названий, с указанием уезда их бытования, и обратил внимание на их связь с тотемизмом.

Определенный вклад в изучение удмуртской антропонимии внес К. Герд. Его список, состоящий из 963 некалендарных имен, являлся на тот момент наиболее полным сводом удмуртских антропонимов. Автор дает объяснение происхождения некоторых из приведенных в списке имен.

Список антропонимов также дается в книге «Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь» (1932). В конце словаря Т. К. Борисов в разделе «Вашкала удмурт ним‘ёс. Древние удмуртские имена» привел список из 664 языческих имен. В общий список автор включил мужские и женские имена, прозвища и воршудные имена, которыми именовались замужние женщины.

Воршудно-родовой организации посвящена статья М. О. Косвена «Распад родового строя у удмуртов» (1931), где отмечается тотемическое происхождение родовых имен. Исследователь считает, что на некоторой стадии развития языка данные лексемы представляли собой женские имена, имена женщин-богинь.

А. Трефилов в статье «О древности удмуртов» [1951: 67–68], попутно касаясь вопросов топонимии, подчеркивал, что для историков и этнографов большой интерес представляют наименования поселений с окончаниями *кар* ‘гнездо’, *пи* ‘сын’, *вай* ‘ветвь’, что они связаны с родами и представляют собой родовое гнездо (*Донды-кар*, *Весья-кар*, *Эбга-кар*), наименования с окончаниями *пи* указывают на принадлежность населения деревни к роду (*Бигра-пи*, *Юбер-пи*), а *вай* – указывают на то, что люди данного поселения составляют ветвь рода (*Тыло-вай*, *Карсо-вай*).

Средневековая история удмуртов по данным исторических документов освещена в трудах знаменитого ученого П. Н. Луппова. Им был собран богатый архивный материал и опубликован отдельной книгой «Удмурты в XV–XVII вв.» [Луппов1958]. В материалах переписных книг, челобитных, жалованных грамотах и других исторических документах содержится большое количество личных имен удмуртов XV–XVII вв.

Большинство работ этого периода носит преимущественно описательный характер. Несмотря на отсутствие работ общетеоретического плана, этот период является важной вехой и научной предпосылкой для дальнейшего, более глубокого и всестороннего развития ономастических исследований во II половине XX в.

Современный период развития удмуртской ономастики, который характеризуется тем, что появляются ономастические исследования разного плана, имена рассматриваются в ономастической системе, учитываются взаимовлияние разных языков и культур, начинается с начала 60-х гг. XX в.

Формирование и развитие удмуртской ономастики происходило на фоне совершенствования ономастики в целом. Важными факторами, которые дали толчок продвижению удмуртской ономастической науки, стали:

1. Публикация огромного количества научных статей, монографий о собственных именах, книг научно-популярного плана, ономастических словарей, указателей разного характера.

2. Расширение ономастических исследований. Различные ономастические темы были включены в план научных исследований учреждений.

3. Организация конференций различного уровня. Так, например, в 1959 г. была организована I республиканская конференция по топонимике и ономастике в Киеве, затем конференции проходили в Москве, Ленинграде. Огромную роль сыграли конференции «Ономастика Поволжья»: I конференция была проведена в 1967 г. в Ульяновске, II конференция – в 1969 г. (Горький), III конференция – в 1971 г. (Уфа), IV конференция – 1973 г. (Саранск), V – в 1975 (Пенза), VI – в 1989 г. (Волгоград), VII – в 1995 г. (Волгоград), VIII – в 1998 г. (Волгоград), IX – в 2002 г. (Волгоград), X – в 2006 г. (Уфа), XI – в 2008 г. (Йошкар-Ола), XII – в 2010 г. (Казань), XIII – в 2012 г. (Ярославль), XIV – в 2014 г. (Тверь). XV Поволжскую ономастическую конференцию планируется провести в 2016 г. в г. Арзамас.

4. С конца 80-х гг. по всей стране развернулась большая работа по возвращению и охране исторических названий. В 1988 г. в Москве при Советском фонде культуры был создан Научно-общественный совет по топонимии под руководством В. П. Нерознака. Работа совета заключалась в наведении порядка в наименованиях и переименованиях населенных пунктов. В 1920–1980-х гг. многие национальные топонимы были заменены именами-анахронизмами, отражающими атрибутику времен культа личности и застоя. *Набережные Челны* получил наименование *Брежнев*, *Тверь – Калинин*, *Вятка – Киров*, *Нижний Новгород – Горький*, *Самара – Куйбышев, Ижевск – Устинов* и т. д. По решению совета многим городам были возвращены исторические названия.

Все это послужило толчком для дальнейшего развития и удмуртской ономастики. В настоящее время опубликовано значительное количество работ по различным направлениям удмуртской ономастики. Если в 1901–1962 гг. вышло 13 работ, касающихся вопросов ономастики, то в 1963–1976 – 82, из них по топонимике – 26. С 1977 по 1990 издана 81 работа, из

них по топонимике 53. К наиболее развивающимся разделам удмуртской ономастики можно отнести антропонимику, топонимику и этнонимику.

Началу современного периода развития удмуртской ономастики дали работы Г. А. Архипова. В небольших своих статьях исследователь знакомит читателей с некоторыми принципами номинации географических объектов, рассматривает мотивы возникновения названий, анализирует антропонимические единицы и их отражение в топонимии [Архипов 1963: 60–64; 1968: 62–64; 1970: 304–306; 1975: 18–24]. В двух статьях «Зоонимы в Удмуртии», «Зоонимы одного колхоза» уделяется внимание происхождению кличек животных [Архипов, Иванов 1971: 306–310; Архипов 1976: 313–316].

Личным именам посвящена статья «О древних именах удмуртов» (1969) С. В. Соколова, в которой рассматриваются языческие имена, образованные от названий птиц и животных. Эта группа имен является одной из древнейшей в удмуртском антропонимиконе.

Ряд вопросов ономастики затрагиваются в научных трудах Т. И. Тепляшиной. На основе различных топонимических методов исследователем описаны топонимы бассейна реки Чепцы, выявлены их топонимические модели и проанализированы пути адаптации топонимов в чужой языковой среде [Тепляшина 1967б; 1969; 1970; 1975]. Ареальный анализ помогает выявить распространение топонимических названий с компонентом *пор*, на основе которых автор пытается объяснить происхождение этнонима *пор* [Тепляшина 1967а]. В некоторых работах Т. И. Тепляшина уделяет внимание происхождению единичных топонимов. Название реки *Чепца*, по ее мнению [1975: 224], является уменьшительно-ласкательной формой языческого имени *Чупча* или *Чопча*, что вряд ли соответствует действительности. И в то же время вполне обоснованно объяснено происхождение названий деревень *Аргурт* (1977) и *Кизня* (1997).

В ряде статей Т. И Тепляшиной рассматриваются проблемы антропонимики. Представляют интерес статьи, посвященные двойным именам удмуртов, взаимодействию татарского и удмуртского антропонимических систем. Ею изучены и описаны удмуртские и бесермянские имена дохристианского и современного периода.

Огромное значение имеет работа Т. И. Тепляшиной «Антропонимические модели в пермских языках» (1978) – первая основательная работа монографического плана в области удмуртской ономастики. В монографии приводится сравнительный анализ антропонимов северных удмуртов и коми XV–XVII вв., выявляются лексико-семантические и структурно-грамматические модели, раскрываются пути развития современной антропонимии, показываются пути освоения и адаптации русских имен в антропонимической системе пермских народов.

Проблемам удмуртской ономастики посвящены статьи С. К. Бушмакина. Анализируя апеллятивные основы антропонимов, исследователь выделяет 15 групп лексем. Основанием для номинации явились психо-физиологические особенности ребенка, манера его поведения, события, сопутствующие рождению ребенка, природные явления, названия животного и растительного мира [Бушмакин 1970а: 263–267]. В своих работах исследователь также освещает вопросы отражения воршудных имен в топонимии [1969а; 1970б], происхождения географических терминов [1969б; 1990], возникновения параллельно бытующих названий [1971]. Структурно-морфологический анализ, сделанный автором в одной из статей [Бушмакин 1986], позволяет подразделить топонимы удмуртского происхождения на простые, сложные и составные. В этой же работе рассматриваются пути адаптации удмуртских топонимов в русской языковой среде. Значимым для удмуртской топонимики является «Словарь географических названий Удмуртской АССР» С. К. Бушмакина [1980]. Для удмуртской топонимии, как и для другой национальной топонимии, характерно то, что многие населенные пункты имеют двойные названия: официальное название, употребляемое в документах, и неофициальное, иначе народное именование. Ценность словаря, на наш взгляд, заключается в фиксации как официального названия, так и народного – удмуртского. Но, по-видимому, недостаточность материала не дала возможности автору включить названия всех населенных пунктов Удмуртии. Кроме того, допущены некоторые ошибки при передаче народных названий, т. е. иногда вместо народного названия дается калька официального названия.

Этапы становления удмуртского именника рассматриваются в работе В. К. Кельмакова. В развитии удмуртской антропонимической системы исследователь выделяет три этапа. Удмуртский, как наиболее древний этап, характеризуется именами зоо- и фитонимного происхождения. Дохристианский этап становления удмуртского антропонимикона изобилует тюркскими именами, причем возникают и гибридные имена: *Сясьськабей, Узыбей, Кызбике*. После принятия христианства удмуртская антропонимическая система полностью видоизменяется: языческие имена сменяются русскими календарными именами [Кельмаков 1973: 59–65].

Вопросам топонимики посвящены работы Л. В. Вахрушевой. В ее исследованиях рассмотрена топонимия определённого ограниченного региона – бассейна реки Иж. Автор уделяет внимание взаимодействию удмуртского и русского языков в топонимии, в частности ойконимии, [1976а], разбирает вопросы происхождения топонимов [1976б; 1980; 1983; 1986].

Фундаментальные работы по проблемам удмуртской ономастики написаны М. Г. Атамановым. Им разработаны многие теоретические вопросы ономастики, которые ранее не затрагивались в удмуртском языкознании. В его работах освещаются вопросы антропонимики, этнонимики,

топонимики. Проблемы происхождения и расселения воршудно-родовых групп освещаются научных статьях и работах монографического плана. М. Г. Атаманов рассматривает морфологическую структуру воршудных имен, историю расселения воршудно-родовых групп, родовые центры удмуртов, происхождение воршудов, племен и их названий, исследует историю удмуртского народа. Исследователем выяснен воршудно-родовой состав более тысячи удмуртских населенных пунктов. Топонимический материал использован им для объяснения происхождения названий воршудно-родовых групп, племен, для выявления ареала проживания удмуртского народа [1988, 1997, 2001, 2005, 2010]: “из 3136 населенных пунктов Удмуртии 283 названия селений содержат в своем составе воршудно-родовое имя” [Атаманов 1988: 49].

Ряд работ М. Г. Атаманова посвящен исследованию топоформантов, которые представляют собой деэтимологизированные географические термины, употреблявшиеся некогда в самостоятельном значении, первоначальное значение которых восстановимо благодаря данным других языков [Атаманов 1984; 1986; 1987; 1988; 1997]. В работах исследователем рассматриваются вопросы происхождения топонимов, географические апеллятивы, угорские и самодийские элементы в топонимии Удмуртии [Атаманов 1988, 1997, 2010, 2015].

В любой ономастической системе имеются названия, возникшие недавно и унаследованные от глубокой древности. Прослеживая историю создания топонимов, М. Г. Атаманов выделяет несколько исторических пластов: прапермский, собственно-удмуртский и русский [1988; 1989; 1997]. Единичные, сравнительно редко встречающиеся иноязычные вкрапления не составляют единой системы. В топонимии Удмуртии, как единый комплекс названий, можно выделить лишь русский пласт. Встречающиеся угорские, самодийские, тюркские, марийские названия следует отнести к топонимическим элементам. Наиболее древними из иноязычных названий являются топонимы угорского и самодийского происхождения. Топонимический материал, подкрепленный археологическими данными, говорит о проникновении отдельных угро-самодийских групп на территорию бассейна Чепцы. Данные топонимии позволяют выявить ареал былого расселения современных народов и этнических групп, проследить пути их миграции [Атаманов 1983; 1988; 1997; 2001].

Пути развития антропонимической системы удмуртов представлены во многих публикациях М. Г. Атаманова. Фундаментальной работой по данному направлению ономастики является научный труд «Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов» (1990). Удмуртский именослов, как и системы других народов, является сложным, многопластовым явлением и неразрывно связан с историей носителей имен. Антропонимикон удмуртов состоит из исконно удмуртских и заимствованных имен.

По сведениям исследователя, у удмуртов в числе популярных имен были зоонимные и «отпугивающие» антропонимы. В заимствованных именах выделяются следующие пласты: 1) иранский; 2) угорский; 3) тюркский; 4) русский [Атаманов 1990: 5–13]. В словарь включены имена удмуртов с момента их первой фиксации до наших дней. Сюда вошли мужские и женские имена, исконно-удмуртские и заимствованные.

Видное место занимают работы М. Г. Атаманова «Удмуртская ономастика» (1988), «История Удмуртии в географических названиях» (1997), «По следам удмуртских воршудов» (2001), «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов» (2005), «Происхождение удмуртского народа» (2010).

Бесценный ономастический материал содержится в солидном труде М. Г. Атаманова «Язык Земли Удмуртской : историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона. Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвылъёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам» (2015). Историко-этимологический анализ названий географических объектов дает богатейший материал для познания особенностей природных условий и хозяйственной деятельности человека, его расселения.

Весомый вклад в удмуртскую топонимику вносят работы Л. Е. Кирилловой (Зверевой). Системный анализ микротопонимов [Зверева 1980], анализ географических терминов [Зверева 1983а; Кириллова 1992; 2002], выявление структурных типов [Зверева 1990; Кириллова 1992; 2002], вопросы истории изучения удмуртских топонимов [Зверева 1983б; 1987], использование национальной топонимии на территории Удмуртии [Кириллова 1992; 2007], исследование поэтонимов [Кириллова 1993], проблемы взаимодействия языков в топосистеме [Кириллова 2002] и многие другие вопросы топонимики рассматриваются в ее научных работах.

Особый интерес представляют монографические изыскания Л. Е. Кирилловой «Микротопонимия бассейна Валы» (1992), «Микротопонимия бассейна Кильмези» (2002). Эти две работы являются фундаментальными исследованиями в области удмуртской микротопонимики. В первой работе главенствующее место при анализе наименований топообъектов занимают методы классификации и статистического подсчета. Собранный автором в полевых условиях микротопонимы классифируются на семантические группы и анализируются их структурные типы. Во второй работе упор сделан на этимологический метод, микротопонимы рассмотрены с точки зрения их происхождения.

В настоящее время исследованием микротопонимии Верхней Чепцы занимается М. А. Самарова. В 1999 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Микротопонимия Верхней Чепцы», а в 2010 г. вышла ее

монография «Наименования топообъектов Верхней Чепцы», в которой автор рассматривает микротопонимию определенного региона с лексико-семантической и структурной точки зрения. В своих работах М. А. Самарова в контексте анализа микротопонимов касается вопросов происхождения некоторых названий населенных пунктов исследуемого ею ареала. Ряд работ автора посвящен анализу апеллятивной лексики, отантропонимных наименований топообъектов, структуры микротопонимов, литературной ономастике.

Происхождение ойконимов, орографические апеллятивы, выступающие в составе названий населенных пунктов, рассматриваются в статьях Е. А. Сундуковой. В 2011 г. молодой исследователь успешно защитил диссертацию «Ойконимия Севера Удмуртии». В своей диссертационной работе автор рассматривает лексико-семантические и структурные особенности названий населенных пунктов северной части Удмуртии.

Интересными и содержательными работами в области ономастики являются статьи Р. Ш. Насибуллина, О. В. Широбоковой, Л. А. Волковой, А. В. Баженовой, И. В. Тараканова, Л. Л. Карповой и др. Это далеко не полный перечень научных работ, в которых затрагиваются и освещаются вопросы удмуртской ономастики.

Удмуртский ономастический материал привлекается в одном ряду с онимией других регионов в сравнительно-сопоставительном плане. Из обширной финно-угорской литературы по ономастике, в которой представлен удмуртский материал, следует выделить работы Р. А. Агеевой, Л. Ш. Арсланова, А. П. Афанасьева, И. С. Галкина, А. С. Кривощековой-Гантман, А. Н. Куклина, Б. А. Серебренникова, А. К. Матвеева, Э. М. Мурзаева, В. А. Никонова, А. И. Попова и др.

Исследователи удмуртской ономастики

Тепляшина Тамара Ивановна (1924–2015)

Тамара Ивановна Тепляшина – кандидат филологических наук, автор свыше сотни научных трудов, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, ветеран Великой Отечественной войны и труда.

Родилась Тамара Ивановна Тепляшина 9 марта 1924 г. в д. Малая Кизня Солодовского сельсовета Верещагинского района Пермской области (с. 1932 г. Дебесского района Удмуртской автономной области (впоследствии Удмуртская АССР и Удмуртская Республика)) в крестьянской семье. В 1931–1934 гг. училась в начальной школе в своей родной деревне, в 1934–1937 гг. – в Усть-Лемской неполной средней школе. Получив семилетнее образование, она перебралась в Ижевск. Тяга к знаниям привела ее в школу рабочей молодежи. Работала и одновременно училась. В 1941 г. поступила на литературный факультет Удмуртского педагогического

института. Но в декабре 1942 г. она 18-летней девушкой ушла на фронт и всю войну (до января 1946 г.) служила зенитчицей в различных воинских частях (вначале на Карельском фронте и затем на Дальнем Востоке). После стольких военных лет, желание получить высшее филологическое образование у нее еще больше возросло. И в сентябре 1946 г. – после недолгой учебы в Удмуртской областной партшколе в Ижевске – она поступила на финно-угорское отделение восточного факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова. Здесь раскрылся ее интерес к различным языкам. В 1949 г. с защитой дипломной работы на тему «Из истории спряжений пермских языков» (Ленинград, 1949) она закончила университет и вернулась в Ижевск. Научную деятельность в области языкознания она начала как лексикограф и, будучи младшим научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР, участвовала в составлении «Русско-удмуртского словаря» (1956). Увлечение наукой привело Т. И. Тепляшину в аспирантуру Института языкознания АН СССР (сектор финно-угорских языков). В 1952–1955 гг. она под руководством известного финно-угроведа, диалектолога и фонетиста В. И. Лыткина написала кандидатскую диссертацию на тему «Тыловайский диалект удмуртского языка», которую успешно защитила в 1955 г. Проработав несколько лет ассистентом на кафедре русского языка Рязанского педагогического института, в 1959 г. она вернулась в Москву и с сентября этого года вплоть да самого выхода на пенсию работала в Институте языкознания АН СССР, вначале младшим, а затем старшим научным сотрудником сектора/лаборатории финно-угорских языков.

Круг научных интересов Т. И. Тепляшиной многогранен. Внимание ученого привлекали разные области удмуртского языкознания: диалектология, топонимика, фонетика, лексикология, лексикография. С ее именем связано, как отмечает В. К. Кельмаков, становление третьего, теоретического, этапа истории удмуртской диалектологии, когда в 1955 г. ею было подготовлено первое монографическое описание (диссертационного уровня) одного из удмуртских диалектов – тыловайского [Кельмаков 2009: 13].

Т. И. Тепляшина свою научную деятельность начала как диалектолог. Свыше двадцати ее научных изысканий касаются проблем удмуртской диалектологии. Среди работ ученого в этой области языкознания выделяются, с одной стороны, исследования, посвященные описанию особенностей отдельных пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка, и, с другой, – работы, затрагивающие некоторые общие вопросы современной удмуртской диалектологии, в частности, междиалектные явления, разработка критериев диалектного членения удмуртского языка, межъязыковые контакты, методика описания диалектов.

Кандидатская диссертация «Тыловайский диалект удмуртского языка» (1955), стала одной из первых исследований, где была представлена методика описания диалекта как цельной языковой системы. В работе автор довольно подробно останавливается на рассмотрении фонетических и морфологических особенностей одного из северных говоров удмуртского языка. Т. И. Тепляшина рассмотрела артикуляцию отдельных гласных и согласных тыловайского диалекта с применением экспериментальных методов рентгенографии и палатографии и положила начало исследованию фонетики удмуртских диалектов с помощью различных инструментальных методов.

В дальнейшем в поле зрения ученого-исследователя попали северно-удмуртские, срединные говоры, бесермянское наречие, не остались без внимания и периферийно-южные говоры. Сбор материала в непосредственном общении с носителями говора дал возможность исследователю представить надежный материал для научных изысканий. Итогом поездок в северные и центральные районы Удмуртии, Кировской области, Мари Эл, Татарстана стали десятки статей диалектологического и топонимического характера.

В публикациях Т. И. Тепляшиной нашли отражение вопросы диалектного членения удмуртского языка на современном этапе его развития. Исследователь в удмуртском языке выделяет 3 наречия (северное, южное, юго-западное) и группу промежуточных говоров, т. е. срединных (по терминологии автора: средние), которые имеют ряд своих особенностей как в фонетике и лексике, так и в морфологии и синтаксисе.

Центральное место в научном творчестве Т. И. Тепляшиной как диалектолога занимает монография «Язык бесермян» (1970). Работа была написана на основе письменных источников и исследований о бесермянах и их языке и собранного ею в течение многих лет в полевых условиях фактического диалектного материала на территории проживания различных групп бесермян. В обширном исследовании Т. И. Тепляшина впервые подробно рассматривает фонетические и морфологические явления бесермянского наречия в сравнении с другими удмуртскими диалектами и тюркскими языками. Эта книга стала первой опубликованной монографией, посвященной описанию конкретного удмуртского диалекта. На основе анализа языковых материалов автор пытается решить проблему происхождения бесермян и склоняется к мысли об их булгарском происхождении. Идея о тюркском происхождении бесермян прослеживается также в другой статье ученого «Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян» (1975).

В одних из своих работ она выявляет фонетические особенности языка бесермян, отразившихся в личных именах, зафиксированных в некоторых исторических источниках, в частности в книге «Документы по истории

Удмуртии XV–XVII веков» (Ижевск, 1958), в других описывает семейно-родовые имена бесермян. Работы Т. И. Тепляшиной, посвященные исследованию антропонимии бесермян, органично связаны с теми, в которых рассматриваются этимология этнонима бесермян (самоназвание бесерман) и вопросы происхождения народа.

Другая область удмуртского языкознания, развиваемая Т. И. Тепляшиной, – это ономастика, которая начала интенсивно двигаться в нашей стране в 50–60-е гг. XX столетия. Тамара Ивановна энергично включилась в разработку вопросов ономастики и принимала активное участие в ономастических конференциях. Фундаментальной работой автора в этой области явилась монография «Антропонимические модели пермских языков» (1978). В научной работе подробно проанализированы личные имена, отчества, фамилии, прозвища не только удмуртов, но и коми-зырян и коми-пермяков, дано их лексико-типологическое и структурное описание, рассматриваются вопросы адаптации имен пермских народов русским языком и особенности усвоения русских имен пермскими народами, представлены модели удмуртских личных имен, употреблявшихся в XV–XVII вв., а также имеются указатели коми (коми-зырянских) и коми-пермяцких имен. Работа основана на богатом материале, собранном из писцовых книг XV–XVII вв., причем данные сопоставляются с составом именника современного периода. Монография «Антропонимические модели пермских языков» явилась ценным вкладом в научную литературу о личных именах, используемых финно-угорскими народами.

Огромная заслуга Т. И. Тепляшиной как ономасиолога заключается еще и в том, что она своими научными работами притянула к разработке вопросов ономастики более молодых лингвистов – С. К. Бушмакина, С. В. Соколова, Р. Ш. Насибуллина, В. К. Кельмакова, и др., которые, хотя и не стали ономасиологами, тем не менее стали известны в этой области удмуртской лингвистики рядом своих публикаций.

Особое место в научном творчестве Т. И. Тепляшиной занимает антропонимика. Разработке вопросов, связанных с личными именами людей, посвящено более 15 работ. Большой интерес представляют древнеудмуртские личные имена удмуртов, извлеченные автором из материалов писцовых книг XV–XVII вв. В нескольких статьях ученого рассматриваются семантика, способы образования, характер функционирования и русская адаптация удмуртских антропонимов.

Значительное количество работ Т. И. Тепляшиной посвящено неразработанным проблемам удмуртской топонимики. В ее трудах всестороннему анализу подвергнуты различные виды топонимов: гидронимы Удмуртии, названия возвышенных мест, ойконимы бассейна Чепцы, юга и юго-запада Удмуртии, разработаны вопросы русской адаптации удмуртских топонимов. В нескольких работах рассматривается топонимия бесермян.

В 28 населенных пунктах Балезинского, Глазовского, Юкаменского, Якшур-Бодьинского и Ярского районов исследователем выявлено большое количество микротопонимов: названий улиц, полей, логов, оврагов, родников, гор, рек и речек, лугов, лесов, дорог – всего 608 микротопонимов.

Таким образом, труды Т. И. Тепляшиной, посвященные основным разделам ономастики (этнонимики, антропонимики и топонимики), поставили ономастические исследования Удмуртии на новый научный уровень и послужили хорошей стартовой площадкой для будущих научных изысканий, подхваченных исследователями следующего поколения (М. Г. Атамановым, Л. Е. Кирилловой, М. А. Самаровой, Е. А. Сундуковой).

Третье направление в удмуртской лингвистике, которую Т. И. Тепляшина развивала – это изучение и публикация ранних памятников удмуртской письменности. В этой области, помимо нескольких статей, ею издана книга «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (1965), включающая свыше 10 наиболее ранних документов. Автор данной книги не просто издает впервые или переиздает ранние письменные памятники удмуртского языка, но и сопровождает эти материалы историей их составления и первоначальной публикации, комментариями графического, фонетического и диалектологического характера с привлечением данных из современных удмуртских говоров и литературного языка, а в некоторых случаях и родственных языков, в необходимых случаях проводит расшифровку неясных слов и их форм. Значение данной работы Т. И. Тепляшиной заключается в том, что недоступные для большинства читателей ранние письменные документы были изданы. С появлением книги «Памятники удмуртской письменности XVIII века» открылась возможность познакомиться с литературой, относящейся к раннему периоду развития удмуртской письменности. Огромная роль Т. И. Тепляшиной в этой области удмуртского языкознания состоит еще в том, что ей удалось сделать копии с ряда ранних рукописных документов в различных книгохранилищах страны и передать их в архивный фонд Удмуртского научно-исследовательского института, что позволило издать многие рукописные работы.

Михаил Гаврилович Атаманов

Михаил Гаврилович Атаманов – доктор филологических наук, протодиакон Русской Православной церкви, член Союза писателей России. Он является автором около 300 научных публикаций и рецензий, посвящённых вопросам диалектологии, ономастики, этногенеза и этнографии удмуртов.

Михаил Гаврилович Атаманов родился 19 сентября 1945 г. в крестьянской семье в д. Старая Игра (Вуж Эгра) Граховского района Удмуртской АССР. Окончив 8 классов в с. Верхняя Игра, в 1961 г. поступил учиться

в Асановский совхоз-техникум на зооветеринарное отделение, после окончания которого с 1966 по 1968 гг. служил в рядах Советской Армии в Забайкальском военном округе. После службы Михаил стал работать зоотехником в колхозе «Родина» Граховского района.

Но любовь к языку, истории, культуре родного народа привели Михаила Атаманова в 1970 г. в Удмуртский государственный педагогический институт. В 1973 г. пединститут преобразовали в университет, поэтому заканчивал вуз Михаил Гаврилович уже по университетской программе в 1975 г.

Стремление М. Г. Атаманова к знаниям, его активное участие в ежегодных экспедициях с этнографами, языковедами, фольклористами ко всем этнолингвистическим группам удмуртов, вплоть до Восточной и Западной Сибири, также его выступления с докладами в студенческих конференциях (Глазов, Тарту), во всесоюзной научной конференции по ономастике Поволжья (Саранск, 1973) были замечены преподавателями. Доклад, прочитанный еще в студенческие годы в Тарту (Эстония) по этимологии воршудного имени Эгра, был особо отмечен академиком Академии Наук Эстонии, профессором финно-угорской кафедры Тартуского университета, доктором филологических наук Паулем Аристэ, выдающимся лингвистом с мировым именем. После успешного завершения учебы в университете М. Атаманов был направлен в целевую аспирантуру на финно-угорскую кафедру Тартуского университета (Эстония), где он продолжил свою научную деятельность под руководством П. Аристэ. Досрочно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Этнонимы удмуртов в топонимии» в 1978 г., М. Г. Атаманов вернулся в Ижевск и в течение 11 лет (1978–1989 гг.) работал в секторе языка НИИ при СМ УАССР (ныне – УИИЯЛ УрО РАН).

В конце 1989 г. Михаил Гаврилович ушёл служить в церковь, в январе 1990 г. принял сан диакона. А через год по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II начал работу по переводу Библии, богослужебной и духовной литературы на удмуртский язык. Уже изданы Евангелия, Новый Завет, Псалтирь, Книги Царств; Молитвослов, Часослов, Каноник, чин Литургии. В Финляндии Институтом перевода Библии изданы его переводы: в 1991 г. – «Марклэн гожтэм Евангелиез» («Евангелие от Марка»), в 1992 г. – «Ӟеч Ивор» («Благая Весть – Четвероевангелие»), в 1994, 1999 гг. – Псалтирь, в 1996 г. – «Апостолъёслэн ужъёссы» («Деяния апостолов»), в 1997 г. – «Выль Сизён» («Новый Завет»), в 2001 г. – «Нылпиослы Библия» («Детская Библия»). Богословским редактором всех этих книг является Марья Картано. Кроме того, отец Михаил перевёл и издал в Ижевске «Вӧсяськонъёс» («Молитвослов»), выдержавший уже 7 переизданий; в 1994 г. – «Данъяса кырӟан гуръёс» («Акафистник»); в 1998 г. – «Часэн-часэн вӧсяськонъёс но кырӟанъёс»

(«Молитвы и песнопения. Часослов»); составил книгу проповедей на евангельские темы «Инмаре, жаля монэ сьӧлыкоез» («Боже, милостив буди ко мне грешному» – 1995 г.); в 2000, 2001 гг. – «Вӧсяськонъёс. Канонъёс. Кырӟанъёс» («Молитвы. Каноны. Песнопения»); в 2001 г. – «Удмурт кылын Литургия» («Литургия на удмуртском языке»); в 2002 г. – «Быдӟым жыт служба. Ӵукна вӧсяськонъёс» («Великая вечерня. Утреня»). Библейская литература переводится и издается совместно с Институтом перевода Библии (Хельсинки), на средства финских христиан, а перевод и распространение богослужебной, духовной литературы полностью выполняется отцом Михаилом.

В 1994 г. М. Атаманов совершил паломническую поездку по святым местам Ближнего Востока, Северной Африки и юго-восточной Европы, после которой опубликовал свой дневник паломника под названием «Ньыль зарезь пыр Иерусалиме» («За четыре моря – в Иерусалим»). В 1999 г. издал книгу на русском языке «Мой путь в Библию». Опубликовал ряд статей по истории христианства, христианской этики среди удмуртов, по формированию библейской терминологии в удмуртском языке.

Будучи священнослужителем православной церкви, диакон Михаил Атаманов в 1996 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов» (Йошкар-Ола, 1996).

Большинство научных публикаций М. Г. Атаманова посвящено вопросам исторической ономастики и этногенеза удмуртов, он подготовил к изданию ряд фольклорно-этнографических транскрибированных текстов по говорам граховских и сибирских удмуртов. На основе легенд и преданий, исторических, этнографических материалов с включением текстов подлинных удмуртских песен, сказаний и молитв М. Г. Атаманов создал эпос «Тангыра» (2008 г., в 2012 г. – русский вариант). «Тангыра» – это попытка осмыслить наиболее драматические, переломные моменты истории удмуртского народа в форме мифологического повествования [Гришкина 2008: 308]. В ней очень умело и мастерски использован ономастический материал: антропонимы, теонимы, мифонимы, этнонимы и микроэтнонимы. Исключительно большую роль в эпосе играют обширно представленные удмуртские топонимы и микротопонимы, относящиеся не только к нынешней Удмуртии, но и к территории за ее пределами. Особенности использования собственных имен в эпосе “Тангыра” подробно описаны в работе самого автора [Атаманов 2008: 57–64].

Научные труды М. Г. Атаманова, посвященные уникальному по своей сохранности в Поволжско-Приуральском регионе институту воршуда удмуртов, стали классикой удмуртоведения.

Перу исследователя принадлежат 6 монографий и 2 словаря: «Удмуртская ономастика. Этнонимика; топонимика; антропонимика» (1988), «Уд-

мурт нимбугор. Словарь личных имён удмуртов» (1990), «История Удмуртии в географических названиях» (1997), «По следам удмуртских воршудов» (2001), «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов» (2005), «Песни и сказы ушедших эпох: Эгра кырӟа, Эгра вера» (2005), «Происхождение удмуртского народа» (2012), «Язык Земли Удмуртской» (2015), «Язык Земли Удмуртской : историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона. Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвылъёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам»» (2015) и более 500 статей.

В настоящее время М. Атаманов является членом двух диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций на филологическом и историческом факультетах Удмуртского государственного университета. Он оппонировал 5 докторских и 13 кандидатских диссертации. В республиканских журналах «Кенеш» и «Вордскем кыл» опубликовано много статей М. Г. Атаманова, в которых рассматриваются антропонимы, этнонимы, топонимы, патронимы удмуртов.

С января 2002 г. в журнале «Кенеш» под литературным псевдонимом Атаманов-Эграпи Микаль начал публиковать серию художественно-документальных очерков под общим названием «Кылё тодэм калыкъёс» («Остаются знакомые люди»), посвящённых показу жизни благочестивых удмуртских христиан, многие из которых пострадали в годы гонений за веру и церковь.

В республиканской газете «Удмурт дунне» ежемесячно с 2000 г. ведёт страницу «Оскон, оскиськон, яратон» («Вера, надежда, любовь»), где он публикует статьи, проповеди на религиозно-духовные, библейские темы, связывая их с современными событиями в мире. С 1991 г. два раза в месяц по республиканскому радио ведет проповеди на евангельские темы с церковными песнопениями на удмуртском языке.

М. Атаманов – член Союза писателей России с 2006 г. Сборник его эссе «Мон – удмурт. Малы мыным вӧсь?» («Я – удмурт. Отчего мне больно?») отмечен литературной премией «Программы родственных народов Эстонии» (2009). Михаил Гаврилович избран членом Финно-угорского общества Финляндии (Хельсинки).

Неустанный труд, добросовестность, бережное отношение к слову и Слову привели к тому, что на сегодняшний день М. Г. Атаманов известен как видный исследователь удмуртской ономастики, талантливый фольклорист, сделавший богатейшие записи всех жанров удмуртского фольклора, этнограф, внесший существенный вклад в разработку проблем этногенеза и этнической истории удмуртов, и переводчик Библии на удмуртский язык.

За многолетний достойный труд М. Г. Атаманову присвоено звание «Ветеран труда РФ», награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2000 г.). За вклад в развитие удмуртской литературы он

награжден Почетной грамотой Государственного Совета Удмуртской Республики (2009 г.), решением Коллегии Министерства национальной политики Удмуртской Республики от 21 ноября 2011 г. награжден памятной медалью «Трокай Борисов. 1891–2011» за значительный вклад в сохранение и развитие языка, культуры и традиций удмуртского народа.

Кириллова Людмила Евгеньевна

Кириллова Людмила Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики (2005), член Русского Географического общества (2009).

Людмила Евгеньевна родилась в деревне Якшур Завьяловского района 11 марта 1955 г. После окончания филологического факультета Удмуртского государственного университета (1977), её направили в Москву на стажировку Институте языкознания АН СССР. В 1980 поступила в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР (ныне РАН). Подготовила кандидатскую диссертацию под руководством Б. А. Серебренникова. Защищалась по изданной монографии «Микротопонимия бассейна Валы» в 1992 г.

После окончания аспирантуры вернулась в Удмуртский исследовательский институт при Совмин УАССР (ныне Удмуртский институт ИИЯЛ УрО РАН). С сентября 1994 г. по январь 2007 г. заведовала отделом языкознания, затем отделом исследования культурного наследия, с сентября 2010 г. по 2014 г. – отделом филологических исследований.

Специалист по удмуртскому и финно-угорским языкам. Автор более 120 научных работ по различным вопросам удмуртского языкознания, в том числе двух авторских и одной коллективной монографии, составитель двух словарей и одной географической карты, 18 зарубежных публикаций. Основное направление научных исследований Л. Е. Кирилловой связано с проблемами топонимии Удмуртии. Она фронтально обследовала микротопонимы населенных пунктов, расположенных в бассейнах Валы, Кильмези и Ижа. Ее монографии и исследования в международной серии “Onomastica Uralica” широко используются в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов Удмуртского университета. Внесла большой вклад в публикацию рукописных памятников удмуртской письменности XVIII в.: «Удмуртско-русского словаря» З. Кротова и Грамматики М. Могилина [М. А. Мышкина], совместно с Л. Л. Карповой подготовила к изданию лингвистические труды Г. Е. Верещагина. Много раз принимала участие на международных, всесоюзных, региональных и республиканских конференциях и симпозиумах, на VI, VIII, IX, X, XI Международных конгрессах финно-угроведов, редактировала и рецензировала научные

труды по удмуртскому языкознанию и другим проблемам удмуртоведения, оппонировала кандидатские диссертации.

В течение нескольких лет читала спецкурс по топонимике Удмуртии на географическом факультете Удмуртского университета; читала лекции и вела практические занятия для студентов и аспирантов факультета удмуртской филологии по разным дисциплинам, руководила курсовыми и дипломными работами студентов, вела спецкурс для магистрантов исторического факультета. Выступала с лекциями перед учителями в Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики, перед учителями и школьниками в Республиканском центре дополнительного образования для детей, перед библиотекарями на республиканских семинарах, часто печатается в средствах массовой информации. Принимает активное участие в работе Республиканской термино-орфографической комиссии.

Ведет большую общественную работу в институте и за ее пределами: была руководителем агитколлектива, председателем и членом профкома института, уполномоченным института по социальному страхованию, ученым секретарем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по специальности фольклористика. Принимала активное участие в работе Всеудмуртской ассоциации “Удмурт кенеш”, была членом правления Общества удмуртских женщин “Удмурт нылкышно кенеш”.

С 1994 г. является координатором Общества М. А. Кастрена (Хельсинки, Финляндия) по Удмуртской Республике, членом редколлегий Международного журнала «Onomastica Uralica» (Дебрецен–Хельсинки) и научного журнала «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола, РФ), руководитель Топонимической комиссии при Удмуртском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Вопросы и задания:

1. Какие этапы выделяются в истории изучения ономастики?
2. Какие направления и аспекты можно выделить в удмуртской ономастике?
3. Перечислите фундаментальные работы по удмуртской ономастике.

Имя собственное – словесный знак

Любой знак является единством обозначаемого и обозначающего. Самым распространенным условным знаком является слово. Важнейшей характеристикой словесных знаков является наличие формы и содержания. Форма имеет звуковую (фонетическую) и письменную (графическую) стороны. Словесный знак – это некий условный набор звуков и букв, который осознается как целое и наполнен содержанием. Содержание складывается из взаимоотношений значения и смысла словесного знака. В научной литературе существует две интерпретации значения: логическое и лингвистическое. Как указывает Н. Д. Арутюнова, «логик под термином значение понимает отношение знака к объекту действительности, лингвист же ассоциирует с данным термином понятийное содержание языковых выражений» (Цит. по [Ермилович 2001: 10]).

В языке принято выделять 4 категории словесных единиц с точки зрения соотношения означающего и обозначаемого:

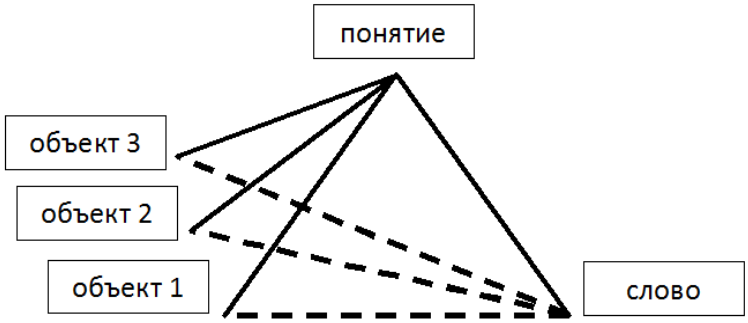
1) имя нарицательные;
2) имя собственные;
3) дейктические слова;
4) слова-связки.

Слова-связки (наречия, вводные слова, частицы, предлоги и т. д.) служат для связки слов в предложениях, частей сложного предложения. Они связывают идеи в речи, придавая высказываниям логическую завершенность. Но они не имеют предметной понятийности. Первые три группы слов являются предметными словами. Рассмотрим взаимоотношение этих трех групп относительно основного критерия словесного знака – единства обозначаемого и обозначающего.

Имена нарицательные. Слова этого разряда обладают единством обозначающего и обозначаемого в наиболее полной степени, в отличие от других разрядов. Связь между нарицательным словом, его понятием и объектом реальной действительности изображают в виде семантического треугольника (см. рисунок).

Название предмета опосредовано через понятие о нем и является содержательной характеристикой предмета. Значение имени нарицательного описывает свойства предметов, поэтому оно может выступать и в качестве предиката.

Дейктические слова. Это указательные слова, являясь подвижными определителями, приложимы к любому предмету, который нужно обозначить в процессе речевой деятельности. Их содержание обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретной речевой ситуации. Дейктические слова указывают: а) на участников речевого акта (*я* и *ты*); б) на предмет речи (*он*); в) на степень удалённости предмета (*этот, тот*) и др. Дейктические слова относительно критерия единства, обозначаемого и обозначающего являются, как называет Е. Б. Шерешевская [1976: 92], «ущербными» знаками. Их «ущербность» заключается в том, что несмотря на широкую сферу употребления, они не обладают содержанием. Дейктические слова являются указателями любого известного/неизвестного предмета. Это ***ситуативные знаки,*** т. е. знаки, становящиеся таковыми только в данном случае, в данной ситуации. Они могут заменять как нарицательные, так и собственные имена. Но связь знака, значения и объекта совершенно другая, чем у имен нарицательных. К примеру, местоимение *я* может иметь огромное количество объектов (см. рисунок).



Имена собственные. Как и дейктические слова, имена собственные с точки зрения единства языковой единицы являются «ущербными». Имена собственные выполняют функцию указателей, и роль их часто сводится к чисто назывательной. Но в отличие от дейктических слов, имена собственные являются опознавателями конкретных предметов. Местоимения и имена собственные получают конкретное семантическое значение через контекст, и значение их определяется комплексом наших знаний об объекте, значимости объекта для слушающего и говорящего. Вырванное из контекста имя собственное теряет связь с ономастическим полем так же, как вне речевой ситуации дейктический словесный знак является непонятным. Но местоименные единицы сохраняют лексическое значение в минимальном отрезке контекста. Имена собственные – относительно ситуативные знаки, и значение свое сохраняют на протяжении всего широкого контекста.

Имена собственные и местоимения являются эгоцентрическими словами. Дейктические слова выражают единственность объекта в поле зрения участников речевой ситуации. К примеру, *я* является примерным ориентиром в речи, т. е. тот, кто говорит в момент речи. Собственное имя же всегда означает отдельного индивида и поэтому субститутом (заменителем) местоимения не может служить.

Собственное имя характеризует объект лишь весьма ограниченно, сообщая о нём минимум объективной информации (например, имя *Иван* сообщает адресату сведения только о том, что это мужчина, предположительно русский). Имя, как правило, не переводится и не перифразируется.

Вопрос о значении имени собственного является наиболее дискуссионным в языкознании. Одни ученые считают, что имена собственные не имеют значения. По их мнению, имена собственные представляют собой метку, которая связывается в сознании человека с идеей предмета. Другие придерживаются мнения, что имена собственные обладают значением, подразумевая под его значением апеллятивную мотивировку. Третьи ученые предполагают, что имена собственные обладают значением, но его значение совершенно иное, чем у имен нарицательных.

В последнее время предлагается рассматривать значение имени в дихтомии язык/речь. Расхождения ученых на семантику имен заключается в трактовке ими значения. Те исследователи, которые отрицали наличие семантики имен, под значением понимали определенное количество понятийных признаков. Соотнесение, к примеру, имени *Иван* с понятием человека обусловлено предшествующим опытом. При графическом изображении факультативную связь имени с понятием изображают пунктирными линиями (см. рисунок).

Семантика слова во многом формируется под воздействием такого фактора, как функциональная роль слова в сообщении. Ученые, утверждающие о наличии значения онимов, значение видят в содержании, которое имя приобретает в речи. Несмотря на то, что лексическое значение имен стремится к нулю, имя все-таки несет в себе информацию. Выделяются следующие виды информации, которые может содержать имя собственное: речевая, языковая и энциклопедическая.

Речевая информация осуществляет связь имени с объектом, выявляет отношение говорящего к объекту и зависит от экстралингвистических условий речевой ситуации. В случае перемены этих условий может измениться объем речевой информации. Эта информация предполагает первоначальное знакомство с данным объектом, благодаря ей имя собственное вводится в речь.

Энциклопедическая информация – это комплекс знаний, сведений об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующегося данным именем. Каждое имя несет в себе тот или иной объем эн-

циклопедической информации, в первую очередь, это касается общеизвестных имен.

Языковая информация имени – наиболее постоянная и не изменяющаяся часть его информации. Она заключается в характере и составе компонентов имени, необходима для понимания слова [Суперанская 2012: 258–261].

В значении имен собственных выделяются 4 основных компонента: бытийный (интродуктивный), классифицирующий, индивидуализирующий и характеризующий. Все имена обладают значением предметности, т. е. частью их значения является сообщение о существовании предмета. Классифицирующий компонент указывает на принадлежность предмета к определенному классу. Индивидуализирующий компонент маркирует предназначенность имени для индивидуального наречения. Характеризующий компонент включает в себя множество признаков предмета, фоновых знаний о предмете у участников коммуникативной сферы [Ермилович 2005: 68–73].

Отличие имени собственного от имени нарицательного

Являясь словесными единицами, имя нарицательное и имя собственное имеют ряд отличий. В основе разграничения имен лежит противопоставление обобщенных названий однородных предметов (город, река, человек, береза, медведь и т. д.) наименованиям единичных предметов, выделенных из ряда однородных.

Основное назначение имен нарицательных – называть неопределенные объекты, соотнося их с известным классом понятий. Назначением имен собственных является называние определенных объектов внутри известных классов. Выделяются следующие основные функции имен собственных: номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая. В качестве второстепенных (или дополнительных) называются функции: адресная, дейктическая (указательная), социальная, эмоциональная, аккумулятивная (функция преемственности знаний), экспрессивная, эстетическая, стилистическая.

В отличие от нарицательного, имя собственное является средством индивидуализированного обозначения объекта внешнего мира. Оно в основном дается единичному предмету. Несмотря на то, что имя собственное может повторяться, в сознании имядателя оно связывается с определенным лицом или предметом.

Различие нарицательных и собственных имен проявляется в семантике. Собственное имя семантически редуцировано и не соотнесено с понятием. Превращение нарицательного имени в собственное связано с утратой связи слова с понятием, и наоборот, превращение собственного имени в нарицательное связано с наполнением слова новым понятием. Например,

перейдя в разряд имен собственных, лексема *Новгород*, образованная от сочетания *новый город*, совершенно утратила связь с понятием ‘новый город’ и в настоящее время эта лексема воспринимается как название определенного города. Собственное имя *Мегера* (богиня мщения, которая изображалась в виде старухи со змеями вместо волос, длинным языком, с факелом и бичом в руке), перейдя в разряд нарицательных, наполнилось новым понятием ‘злая, сварливая жена’.

Имена собственные и нарицательные обладают различной степенью лексической абстракции. Хотя имя собственное обладает определенной способностью к обобщению, в отличие от нарицательных, обобщение в имени собственном несколько иное. Обобщению подвергаются ассоциативные черты объекта или определенные качества и свойства, сконцентрированные в какой-либо личности. В таком случае имя собственное начинает употребляться как экспрессивное название носителя этих характерных черт [Леваева 2010]. Например, в удмуртской пословице в значении ‘приятель’ использовано имя *Микта*: *Микта, уром ке но, эш ӧвӧл* ‘Никита, хотя и приятель, но не друг’.

В используемых для обобщенного обозначения однородных предметов в именах собственных прописная буква нередко заменяется строчной. Так, например, пишутся со строчной буквы названия предметов, изделий (видов одежды, оружия, тканей, камней, месяцев и др.), образованные от личных имен, названий фирм, географических названий (*агат, баян, браунинг, ватман, галифе, июль, кашемир, хохлома* и т. д.), названия единиц величин, названия химических веществ, образованные от имен ученых (*ампер, вольт, паскаль, рентген; кюрий, палладий, плутоний, самарий*). Именования людей, обобщенные по чертам характера и поведения какого-либо литературного или мифологического персонажа, чаще всего пишутся прописной буквой в силу традиции употребления. Например, употребляясь в нарицательном смысле слова *донкихот, донжуан, робинзон, иуда, меценат, геркулес, цербер* пишутся со строчной буквы, а *Обломов, Манилов, Плюшкин, Митрофанушка, Аполлон, Наполеон* сохраняют прописную букву [Мильчин, Чельцова 2009: 61–62].

Собственное имя по сравнению с нарицательным является вторичным наименованием. Большая часть имен собственных возникла на базе имен нарицательных. Их номинативная функция также вторична: имя собственное всегда является вторым, обычно индивидуальным наименованием предмета, который уже назван «раньше» нарицательным словом.

Возникнув на базе нарицательных, собственные имена употребляются не в ином значении. Поэтому в переводных текстах с одного языка на другой наблюдается высокая устойчивость онима (имя собственное чаще всего не переводится на другой язык). При лингвистических преобразованиях текста используется транслитерация имен собственных.

Среди формальных различий имен собственных и имен нарицательных можно указать специфику словообразования онимов. Собственные имена подчиняются закономерностям того языка, в котором они функционируют, но круг источников собственных имен любого языка неизмеримо шире чем возможностей образования нарицательных слов, поэтому и словообразовательный ряд собственных имен шире. Имя нарицательное, перейдя в разряд собственных, может образовывать формы, несвойственные апеллятиву. Апеллятив *гондыр* ‘медведь’ лежит в основе личного имени *Гондыр*, от которого образовалась фамилия *Гондырев* с притяжательным суффиксом русского происхождения. К нарицательному же слову суффикс *-ев* прибавить нельзя.

Несколько иное воплощение в именах собственных получают такие языковые явления, как синонимия, омонимия, антонимия, вариативность. Синонимами в ономастике выступают имена, связанные друг с другом лишь тем, что относятся к одному денотату (*Михаил – Миша – Михаил Петрович – Серов Михаил – Петрович – Мишаня – Мишка*). Употребление имени связано со средой, обстановкой, речевой ситуацией. Омонимы – это слова разных семантических полей. Также не смешиваются и имена собственные, относящиеся к разным ономастическим полям. Омонимами являются название планеты *Марс* и теоним *Марс* (бог войны); название реки *Кама* – название гостиницы «*Кама*». Употребляющиеся одинаковые названия в одном поле, но применяемые к разным объектам, не являются омонимами. В этом случае говорят о тезоименности. Тезоименными будут фамилия *Иванов* у разных лиц, ойконим *Кыква* (названия двух деревень) и т. д. Одинаковые имена внутри одного поля расцениваются как одно слово. Антонимами в топонимии являются названия, выступающие в бинарной оппозиции: *Левая Кушья – Правая Кушья; Верхнее Корякино – Нижнее Корякино*. В антропонимии противоположными являются не столько имена, сколько образы, связанные с этими именами: *Дон Кихот – Санчо Панса; Гитлер – Сталин* и т. д.

По сравнению с именами нарицательными, частотность употребления имен собственных и распределение их по функциональным стилям иная. Многочисленны типы текстов, построенных на основе только нарицательных имен, а текстов, построенных на основе только собственных имен, вряд ли можно найти.

Итак, имена собственные входят в лексическую систему любого языка в качестве особого класса слов, обладающего рядом специфических признаков. Являясь языковым фактом, имена собственные подчиняются внутренним законам конкретного языка, но при этом проявляются и своеобразные черты. Особенности этого класса слов необходимо учитывать на всех уровнях языкового анализа, как в плане содержания, так и в плане выражения. Собственное имя – это вторичное название предмета, допол-

няющее и уточняющее первичное, нарицательное, и служит для различения предметов друг от друга. Прежде всего, имя собственное служит средством номинации индивидуального предмета и соотносится с конкретным предметом, который всегда четко определен. Собственное имя не связано непосредственно с понятием. У него нет общего значения так же, как у нарицательных отсутствует индивидуальное.

Вопросы и задания:

1. Какие словесные знаки выделяются в языке?
2. В чем идентичность имен собственных и дейктических имен?
3. В чем отличие имен собственных от имен нарицательных?

Методы ономастических исследований

Многообразие собственных имен формирует многоплановость ономастических исследований. Каждый онимический тип требует особого подхода и нуждается в индивидуальных методах исследования. В современной ономастике применяются разные исследовательские методы. Любое исследование требует использования не одного какого-либо метода, а комбинации методов, применение которых зависит от цели и задач исследования. Очевидно, что в отдельности ни один из этих методов не может быть универсальным, поэтому не следует выделять в качестве основного только один какой-либо метод. Для всестороннего исследования необходимо использовать сочетания различных методов анализа и синтеза [ОЯ 1973: 259; Шайхулов 1983: 38]. Объект и цель исследования определяют специфику научно-исследовательского метода и выбор приёмов, которые используются в научной работе. Каждый исследователь оперирует своими методами. Но даже в том случае, когда цель и направленность метода одна и та же, методика их использования может быть различна. Поскольку задачи и материал изучения меняется от одного исследователя к другому, постольку научно-исследовательские и технические приёмы оказываются индивидуальными. Исследовательский метод основывается на познании объектов и явлений материального мира.

Как и любая другая наука, ономастика использует общенаучные и специальные или конкретные методы изучения своего материала. К общенаучным методам, используемым обширным классом наук, можно отнести анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукцию, дедукцию, метод исследования материала от знакомого к незнакомому, от частного к общему и, наоборот, от общего к частному. Анализ является первой стадией исследования, когда исследователь переходит от нерасчленённого описания изучаемого объекта к выявлению его строения, состава, а также его свойств, признаков. Разложение предмета на отдельные элементы и исследование каждого из этих элементов как необходимой части целого называется

анализом. В неразрывной связи с анализом находится **синтез**, т. е. соединение различных элементов, сторон объекта в единое целое, которое осуществляется как в практической деятельности, так и в процессе познания. Путем сравнения и обобщения выделяются частные и общие признаки исследуемого материала. Многократность повторения признака приводит к индуктивному обобщению, т. е. предположению о ее универсальности. **Индукция** представляет собой способ логического рассуждения, применяя который переходят от знания об отдельных конкретных фактах или от менее общего, единичного знания к знанию, носящему более общий характер. Выводы индуктивных умозаключений тесно переплетаются с дедукцией. Дедуктивное умозаключение можно характеризовать как выведение новых знаний из общих посылок в соответствии с законами логики.

Рассматривая методы топонимических исследований, ученые выделяют разное количество методов. Б. А. Серебренников [1959: 38–40], одним из первых обративший внимание на своеобразие методов топонимического исследования, выделяет 4 метода: этимологизирование, собирание и классификация топонимического материала, установление фонетических и грамматических адаптаций, использование данных летописей, архивов, старых документов и фольклорных материалов. По В. А. Жучкевичу [1980] существуют 5 методов топонимического исследования: метод лингвистического анализа, статистический, сравнительно-исторический, картографический и географический методы. С развитием топонимики совершенствуются и методы изучения топонимической лексики. И. С. Галкин [1997] приводит в своих работах 8 методов изучения топонимии: описательный, исторический, сравнительный, ареальный (пространственный), семиотический, стилистический, лингвопсихологический, статистический. В. Д. Бондалетов [1983] и Н. В. Подольская [1988], различают 11 методов: ареальный, генетический, дескриптивный (описательный), картографический, ‘малых типов’, реконструкции, стратиграфический, структурный, типологический, формантный, этимологический.

Любое наименование, вне зависимости от того, к какому объекту живой или неживой природы оно относится (к человеку, животному, улице, городу, селу, реке, ручью, книге или коммерческой фирме), – это слово, входящее в систему языка, образующееся и живущее по законам языка. Для исследования собственного имени используют лингвистические методы: описательный, сравнительный, ареальный, типологический.

Описательный или дескриптивный метод является одним из основных методов в синхронном исследовании ономастического материала. Дескриптивный метод, предполагающий сбор, систематизацию ономастического материала, выявление частей (видов, типов), установление соотношений, служит начальным звеном при использовании и других методов исследования. Примерами первичного описания могут служить списки и

картотеки, составленные при исследовании названий географических объектов, антропонимов, космонимов и т. д. Параметры описания, а также организация материала и его подача диктуются обычно целевой установкой исследования.

Сравнительный метод помогает разделить общие и отличительные признаки и свойства изучаемых объектов и процессов их развития. Он широко используется при систематизации и классификации понятий, так как позволяет соотнести неизвестное с известным, выразить новое через имеющиеся понятия и категории. Задачей сравнительного метода в ономастике является сопоставление как всего ономастического пространства, так и его отдельных зон. Непрерывность ономастического пространства предполагает исследование собственных имен в сопоставительном аспекте как родственных, так и неродственных языков. Результаты сравнения и сопоставления могут быть выражены в качественных и количественных характеристиках.

Ареальный метод чаще всего применяется для изучения топонимов. Основная задача ареального метода – установление ареалов распространения языковых явлений. Географическая привязанность топонимов позволяет «судить о ландшафтах прошлого (о наличии лесов в ныне безлесных местах, о некогда водившихся зверях – бобрах, джейранах, оленях), о древних транспортных путях, распространении промыслов, местах добычи полезных ископаемых, о времени заселения земель, языковой и этнической принадлежности поселенцев, их контактах с другими этносами» [Бондалетов 1983].

Типологический метод выявляет взаимосвязанные сходные черты в отдельных языках, и на этой основе строятся типологические характеристики существующих на Земле языков. Изучаемые и сопоставляемые языки могут соседствовать или находиться на значительном удалении один от другого, сопоставляемые языковые реалии по структуре и выполняемым функциям могут быть совершенно различными, располагаться рядом на временной шкале или в совершенно разных исторических эпохах и в разные периоды их развития.

Оним – понятие многогранное. Ономастика в различных ее разделах может применять данные многих наук, может использовать приемы этих наук, приспособив их для своих целей. Комбинация методов и приемов зависит от цели исследования и специфики анализируемого материала.

Системное описание онимов невозможно без анализа культурно-исторического фона, на основе которого формировалась ономастическая система региона. Не случайно в XIX в. преобладали исследования, выполненные историками, этнографами, географами. Возникновение и развитие имен собственных нерасторжимо связаны с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью. Появление названий горо-

дов в честь политических деятелей (*Брежнев, Киров, Ульяновск, Устинов*), к примеру, обусловлено историко-политическим фоном XX столетия. С советской эпохой развития общества также связаны названия улиц *Советская, Октябрьская, Комсомольская, Пионерская* и т. д. Почти во всех городах и районных центрах встречаются улицы *Ленина, Труда*.

Советская эпоха характеризуется также возникновением аббревиатурных имен от имен вождей: *Виулен* < Владимир Ильич Ульянов-Ленин, *Сталий* и *Сталь* < Сталин; или от сочетаний имен вождей с лексемами политического содержания: *Лориэрик* < Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, электрификация, радиофикация и коммунизм, *Лестак* < Ленин, Сталин, коммунизм, *Мэлор* < Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция, *Тролебузина* < Троцкий, Ленин, Бухарин, Зиновьев.

При историческом исследовании онимии можно идти двумя путями: 1) от прошлого состояния к настоящему (перспективный подход) и 2) от современности к прошлому (ретроспективный подход). Выбор пути обусловливает характер, количество и качество имеющегося материала (памятники письменности, данные географических карт – старых и новых, полевые обследования топонимов, антропонимов, списки населенных мест, метрические записи и т. д.).

Топонимы несут информацию о природно-ландшафтных особенностях местности. Анализ физико-географических особенностей поможет исследователю понять мотвы номинации географических объектов. На былое обилие на территории современной Удмуртии лесных массивов указывают, например, гидроним *Июль* (Вотк.) (соп. с к. *ёль* ‘лесная река’), дримоним *Нюлэс* (в тех диалектных зонах, где в значении ‘лес’ используются лексемы *сик* и *тэль*) и т. д.

Приёмы психологии применяются при анализе актов номинаций объектов. Выбор имени обусловлен психологическими мотиваторами. Родители, выбирая имя для новорожденного, руководствуются собственными постулатами. Кто-то останавливает свой выбор на имени знаменитого человека или просто хорошего знакомого, кто-то предпочитает популярное, модное имя, кто-то стремится дать своему ребенку самое красивое имя. “Проводя” опыты над именами собственными, родители иногда не думают о судьбе своих детей. «Российская газета» составила список самых оригинальных имен, использованных в последние годы в Москве. Мальчикам дали такие имена: *Дмитрий-Аметист, Матвей-Радуга, Николай-Никита-Нил, Граф, Дар, Ёлка, Князь, Принц, Космос, Ангел, Ветер, Каспер Ненаглядный, Архип-Урал, Еремей Покровитель, Кит, Лука-Счастье, Будда-Александр, Господин*; а девочек назвали: *Полина-Полина, Голуба, Апрель, Вишня, Индия, Принцесса Даниэлла, Росияна, Россия, Заря-Заряница, Луна, Луналика, Принцесса Анжелина, Алеша-Каприна, Океана, Радость, Алена-Цветочек, Радостина, София-Солнышко* [В России составили …].

Функции собственных имён в художественном произведении, состав имён и их функции в зависимости от литературного направления, особенности отбора и употребления имён в прозе, поэзии, драматургии, виды литературных антропонимов, топонимов и т. п., их роль в построении художественного образа, а также множество других видов мотивированного употребления собственных имён рассматриваются во взаимодействии лингвистических и литературоведческих приемов.

При исследовании собственных имен ономатолог пользуется набором лингвистических методов и приемов. Классификация, текстологический анализ, реконструкция имени, словообразовательный анализ, формантный анализ, статистические подсчеты и другие частные приемы позволяют выявлять идентичное и дифференциальное ономастических систем, устанавливать характерные типы, определять универсалии и др. В коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» (2009) представлены 19 приёмов ономастических исследований.

Языковая атрибуция собранного ономастического материала. Этот метод предполагает необходимость учета языковых состояний в момент создания имен. Из определения языковой реальности зависит, насколько точна процедура семантической реконструкции [Куклин 1998: 20]. Игнорирование языкового состояния в момент создания имени может привести к ошибочным выводам при этимологическом анализе. Нельзя отождествлять слова различных языков только по их внешнему созвучию. Звуковое оформление имени может видоизменяться в соответствии с языковой средой и звуковым строем языка. Для более достоверной интерпретации топонима необходимо знать культурно-исторический фон исследуемого региона и языковое состояние разных исторических эпох.

Имена создаются по моделям и закономерностям того языка, в котором они рождаются. Если имя соответствует модели, и оно возникло по законам языка, оно воспринимается как исконное слово и не подвергается каким-либо изменениям. Заимствованные имена, в свою очередь, проходят этап языковой адаптации, и соответственно начальная форма имени может видоизменяться. Фонетическая адаптация связана с системой звуковых соответствий контактирующих языков. Фонетической трансформации подвергаются названия, в которых присутствуют труднопроизносимые звуки удмуртского языка с точки зрения русскоговорящих: д. *Ӝуам* (Юкам.) – рус. *Жувам*, д. *Ӟучлуд* (Кез.) – рус. *Зючлуд*, д. *Чӧжи* (Сюмс.) – рус. *Чажи*.; и, наоборот, нетипичные для удмуртского языка звуки и сочетания звуков русского языка в онимах подвергались видоизменению: *Федор* – удм. *Педор*, *Харитон* – удм. *Каритон*, *Степан* – удм. *Истёк*. Удмуртские топонимы, подвергаясь морфологической адаптации, оформляются суффиксальным способом: д. *Бадяро* (Шарк.) – рус. *Бадьярово*, р. *Вутно* – рус. *Вутнинка* (лев. приток р. Арлеть, Селт.). Семейные назва-

ния, так называемые фамилии, образованы по модели русского языка: *Воронцов, Семенов, Черыгов, Шудегов*, при помощи суффиксов *-ов, ев, -ин,* указывающих на принадлежность.

Инвентаризация ономастического материала. В топонимии на частотность лексем нередко оказывает влияние такой экстралингвистический фактор, как рельеф местности. В зависимости от географического ландшафта набор микротопонимических данностей может быть весьма разнообразным. Территория Удмуртии представляет собой холмистую равнину. Эта особенность и изрезанность территории логами и долинами рек и речек проявляется изобилием употребления в названиях топообъектов терминов *нюк* ‘лог’, *выр* ‘возвышенность, холм’, *бам* ‘склон’, *ошмес* ‘родник, источник’ и т. д.

Различен у разных народов и антропонимический инвентарь. В отличие от русской полной формулы имени, с единственно приемлемой последовательностью имя + отчество + фамилия, в удмуртской модели имя отца, закрепившееся впоследствии в качестве фамилии, всегда стояло впереди. Поэтому последовательность компонентов антропонимической модели, принятая в документообращении (фамилия + имя + отчество), довольно быстро утвердилась в удмуртской системе.

Классификация имен. «Классификация в любой науке является важным этапом работы, в процессе которого отбираются подлежащие изучению категории, производится членение поля наук, уточняется объект науки» [ТМОИ, 202]. Вопрос о принципах классификации ономастического материала, определения ее критериев всегда выделялся в ономастической литературе. Существование различных критериев при анализе собственных имен порождает множество типов классификаций. При классификации ономастического материала можно исходить из принадлежности названий к определенным языкам, территориям, хронологическим отрезкам, социальным формациям и т. д. Сложность создания какой-либо единой классификации объясняется различным подходом к исследуемому материалу и разными целями [Шайхулов 1983: 39]. Существует множество различных классификаций. Принимая во внимание лингвистические и экстралингвистические характеристики имён, можно выделить следующие:

1. Классификация имён в связи с именуемыми объектами. А. В. Суперанская отмечает, что из всех возможных классификаций на первое место должна быть поставлена предметно-номинативная, поскольку соотнесенность с предметом, как правило, определяет «лицо» имени и его прочие характеристики [Суперанская 2012: 160]. В связи с именуемыми объектами онимы подразделяются на топонимы, антропонимы, теонимы, космонимы, хрематонимы, внутри которых выделяются отдельные поля. Так,

топонимы можно классифицировать на гидронимы, оронимы, ойконимы, дримонимы, дромонимы и т. д.

2. Естественно возникшие и искусственно созданные имена. Деление имён на естественно сложившиеся и искусственно созданные связано со стихийным и сознательным в языке. Первые имена возникают в потоке речи стихийно (топонимы – *Горки, Красный Яр*; антропонимы – *Жердь, Безухий*). Ко вторым относятся мелиоративные антропонимы (*Святослав, Богдан, Любомила*), мемориальные топонимы (*Куйбышев, Октябрьский*).

3. Классификация по линии «микро» – «макро». Идея микрообъектов и микроименований возникла при изучении топонимии, где существует термин *микротопонимы*, относящийся к названиям мелких физико-географических объектов. Отвлекаясь от размеров объектов, разделение по линии «микро» – «макро» возможно во всех секторах ономастического пространства. «Микроименования» близки к именам нарицательным и отличаются от них лишь привязанностью к определенным объектам. Следовательно, данная классификация связана как с размером объектов, так и с фазами становления имени.

4. Хронологическая классификация. Это очень сложная и серьезная ономастическая классификация, тесно связанная с историей, археологией, диалектологией. В наиболее полном объеме она может быть проведена в топонимии и антропонимии с выделением напластований различных языков и эпох. Своеобразными хронологизаторами при этом оказываются различные языковые явления, продуктивные или непродуктивные для определённых периодов и территорий.

Чаще всего в ономастических работах используются структурная и лексико-семантическая классификации. Трудность при классификации онимов заключается в неизбежности взаимного пересечения классов и невозможности построения исчерпывающей классификации. При лексико-семантической классификации микротопонимов, например, микротопоним *куака/гоп* (букв. ‘вороний лог’) можно отнести к названиям, указывающим на фауну местности, но в основе возникновения микротопонима мог быть и антропоним *куака*.

Текстологический анализ предполагает выявление из текстов ономастического материала и уточнение роли в нем собственных имен. Все тексты можно подразделить на ономастические и неономастические. К ономастическим текстам относятся справочники административно-территориальных делений, географические карты, писцовые книги, календари, антропонимические списки, адресные книги, записи загсов, телефонные справочники, справочки по астронимическим объектам, музейные списки с названиями культурологических предметов и т. д. К неономастическим текстам относятся тексты общего характера. В древних текстах общего характера разграничивать номинативные единицы на собственные

и несобственные гораздо сложнее. Написание онимов со строчной буквы и без пробелов выявление собственных имен из текстов делает довольно сложным процессом.

Реконструкция имен и их форм. При работе с неономастическими текстами, где оним является элементом текста, важным является приём реконструкции имени, т. е. нахождение основной формы имени. В современных текстологических источниках определение собственных имен не вызывает трудности, т. к. по современным орфографическим правилам собственные имена пишутся с прописной буквы (хотя и в настоящее время во многих системах письма буквы не разделяют на прописные и строчные).

В древней русской письменности заглавные буквы использовались лишь в начале текста для привлечения внимания. Только в середине XIX в. прописная буква становится различителем собственных имен. Но в этот период с прописных букв начинались и такие слова, которые в настоящее время пишутся со строчной, например, названия народов (*Россияне, Шведы*), названия наук и искусств (*Арифметика, Всемирная История, Ваяние, Зодчество*) и некоторые другие. Правила правописания прописных букв устанавливаются в конце XIX в. Написание имен народов со строчной буквы было предложено лишь в начале XX в.

Кроме того, в неономастических текстах употребление собственного имени возможно в любой падежной форме. Реконструкция форм именительного падежа дает исследователю возможность анализировать соотношение основной формы с производными. При наличии в каком-либо ономастическом списке первичного имени реконструкция производящей основы не вызывает затруднений. Реконструкция первичного имени на основе деривата может привести к двум и более производным основам. Например, производящей основой фамилии *Семаков* может быть имя *Семак* тюркского происхождения (< араб. *симäк* ‘звезда Арктур’) [Атаманов 1990: 289] или *Семак* русского происхождения (*Семаком* называли седьмого ребенка в семье) [Федосюк 2002: 179]. Следовательно, для правильной лингвистической реконструкции необходима экстралингвистическая информация.

Стратиграфический анализ. Наличие разновременных образований и наслоений в топонимической системе требует исследования имен в их исторической последовательности. Стратиграфический анализ на основе сопоставления отдельных эпох становления имени позволяет определить более раннее состояние ономастической системы. Зафиксированные в исторических документах имена не означают, что данные имена возникли именно в этот период. Имена могли возникнуть и раньше, но только с фиксации их можно проследить изменение и развитие онимов.

Дифференциальный и генетический анализ. Исследователь намечает пути объединения вариантов имени на основе их генетической общнос-

ти или ищет критерии размежевания вариантов на основе официальных списков. Например, имена *Николай* и *Микол* на основе их генетической общности можно объединить в одно гнездо (< греч. *Nikolaos*). Но если взять за основу критерий языковой принадлежности, имя *Николай* относится к русской системе, а *Микол* является удмуртской формой имени.

Этимологический анализ предполагает установление апеллятива, от которого образован оним, либо первичного имени в том случае, когда название является вторичным. Нередко при образовании названий топообъектов между именем и апеллятивом появляются какие-то промежуточные звенья, в результате чего теряется связь с апеллятивом. Отантропонимические названия типа *гондыр/вуко* (*вуко* ‘мельница’), *йубэр/гоп* (*гоп* ‘яма, лог’), *кайсы/луд* (*луд* ‘поле’) и т. п. своим происхождением обязаны антропонимам, которые, в свою очередь, образовались от названий животных (зоономен → антропоним → микротопоним). При этимологическом анализе микротопонима достаточно установления, что название микрообъекта возникло на основе антропонима.

Словообразовательный анализ. В структуре имен могут быть выделены словообразовательные морфемы и типы. Но необходимо помнить, что словообразование в онимии имеет свой особый характер, отличающийся от словообразования нарицательной лексики; что не все способы словообразования, существующие в языке, используются ономастикой. Аффиксация не является ведущим способом образования удмуртских топонимов. Но в микротопонимии употребление русского гидронимического суффикса *-ка* в названиях речек, ручейков стало распространенным (*бакашурка, киз'аӟинка, чутырка*). Топонимическое словообразование составляет подсистему в словообразовательной системе языка. Но в то же время, как отмечает С. Роспонд [1962: 12], «вырабатываются своеобразные импульсы со стороны структурализованных ономастических схем, порой весьма экспансивных и в словообразовательном отношении неологических». Примером неологических образований являются названия *ворччал* < *ворчча/йыл, пол'а/с'эрн'ик* < *пол'а/с'эр/н'ук,ваннапал* < *выллапал*.

Неологические образования встречаются в адаптированных русским языком топонимах. Лексема *йыл* ‘верховье, исток’ в русском языке заменяется формантом *ил*, напр.: *Выжойыл* (Выжоил) Як.-Б. (*выж* ’мост’+ *-о* – суффикс обладания, *ил* < *йыл*); *Кинегйыл* (Кинягил) Можг. (*Киняг* < *Кинег* – др.-удм. личное имя, *ил* < *йыл*); *Лёгойыл* (Легоил) Кез. (*лег* < *лёг* ’холм, возвышенность, пригорок’ + *-о* – суффикс обладания, *ил* < *йыл*); *Пужмойыл* (Пужмоил) Вав. (*Пужмо* < *пужым* ’сосна’ + *-о* – суффикс обладания, *ил* < *йыл*); *Шурйыл* (Шурил) Можг. (*шур* ’река, речка’, *ил* < *йыл*) и т. д. Первая часть таких названий, как правило, представляет собой название реки, речки и ручейка.

Своеобразные словообразовательные аффиксы прослеживаются и в антропонимах. Например, антропонимический аффикс *-ей* используется с основами различного происхождения: *абей* (< тюрк. *аба ~ апа* ‘мать; старшая сестра; тетя’), *аней* (< удм. *аньы* ‘сноп’), *ваней* (< рус. прост. *Ваня* < *Иван*) [Атаманов 1990: 22, 45, 133].

Структурный анализ тесно связан со словообразовательным анализом. При помощи структурного анализа выявляются онимические модели (топонимические, антропонимические, космонимические и т. д.). В процессе онимизации происходит переразложение основ, и связь с производной основой имени теряется. Например, название деревни *Аксёновцы* (Селт.) могло образоваться от имени *Аксён* с суффиксом *-овцы* или от фамилии *Аксёнов* с суффиксом *-цы*. Наличие удмуртского варианта ойконима *Оксёнгурт* подкрепляет первый вариант образования названия.

Но иногда при структурно-словообразовательном сходстве топонимов *Сосновка* (Шарк.) и *Рябиновка* (Ув.) на семантическом уровне мотивы номинации у них различны. Основой обоих названий являются фитономены, но если первое название связано с фауной, то второй ойконим является искусственно созданным вместо неблагозвучного названия.

Топонимия способна создавать свои модели, но количество типов и формул ограничено. Для удмуртской микротопонимии, как и для других топонимических систем агглютинативных языков, характерна двух-, трех-, четырехкомпонентная структура. На господство двучленной или многочленной структуры топонимов в финно-угорских языках указывают многие исследователи [Палль 1975: 157, Матвеев 1989: 7, Муллонен 1994: 26, Туркин 1989: 73].

Формантный анализ заключается в выявлении онимического форманта, не всегда равного суффиксу. Такой анализ тесно примыкает к структурному. Формантный метод позволяет исследователю выявить в структурах географических названиий повторяющиеся элементы: топоосновы, топонимические аффиксы. По мнению многих ученых, топоформанты чаще восходят к самостоятельным словам [Серебренников 1959: 37; Мурзаев 1970: 17; Тараканов 1998: 323]. В удмуртской топонимии М. Г. Атаманов выделяет 16 формантов различного происхождения. По его мнению, «топоформанты *-ӟи* (*-си*, *-чи*), *-ма* (*-мо*), *-иж* (*-ыж*), *-мыж* связаны с финно-пермскими языками; *-ур* (*-ыр*), *-ым* (*-ум*, *-ом*), *-па* (*-ба*), *-ич* (*-ыч*) – с языками народов Западной Сибири, возможно угров и самодийцев; *-ман*, *-тан* (*-дан*) – с индоевропейскими языками; *вар ~ вара* – с венгерским языком; *баш* – с тюркскими языками» [Атаманов 2015: 42].

В топонимии Верхней Чепцы можно выделить топоформанты *-гал* (*вугал, вожгал, лулпугал*), *-эс* (*дэбэс, турнес*). Населенный пункт Дебесы впервые зафиксирован в переписи 1646 г. как *починок на Дебесе речке*. Следует отметить, что *дэбэс*, возможно, является двусоставным: *деб ~ дэб*

(ср. в топонимии *дёбы ~ дебы*) + топоформант *-ес* (~ *-эс*), который встречается и в названии *Турнес* д., рч. (Деб.) [Сендукова 2011б: 197].

Анализ основ. Каждая историческая эпоха может изменить семантику и облик имен, унаследованных от предшествующих эпох, путем наслоения на топооснову различных преобразований. Для объяснения смыслового содержания таких топооснов необходимо снять эти напластования, что возможно лишь при знании исторических условий возникновения того или иного топонима [Суперанская 1988: 4, Куклин 1997: 37].

Анализ основ даёт много интересного с точки зрения повторного, вторичного использования лексических единиц определённых типов. Например, в топонимии Удмуртии встречаются названия *Варазӟи, Варзӟи, Варзи, Вари, Варни, Варали, Варавай*, в которых можно выделить основу *вар ~ вара*. По мнению М. Г. Атаманова, данная основа восходит к венг. *вар* ‘крепость, замок’ [Атаманов 2015: 42]. Но сопоставляя с фин. *vaara* ‘гора, сопка’, швед.-саам. *vāᵢrre* ‘лес’, манс. *βō̄r* ‘лес’, *u̯ə̯̊r̥* ‘покрытый лесом горный хребет’, данную лексему можно возвести к доперм. **wara* ‘лесистая возвышенность’ [КЭСК, 67], что, кажется, более очевидным.

Вероятностная проверка. Любая интерпретация материала требует вероятностной проверки. Это своеобразный контроль, оценка результатов. Одни и те же факты могут иметь различные объяснения на основе разных языков, разных структур. Исследователь, анализируя материал, должен ставить перед собой подобные вопросы: соответствуют ли основе на *вар ~ вара* в топонимах *Варазӟи, Варзӟи, Варзи, Вари, Варни, Варали, Варавай*, корневые основы названий с подобной же на первый взгляд формой: *Вараш, Варзеги, Варклет, Варсэм, Варыж*.

Анализ вариантов имен. Возникновение вариантов наименований иногда обуславливается различиями фонетических норм в разных зонах одного и того же языка, распространенного на удаленных друг от друга территориях. Диалектные особенности иногда находят отражение и в официальных названиях: *Вильгурт* (диал. *виль* < лит. *выль* ‘новый’, *гурт* ‘деревня’), *Ворцца* (< Вортча – воршудное имя, сочетание *тч* середины слова, принятое в литературном языке, в северных диалектах выражается звукосочетанием *цц*). Наиболее ярко проявляются диалектные черты в микротопонимах, т. е. в названиях топообъектов, находящихся чаще всего в пределах одного населенного пункта.

Подвергаясь фонетико-морфологическим изменениям календарные имена в удмуртском языке давали множество вариантов: *Онись, Ониська, Онся, Они, Оня, Онёк, Онька* < рус. *Анисья*; *Ӧртэмей, Эркемей, Ӧркемей, Тёмка* < рус. *Артемий*. Варианты календарных имён обогащали именной состав удмуртского антропонимикона.

Выявление ономастических ареалов. Повторяющиеся форманты определенной территории позволяют выявить ареалы распространения

ономастических явлений. К примеру, распространенные на территории междуречья Волги и Оки гидронимические форманты *-ньга, -нга, -уга, -юга* восходят к общефинно-угорскому периоду. Но, как указывает А. К. Матвеев, «лексические, фонетические и ареальные различия указывают, что языковые общности *-Vг, -Vга, -Vн(ь)га* не сводятся к одному источнику, при этом складывается впечатление, что в своем большинстве названия на *-Vг, -Vга* составляют более поздний пласт» [Матвеев 2007: 44]. Исследуя географические ареалы данных гидроформантов А. К. Матвеев приходит к выводу, что на западе региона в субстратной топонимии был шире распространен формант *-Vга*, восходящий к древнему **jog*(V) прибалтийско-финского типа, а на востоке – *-Vг,* восходящий к **jug*(V) саамского типа [Матвеев 2007: 47].

Ономастическое картографирование. Картографируемый топонимический материал лингвист использует для решения вопроса о былых размещениях отдельных языков и диалектов, о межъязыковых контактах. Используя приём ономастического картографирования, М. Г. Атаманов устанавливает ареалы расселения воршудных групп удмуртов. В ходе исторического развития, по результатам картографирования, ряд калмезских родов были вынуждены переселиться на земли *ватки*, а воршудные группы племенного объединения *ватка* мигрировали на земли *калмез*. Это смешение эндогамных объединений создало условия для возникновения одного литературного языка [Атаманов 2005: 48].

Статистический анализ. Статистические подсчеты позволяют установить количественные соотношения названий, выявить топонимические модели, словообразовательные морфемы, частотные и единичные имена. Он дает лишь хорошие иллюстрации для описания топонимических состояний и служит подтверждением или опровержением топонимических концепций и гипотез.

Использование статистического метода основано на том, что у объекта изучения, помимо его качественной стороны, имеется сторона количественная. Содержание метода здесь разнообразно – от простейших подсчетов количества имен и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого ономастического разряда и закономерностей его развития. Статистический метод в своих различных модификациях приложим ко всем разрядам ономастической лексики.

Выявление ономастических универсалий. Сравнение ономастических состояний разных эпох, территорий, языков показывает, что наряду со специфическими чертами, выделяется ряд признаков, свойственные всем именам собственным. Ономастические универсалии говорят об общности мышления человека, о единых принципах номинации, о единых путях развития именных систем.

Традиции в имятворчестве связаны с мироощущением, мировосприятием древнего человека. В основе наименований разных антропонимических систем лежали одинаковые принципы. С точки зрения психологии именующего, мотивы выбора имен у наших предков универсальные, общечеловеческие. Внешний вид, физические и психические особенности ребенка, отношение к нему родителей и т. д. – это свойства, которые находят отражение в именах всех народов.

Экспериментальные исследования. В ряде случаев для уяснения некоторых особенностей функционирования имени исследователь прибегает к эксперименту. Это может быть анализ употребления отобранных лингвистом слов в речи определенных общественных групп, в зависимости от того, что интересует экспериментатора. Эксперимент на свободные ассоциации, которые вызывают предложенные антропонимы и топонимы, может подтвердить или опровергнуть предположение о наличии эмоционального оттенка звуко-буквенного сочетания имени.

Существование в науке различных методов и идей и борьбу между ними, очевидно, следует считать плодотворным для этой науки явлением, поскольку предмет исследования предстает перед специалистами в разных аспектах, часто не противоречащих один другому, а дополняющих друг друга. Представляется очевидным, что ни один конкретный метод не может быть признан универсальным, пригодным для исследования всех аспектов и свойств предмета, поэтому, чем больше методов применяется при изучении предмета, тем объемнее и полнее можно получить его характеристику.

Вопросы и задания:

1. Выберите прописную или строчную букву в написаниях. Проверьте по словарю, правы ли вы. Расставьте, если надо, кавычки.

На (П,п)иренейском (П,п)олуострове первобытные люди появились в эпоху (П,п)алеолита. Римляне появились здесь во время 2-й (П,п)унической (В,в)ойны, а с падением (Р,р)имской (И,и)мперии и до VIII века эта территория стала ареной борьбы вестготов и мавров, мавры завоевали (Ю,ю)г (П,п)олуострова. Мусульмане называли эту часть (А,а)ль (-?) (А,а)ндалус.

2. Используя метод ономастического картографирования, составьте ареал распространения топоформанта *-ӟи* (*-зи*) и *-си* на карте Удмуртии.

3. Какие методы использованы в работе Т. И. Тепляшиной «Антропонимические модели пермских языков»?

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

АНТРОПОНИМИКА

Предмет изучения антропонимики

Идентификатором человека в социуме выступает антропоним. Отличие антропонима от других имен собственных (онимов) заключается в характере индивидуализации объекта. Если брать во внимание топонимы, зоонимы, космонимы и т. д., не каждый топообъект, животное получает свое индивидуальное имя. А человек без имени не может существовать, т. е. каждый объект номинации – человек – имеет собственное имя. Всю совокупность индивидуальных именований людей называют антропонимией. Исследованием антропонимии во всех ее проявлениях занимается один из разделов ономастики антропонимика. Объектом изучения антропонимики (от греч. *anthropos* ‘человек’ и *ónyma* ‘имя’) являются собственные имена людей: имена личные, патронимы, матронимы, фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы, антропонимы литературных произведений, имена героев в фольклоре, в мифах и сказках. Разграничиваются народные и канонические личные имена, а также различные формы одного имени: литературные и диалектные, официальные и неофициальные. В антропонимических исследованиях уделяется внимание происхождению, трансформации индивидуальных имен, их географическому распространению и социальному функционированию, структуре и развитию систем. Данный раздел ономастики изучает информацию, которую может нести имя: характеристику человеческих качеств; связь лица с отцом, родом, семьей; информацию о национальности, роде занятий, происхождении из какой-либо местности, сословия, касты; рассматривает функции антропонима в речи – номинацию, идентификацию, дифференциацию; анализирует принципы смены имен, которая связана с возрастом, изменением общественного или семейного положения, жизнью среди людей другой национальности, вступлением в тайные общества, переходом в другую веру, табуированием и др., и основанья для возникновения новых имен в эпоху идеологических догм общества.

С точки зрения предмета изучения научных исследований антропонимику можно подразделить на теоретическую и прикладную. Предметом изучения *теоретической антропонимики* являются закономерности возникновения и развития антропонимов и систем, их структура, модели имен, исторические пласты в антропонимии того или иного этноса, взаимодействие языков в антропонимической системе, существующие на антропонимическом уровне универсалии. Теоретическая антропонимика оперирует теми же методами исследования, что и другие разделы онома-

стики, т. е. при изучении антропонимического материала учитываются мотивы и обстоятельства именования людей, придается значение социальным условиям, обычаям при нарекании именем, принимается во внимание влияние моды, религии и т. д.

Прикладная антропонимика изучает проблемы нормы в именах, способы передачи имен в разных языках; способствует созданию антропонимических словарей. Антропонимист содействует в работе органов загса, оказывает помощь родителям в выборе имен новорожденным, помогает в разрешении некоторых спорных юридических вопросов, связанных с именованием человека.

Личные имена, обозначающие и идентифицирующие человека, в бумажном делопроизводстве и магических действах выступают заменителями индивида. Как «бюрократическая документация имеет дело не с людьми, а с именами, и судьба человека может непосредственно зависеть от бюрократической процедуры», так и в магии используется только имя; и это способствует мистическому отношению к имени [Унбегаун 1989: 336]. В магических действах имя рассматривается как символ образа индивида, и, зная имя, любой другой человек может влиять на него, накладывать проклятия и порчи. Вера человека в магическую силу именного знака предопределяла выбор имени для новорожденного. Имя является словесным отражением миропонимания, мироощущения и религиозно-философских взглядов той или иной общности людей. «Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах социумов, но и отражает, фиксирует состояние культуры» [Митрошкина 1987: 3].

В древности имя рассматривалось как магическое слово, оберегающее ребенка в дальнейшей его жизни. Магическая сила имени увеличивалась с энигматичностью слова. Как указывает Э. Кивиниеми, в народных повествованиях даже великаны старались сохранять в тайне свое имя, чтобы не навлечь на себя беду[1].

Магическая сила имени заключалась в значении и смысле того слова, коим нарекался ребенок. Чтобы ребенок был счастлив, в качестве имени использовали такое слово, в значении которого, по мнению имядателя, скрыто счастье: *Шудег* (< *шуд* ‘счастье’), *Шудей*, *Шудеш*, *Ужег* (< *уж* ‘работа’), *Сезь* (< *сэзь* ‘бодрый, бойкий, расторопный’) и т. д.

[1] Usein nimi onkin mielletty rantaajansa niin läheisesti kytkeytyväksi, että se on ymmäretty osaksi ihmistä itseään. Siksi nimiin on liittynyt myös monenlaista magiaa. Esimerkiksi vanhoissa kansantarinoissa jättiläisetkin peläistevät, jos tarinan sankari oli saanut tietoonsa heidän nimensä. Yllättäen nähtynä tai kuultuna oma nimi onkin aina jollain tavoin sykähdyttävä. [Kiviniemi 2006: 14].

Суеверие по отношению магической силы имени способствовало тому, что самому процессу нарекания именем придавалось особое значение. Считалось, что судьба человека напрямую зависит от выбора имени. Поэтому наречение сопровождалось различными магическими обрядами, целью которых было обеспечить счастливое будущее ребенка.

У мордвы имя младенцу давала повитуха. Повивальная бабка обращала внимание на время рождения, место, случай или обстоятельства. Именем *Пасксяй* ‘полевой’ назывался мальчик, родившийся в поле, *Пизяй* ‘дождевой’ – родившийся во время дождя. Крупному ребенку повитуха давала имя *Оцюп* ‘великан’. Девочки маркировались именами *Кодай* ‘ткачиха’, *Стай* ‘швея’ и т. д.

Наречение именем младенца у марийцев производилось с участием карта ‘жреца’ или без него. Существовало несколько способов: карт высекает перед новорожденным с помощью огнива огонь для закуривания, перебирая при этом разные имена, и при каком имени загорится трут или при каком имени плачущий ребенок замолкает, тем именем и называли младенца. У марийцев, если малыш рождался в пятницу, нарекали *Кугэрга* ‘большой сын’ (*кугу арня* ‘большая неделя’), *Кугу удур* ‘большая дочь’, если в четверг – *Изи эрге* ‘малый сын’ (*изярня* ‘малая неделя’), *Изи удыр* ‘младшая дочь’, в субботу *Шумат* (*шумат кечи* ‘суббота’). У некрещенных часто имя младенцу выбирали таким образом, чтобы в имени оставить начальный звук имени, отца, деда, и старших братьев: отец *Вачок*, сын *Вачи*, внук *Вайди* [Галкин 1983: 7, Федянович 2001: 40].

У башкир новорожденный сначала получал *йургэк исеме* – пеленочное имя. Постоянное имя ребенок получал только после чтения муллой молитвы *"азан"*. Обряд наречения именем *исем туйы* являлся центральным в цикле обрядов, связанных с рождением ребенка. Церемония наречения имени происходила следующим образом. На праздник созывались родственники, соседи, мулла. Ребенка укладывали перед муллой головой к *кибле* (направление, в котором молятся все мусульмане), после чего мулла, прочитав молитву *азан*, трижды поочередно произносил в ухо ребенка: «Пусть твое имя будет таким-то» [Фатыхова 1993].

У многих народов ребенок получал при рождении два имени: подлинное имя использовалось в общении с родственниками и выполняло роль «оберега», а второе имя было принято для общения с чужими людьми, чтобы уберечь человека от сглаза и порчи. Считалось, что человек с неблагозвучным именем менее подвержен влиянию злых духов, поэтому в антропонимических системах разных народов присутствуют отпугивающие, отталкивающие имена.

Существовали обычаи «замены имени», где имя рассматривалось как заклинание против смерти и болезней. У чувашей повивальная бабка выносила ребенка на улицу, отдавала его жрецу, а тот вносил дитя в дом и

говорил, что нашел его в мусоре. Ребенка называли *Сюппи* ‘мусор’. Славяне нарекали таких детей именами *Найдён, Подкид*. На Руси говорили, что дитя в капусте нашли, чтобы злой дух, вызывающий болезни, не вцепился в ребенка. У белорусов до крещения малыша называли «куколкой» или «богданькой». В Прикарпатье, если в семье умирали дети, родители «продавали» за одну крону через окно очередного новорожденного такому человеку, у которого выросли здоровые дети. Потом этот человек отдавал новорожденного родителям с просьбой воспитать «его» ребенка. Таких детей называли *Продан*. У грузин, наоборот, «покупали» ребенка. Узбеки отдавали дитя какой-нибудь женщине на 5–6 дней, а потом «выкупали» [Наречение и магия].

Благоприятствовали «надуванию» злых духов заимствованные имена. Магическая сила в таких именах заключается в их непонятности: чем непонятнее имя, тем сильнее его магическое действие. Таким образом, имена не только служили для обозначения личности и выделения ее из числа других, они должны были и защищать человека от злых сил. С именем в народном сознании связывались все перипетии судьбы: счастье, удача, болезнь, смерть, сила, слабость [Герд 1997: 254, Наречение и магия].

Антропонимические системы не являются раз и навсегда данной, они подвергаются изменениям. Многие антропонимические системы России частично или полностью изменились с принятием христианства, когда преимущественное право нарекать именем младенца перешла в руки церкви. В итоге распространились имена библейские, имена святых, и юридически законным становится имя, данное при крещении. Но практика давать в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, некрестильное или мирское имя, тем не менее удерживалась до XVII в. и в русском антропонимиконе [Унбегаун 1989: 11].

На удмуртский антропонимикон огромное влияние оказали сначала тюркская, а затем русская антропосистемы. С усилением контактов с тюркскими народами в удмуртский именник стали проникать тюркские имена. После введения христианства в XVIII–XIX вв. исконно удмуртские и заимствованные тюркские имена стали вытесняться русскими календарными именами, но долгое время, вплоть до начала XX в., они существовали в качестве второго имени, употребляющегося неофициально в социуме деревни. Но еще до официального принятия христианства удмурты заимствовали многие имена из русского антропонимикона. По происхождению их можно разделить на две группы: древнерусские (некалендарные) и христианские (календарные), пришедшие на Русь из Византии имена греческого, латинского, еврейского происхождения. Освоенные календарные имена подчинились фонетико-грамматической и акцентологической структуре удмуртского языка. Появилась многовариантность практически

у всех освоенных имен, за счет чего удмуртский именник значительно обогатился и расширился [Атаманов 1988: 121].

В настоящее время старую удмуртскую антропонимическую систему полностью заменила русская система. Но старые языческие имена сохранились в топонимах и микротопонимах, в фамилиях, иногда в качестве вторых имен, например, у южных удмуртов. Процесс сохранения старых собственных имен в топонимах и фамилиях наблюдается и в других языках[2].

Формула имени

Любое именование человека имеет свою формулу имени: определенный порядок следования антропонимов и имен нарицательных (названий родства, специальности, рода занятий, званий, титулов, чинов и т. п.). Антропонимическая формула – это сочетание имени (имен), отчества (но отчество – необязательный элемент в большинстве стран) и фамилии в официальной (паспортной) системе именования лиц. Наряду с термином *антропонимическая формула* в ономастической литературе используется сочетание *антропонимическая модель*. В современном социуме существуют кодифицированные и некодифицированные формы именования человека.

Считается, что наиболее древняя формула называния человека была одночленной и представляла собой индивидуальное имя. Повторяемость и ограниченное количество имен привело к тому, что в формулах, кроме личного имени, стал присутствовать дополнительный индивидуализатор. Дополнительными компонентами чаще всего становились производные от патронимов либо прозвища, большая часть которых в дальнейшем становились основами фамилий.

В современной антропонимической системе России (независимо от антопронимических систем разных народов) каждый человек имеет личное имя, отчество и фамилию. Существовали и существуют иные антропонимические системы. В Древнем Риме полное имя свободных граждан состоял из трех компонентов: *praenomen* – индивидуальное имя (количество личных имен было ограниченным, таковых было всего 20), *nomen* – имя рода, передаваемое по наследству, разновидность фамилии (их насчитывалось около 300), и *cognomen* – имя, передаваемое по наследству, характеризующее ветвь рода, т. е. вторая фамилия [СДСИА 2010: 24].

В современной Испании и Португалии человек имеет обычно несколько личных имен (из католического церковного списка), отцовскую и материнскую фамилии. В Исландии каждый человек имеет личное имя (из ограниченного списка) и вместо фамилии – производное от имени отца.

---

[2] «Vanhempaa, vähintäänkin keskiaikaisesta henkilönimistöä on säilynyt kyllä runsaasta vanhoissa asutusnimissä ja sukunimissä» [Kiviniemi, 229].

Древние русские имена были непосредственно связаны со словами русского языка, например: *Ждан, Петух, Ненаша*. Под влиянием церкви в русском антропонимиконе стали распространяться календарные христианские имена. Но непонятные имена, образованные от нарицательных слов греческого, латинского, древнееврейского и других языков, фигурировали в церковных книгах, в миру же бытовали мирские имена или прозвища. Нередко случалось, что церковное имя, данное при крещении, оставалось никому не известным, а так называемое «уличное» имя было настолько употребительным, что иногда даже в документах значились мирские имена [Никонов 1974: 23]. Только к концу XVII в. канонические имена стали вытеснять некалендарные имена, и уже в XIX в. в мирском употреблении 90–95% имен были уже календарными. Антропонимическая формула этого периода была двухкомпонентная. В качестве второго компонента использовались различные патронимические, прозвищные, семейные прозвания, образуемые от календарных и некалендарных антропонимов и функционально подобных им слов. Входили в употребление, особенно в XVII в., и трехчленные структуры. Трехчленные, а также двучленные антропонимические обозначения в ходе длительного и многократного апробирования дали начало распространению фамилии.

До массового крещения удмуртов активно бытовала (и в настоящее время существует в сельской местности) двучленная система именования. Вместо фамилии выступает имя отца, реже – матери или бабушки, или, чаще всего, патроним. В роли патронимов употребляется имя деда, прадеда, прапрадеда или какого-либо другого родственника по мужской линии. Например: *Миклай Параско* (т. е. Параско [Прасковья], дочь Миклая [Николай], или Прасковья Николаевна); *Санко Коля* (т. е. Коля < Николай, сын Санко [Александр], или Николай Александрович); *Педось Сандӥ* (т. е. Сандӥ [Александра], дочь Педося [Федосьи]); *Горд Семон Ондӥ* (т. е. Ондӥ [Андрей], сын или внук Горд Семона [Рыжий Семен]), *Ожмег Кайсы* (т. е. Кайсы, сын Ожмега) и т. д. Менее распространенным и более древним является имя, связанное с названием воршуда или рода, например: *Тукля Исьтапан* (*Степан Туклин*), *Ӟумъя Онись* (*Анисья Зюмьина*).

Несмотря на разные процессы становления антропонимических систем разных культур, основными компонентами в антропонимических формулах являются личное имя и фамилия. Употребление других компонентов таких, как отчество, псевдоним, указание званий, титулов, для разных систем будут различными.

Стержневым компонентом антропонимической формулы разных систем является личное имя – имя, даваемое при рождении. Функция его – выделение и идентификация личности в пределах небольших социумов (семья, род, группа людей, объединенных по тем или иным мотивам); оно входит как обязательный компонент в состав всех других формул имен

индивида и служит основным источником образования последних [Митрошкина 1987: 45].

В именовании людей личные имена нередко повторяются, что заставляет человека прибегать к добавочным индивидуализаторам. К дополнительным именованиям в официальной сфере России относятся фамилия и отчество.

В современном обществе важнейшим компонентом при идентификации человека является фамилия. По определению В. А. Никонова, «фамилия – наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях» [Никонов 1993: 215]. Становление существовавших именований (прозвание по отцу или деду, прозвища) в качестве фамилии осуществлялось постепенно. Большинство фамилий избраны не самими носителями, а даны со стороны: одни возникли стихийно, другие записаны канцелярскими работниками. В настоящее время данная форма именования используется в документообороте государственных и прочих учреждений в качестве идентификации личности.

К необходимым компонентам в официальной антропонимической формуле относится отчество, которое образуется от имени отца. Современная кодифицированная трехчленная формула имени в России (независимо от антропонимических формул разноязычных народов, населяющих Российское государство) установилась в XIX в.

К неофициальным именованиям относится прозвище – вторичное именование индивида, обусловленное теми или иными особенностями внешности, чертами характера, привычками, общественным положением. В России до XIX в., а фамилию в современном смысле слова обозначали термином *прозвище*, а слово *фамилия* значило ‘семья’. В связи с становлением фамилии как наследственного именования, прозвище начинает приобретать современное значение. Как указывается во многих словарях, прозвище – название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица, зачастую, подмечающую нежелательные качества носителя, иногда и заключающую в себе отрицательную оценку. Прозвища могут быть однокомпонентными или, как правило, двухкомпонентыми – апеллятив с соответствующим значением плюс личное имя [Митрошкина 1987: 45].

Литературному миру присуще использование придуманных имен. Псевдоним – вымышленное имя, заменяющее настоящее, которое по тем или иным причинам необходимо скрыть. Чаще всего вымышленными именами пользуются писатели, поэты, актеры. Для многих творческих людей придуманное имя в настоящее время является способом выражения своего собственного «я», способом создания определенного имиджа. Псевдоним служит визитной карточкой творческой личности.

Творческая среда удмуртов не является исключением в отношении использования псевдонимов. Для молодых творческих личностей основанием замены настоящего имени псевдонимом, скорее всего, служит желание скрыть себя как начинающего и пока еще не очень уверенного литератора и защитить себя от внешнего вмешательства, отделить «я» настоящее от «я» творческого. К примеру, свои первые рассказы Иван Дядюков писал под псевдонимом *Кисаль* (Сюрес вожын, 2010), а его сборник стихов «Тыпы шушы: Кылбуръёс» (Ижевск, 1926) вышел под псевдонимом *Иван Кудо*. Основанием для вымышленного имени также является стремление человека привлечь внимание к своим личным качествам, скрытым от окружающих, но составляющим, по его мнению, глубинную сущность авторского творчества. В этом случае псевдоним отражает концепцию личности, озвученную и обнародованную внутреннюю установку на характер поступков и тип общественного поведения. Яркими примерами, отражающими внутреннюю установку творческой личности, являются вымышленные имена *Кузебай Герд* (< удм. *герд* ‘узел, завязь’; псевдоним первого удмуртского поэта), *Эрик Батуев* (< удм. *эрик* ‘свобода, свободный’, псевдоним Валерия Батуева) и т. д.

Кроме того, мотивом для выбора псевдонима может послужить национальное самосознание. Для подчеркивания своего национального «я» литераторы чаще всего используют имена, принятые в удмуртской среде. К примеру, *Омель Лади* (*Лади* < рус. Владимир, *Омель* < рус. Емельян, т. е. Владимир Емельянович) – псевдоним Владимира Емельяновича Владыкина, *Жомбо Очей* (*Очей* < рус. Алексей, *Жомбо* – патроним) – псевдоним Алексея Ивановича Жомбина.

В современном обществе с созданием социальных сетей довольно часто используется разновидность псевдонима ник или никнейм (< англ. *Nickname*). Никнейм – это первоначально «кличка, прозвище», сегодня – сетевое имя, псевдоним, используемый пользователем в Интернете. Часто для доступа к информации необходима регистрация на сайте, и здесь можно указывать личные данные по своему желанию. К примеру в социальных сетях «Вконтакте» можно найти никнеймы, соответствующие имени и фамилии: *Ирина Яковлева, Виктория Фролова* и т. д. Использованы формы имя + псевдоним: *Ирина Zangarik* (< *зангари* ‘василёк’), *Алексей Керенский*, *Polina Kubista*, *Дарали Лели* (< *дарали* ‘парча, парчёвый’, *лели* < Елена), *Никита Гум*, *Чумолё Олёш* (*Чумолё* – топоним, Олёш < Алексей), *Katerina Kot*. Встречаются своеобразные формы как *Ев Кит off* (*ев* < Евгений, *Кит off* – фамилия Китов).

Имя собственное не только индивидуализирует объект, но и вводит в определенный ряд. Имя связывает носителя с той группой общества, в которой оно принято. В пределах разных социальных групп модель имени и количество входящих в нее компонентов определяется сферой функ-

ционирования имени [Жураева 2012: 11, Никонов 1974: 14]. Иными словами, категория систем личных имен и типология наполнения их теми или иными единицами именования так или иначе обусловлены социальными факторами [Митрошкина 1987: 43].

Разные компоненты антропонимической модели нацелены на разные социальные поля, наиболее универсальным компонентом является личное имя, которое проходит через большинство полей [Жураева 2012: 15].

Как указывает И. А. Жураева, внутри семьи доминирующую роль играет личное имя, которое относительно редко реализуется в полной официальной форме. Чаще всего в социальном поле семьи используются гипокористики (ласкательные и уменьшительные имена). Их употребление часто сопровождается положительными или отрицательными эмоциями, является знаком интимного, близкого общения [Жураева 2012: 19].

В древнем удмуртском именнике, как указывает Т. И. Тепляшина, суффикс *-эг* (*-ег*) употреблялся с ласкательно-уменьшительным значением: *Зумег* < *зумм* ‘угореть, обессилеть’, *Кизег* < *кизь-* ‘сеять’, *Кунег* < *кунь-* ‘закрыть, сомкнуть (глаза)’ и т. д. [Тепляшина 1978: 84]. В современном удмуртском языке в социальном поле семьи и неофициальном общении используются просторечные формы с суфиксом *-и*: *Вали* (< Валентина), *Вани* (< Иван), *Васи* (< Василий), *Кати* (< Екатерина) и т. д. В роли гипокористики выступают просторечные формы имен с добавлением притяжательного суффикса *-э* (*-е*): *Валие, Петие*.

Эмоциональная выразительность с положительным значением присутствует и в формах имен, образованных при помощи суффиксов *-у* (*-ю*), *-ук* (*-юк*): *Валю* (< Валентина), *Витю* (< Виталий), *Мишук* (< Михаил), *Лидук* (< Лидия).

Личные имена в полной и просторечной форме (*Галина* или *Галя*, *Виктор* или *Витя*) присутствуют как в официальном (прежде всего в обращении старшего по возрасту или служебной должности к младшему), так и в неофициальных общениях.

Среди детей довольно часто употребляется формы с суффиксом *-ка*. Русские имена типа *Колька, Федька, Валька*, имеющие грубовато-фамильярный или пренебрежительный оттенок, в удмуртской среде воспринимается нейтрально [Тепляшина 1978: 82]. В русской среде, когда-то имеющие ласкательное значение имена *Витька, Танька*, стилистически переосмыслены и «родителям в приличном обществе не следует их использовать», говоря о своих детях [Романова, Филиппов 2010].

Средством выражения вежливости по линии отношений «младший – старший» в удмуртской антропонимической системе является формула личное имя + сема со значением ‘дядя’, ‘тетя’, ‘дедушка’, ‘бабушка’. В качестве дополнительных компонентов таким образом выступают термины родства: *агай* ‘старший брат’, ‘дядя’, *песятай* ‘дедушка’, *апай*

‘старшая сестра’, ‘тетя’, *кенак* ‘жена брата’, ‘тётя’, *песянай* ‘бабушка’: *Катя апай, Педор агай*. У северных удмуртов в качестве дополнительных сем выступают заимствованные из русского языка слова *тётя, дядя*: *дядя Саша, тётя Оля*.

Довольно распространенной номинативной формой является формула называния человека по фамилии [Романова, Филиппов 2010]. Фамилия, характерная в настоящее время для большинства народов мира, обладает большой назывной силой, но этот компонент предназначен для выхода из социального поля семьи в социальные поля администрации, территориальной единицы, страны, а для особо знаменитых личностей – всего населения Земли [Жураева 2012]. Для использования данной формулы необходимо соблюдать некоторые условия: по фамилии называют отсутствующего, либо при обращении к фамилии прибавляется дополнительная сема, обозначающая звание, положение человека в обществе, либо профессию: *профессор Кельмаков, сержант Павлов, терапевт Самохвалов*. В законодательных органах (в суде, в полицейских участках, при оформлении юридических документов) используется формула со словом *гражданин*: *гражданин Комаров, гражданка Светлова*. В советское время в политической сфере была распространена формула с лексемой *товарищ*, в удмуртской среде употреблялась лексема *эш* ‘товарищ’: *товарищ Васильев, Максимов эш*.

В официальном стиле общения употребляется формула имя + отчество. “Обращение по имени-отчеству уравнивает иерархию отношений по линиям «начальник – подчиненный», «подчиненный – начальник», «старший – младший по возрасту», «мужчина – женщина»” [Жураева 2012]. В настоящее время данная формула является формой вежливости, выражением почтения. При обращении к человеку именем типа *Иван Сергеевич, Любовь Владимировна*, говорящий хочет подчеркнуть почтительное уважение к собеседнику или выразить официальность отношений.

В неофициальной среде существует именование по отчеству: *Петрович, Васильевна*. Простонародная уважительная форма довольно распространена в сельской местности среди интеллигенции.

Полная трехчленная антропонимическая формула, принятая в России, различается порядком расположения членов именования. В отличие от русского языка в удмуртском языке исторически сложился порядок расположения частей: фамилия (чаще всего образована от патронима), имя и отчество: *Васильев Григорий Андреевич*. В русском языке антропонимическая формула «фамилия, имя-отчество» обладает неким канцеляризмом, потому что «естественный», исторически сложившийся порядок слов имя-отчество-фамилия [Никонов 1974: 39]. Поэтому, как указывают Н. Н. Романова и А. В. Филиппов [2010], в застольной речи, в выступлении на со-

брании и др., для устранения оттенка казенности следует использовать формулу *имя–отчество–фамилия* (напр. *Михаил Дмитриевич Плетнев*).

Вопросы и задания:

1. Что означает термин антропонимическая формула?
2. Как вы понимаете выражение «компоненты антропонимической модели нацелены на разные социальные поля»? Подтвердите примерами.
3. Какие формы имен возможны в социальном поле семьи?

Древние именники

Имена появились одновременно с тем, как появилась членораздельная речь, когда возникла необходимость обособить другого человека от собственного «я». Антропонимическая система любого языка – это плод коллективного творчества многих поколений. Она складывалась в течение длительного времени и связана с историей народа. В результате многовековых контактов людей разных культур имена переносились на огромные расстояния, заимствовались в языки иных систем. Нередко происходили перестройки всей именной системы у многих народов, которая была введена сверху посредством официального акта (христианские, мусульманские имена).

Древняя антропонимическая система каждого народа складывалась поразному. Каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропонимикон – свой реестр личных имен. Финский исследователь именных структур Э. Кивиниеми также указывает на то, что во всем мире личные имена антропонимические системы в разных странах, в разных культурах различны, но можно и наблюдать одинаковые черты[3] [Kiviniemi, 14].

Древний антропонимикон состоял преимущественно из самобытных имен. Языческие имена по этимологическому значению понятны, потому что связь с апеллятивной основой не потеряна. Традиции в имятворчестве связаны с мироощущением, мировосприятием древнего человека. В основе наименований разных антропонимических систем лежали одинаковые принципы.

1. Среди древних народов архаичной формой сознания был тотемизм. Главное в тотемизме – вера в тождество всех членов родового объединения с одним определенным видом животных, птиц, деревьев, растений. В древних именниках любого народа можно найти звериные, птичьи, растительные, рыбьи имена:

[3] «Koko maailmaa ajattellen henkilönnimet ja henkilönimijärjestelmä ovat eri maissa ja eri kulttuureissa edelleenkin monessa suhteessa erilaisia vaikka nimenannossa voidaan havaita myös paljon yhteisiä piirteitä».

урал.: удм. *Кайсы* (*кайсы* ‘клест’), *Тугей* (*туг* ‘хмель’), *Нымыш* (*нымы* ‘комар’), *Лыско* (*лыс* ‘хвоя’); к. *Кутш* (*кутш* ‘сорока’), *Кырныш* (*кырныш* ‘ворон’), *Сырчег* (*сырчег* ‘скворец’); мар. *Пирешка* (*пире* ‘волк’), *Томан* (*томан* ‘сова’), *Меран* (*меран* ‘заяц’); морд. *Овтай* (*овто* ‘медведь’), *Пиняй, Пиняс* (*пине* ‘собака’), *Каргай, Каргаш* (*карго* ‘журавль’), *Пичай* (*пиче* ‘сосна’), *Тумай* (*тумо* ‘дуб’); фин. *Kukka* (*kukka* ‘цветок’), *Orvokki* (*orvokki* ‘фиалка’); нган. *Тойбу* (*тойбу* ‘чонари’), *Кула* (*кула* ‘ворон’);

алт.: казах. *Бори* (*бори* ‘волк’), *Кандэк* (*кандэк* ‘собачка’); *Боронот* (*боронот* ‘смородина’), *Койон* (*койон* ‘заяц’), *Чымалы* (*чымалы* ‘муравей’); бур. *Нохой* (*нохой* ‘собака’), *Бэлтэрге* (*бэлтэргэ* ‘волчонок’), *Мэлэхэй* (*мэлхээ* ‘черепаха’), *Сэсэг* (*сэсэг* ‘цветок);

рус. *Ягныш* (< ягненок), *Волк*, *Воробей*, *Шишка*, *Шмель*, *Окунь*, *Осока*.

2. В именах могли отражаться время рождения и сопутствовавшие этому явления природы и обстоятельства:

урал.: удм. *Аскей* (*аскы* ‘завтра’), *Гужег* (*гужем* ‘лето’), *Лымаш* (*лымы* ‘снег’); морд. *Нуят, Нуянза, Нуякша* (*нуемс* ‘жать’), *Пивцай* (*пивцемс* ‘молотить’), *Паксяй, Паксют, Пакстян* (*пакся* ‘поле’), *Виряй, Виряс, Вирдян* (*вирь* ‘лес’); фин. *Viljäpäivä* (*viljä* ‘посев’, *päivä* ‘день’), *Viljattu* (*viljattu* ‘уборка завершена’); нган. *Нгамбу* ‘сон’;

алт.: тюрк. *Айбала* ‘луна-девушка’, *Чолмон* ‘звезда’; бур. *Харанхуй* (*харанхуй* ‘темный, тьма, мрак’), *Ногоолон* (*ногоо* ‘трава, зелень’), *Зуурмаа* (*зуура* ‘по дороге, в пути’, т. е. родившаяся в пути). Многие тюркские имена связаны с восприятием древними жителями окружающей действительности. В основном это одухотворение сил природы: *Айбика* ‘луна-хозяйка’, *Йолдыз* ‘звезда’, *Кояш* ‘солнце’, *Айбулат* ‘луна-сталь’;

рус.: *Вешняк* (< весенний), *Жар* (< жаркий), *Постник* (< постный), *Метелица*, *Гроза*. Имена *Метелица* и *Гроза* в древности выполняли также охранную функцию. Ребенок, родившийся в грозу или метель, считался сродни этим природным явлениям, имя как бы предохраняло носителя от удара молнии или снежного заноса.

3. Имена могут обозначать отношение родителей к детям и пожелания детям:

урал.: удм. *Бур* (*бур* ‘хороший’), *Визей* (*визь* ‘ум’), *Гажег* (*гажано* ‘уважаемый’, *Кузим* (*кузьым* ‘подарок’); морд. *Вечкас, Вечкуш, Вечкан, Вечковат, Вечкенза* (*вечкемс* ‘любить’), *Учай, Учват, Учесь, Учан* (*учемс* ‘ждать’); фин. *Hyvälempi* (*hyvä* ‘хороший’, *lempi* ‘любовь’, ‘любимый’), *Ihalempi* (*iha* ‘очень’, *lempi* ‘любовь’, ‘любимый’), *Mielitoivo* (*mieli* ‘желание’, *toivo* ‘надежда’);

алтайск.: тюрк. *Тансык* ‘желанный, редкостный’, *Свендек, Куандык* ‘обрадовались’, *Улмас* ‘не умрет’, *Торсын* ‘пусть живет’, *Алмас* ‘не возьмет’, *Талмас* ‘не устанет’. Пожелания можно найти в именах: *Алтынбай* ‘золото, богатый’, *Таштимер* ‘камень, железо’ *Батырхан* ‘сильный’, *Кот-*

лынбай ‘счастьем богатый’; бурят. *Баатар* (*баатар* ‘герой, богатырь’), *Бужагар* (*бужагар* ‘здоровый, крепкий, могучий’, *Жаргал* (*жаргал* ‘счастье. блаженство’);

рус. *Ждан* (< жданный), *Неждан* (< нежданный), *Нечай* (< нечаянный), *Любим* (< любимый), *Бажен* (< древрус. *бажать* ‘очень желать’), *Забава*, *Услада*, *Рада* (< радость), *Царь*, *Король*.

4. Многие имена характеризовали внешность или черту характера младенца:

урал.: удм. *Бурсин* (*бур* ‘правый’, *син* ‘глаз’), *Юн* (*юн* ‘крепкий, здоровый’), *Судай* (*суд* ‘русый’); морд. *Кежай*, *Кежут*, *Кежапа*, *Кежеват*, *Кежедей* (*кежей* ‘злой’, *Паруш* (*паро* ‘хороший’); фин. *Otso* ‘косолапый’; нган. *Симбл* ‘курносый’, *Неге* ‘хороший’;

алт.: тюрк. *Капшаай* ‘быстрый’, *Болчокпели* ‘круглоголовый’; бур. *Амар* (*амар* ‘спокойный’), *Сэгээн* (*сэгээн* ‘голубой, светло-голубой’ (о глазах)), *Шанта* (*шанта* ‘курносый’);

рус. *Беляй* (< белый), *Чернуха* (< черный), *Уголёк*, *Ушак* (< ушастый).

5. Часть имен была связана с терминами родства или отражала внутрисемейный порядок появления детей на свет:

урал.: удм. *Нылэй* (*ныл* ‘девочка’), *Нюняй* (*нюня* ‘дядя’, ‘дедушка’), *Пи* (*пи* ‘мальчик’), *Пичюй* (*пичи* ‘маленький’), *Покчей* (*покчи* ‘младший’), *Первуша* (первый), *Сетег* (диал. *сеты* – седьмой по счету ребенок в семье, обладающий магической силой); нган. *Нерипти* ‘опредил’, *Нумангку* ‘молодой’, *Нгадя* ‘брат’, *Нгомбунте* ‘уже некуда’.

В мусульманской семье, если в семье рождались только девочки, а родители хотели сына, то родившуюся девочку нарекали брат или сын. Тем самым родители хотели, чтобы духи узнали о том, что родился мальчик, и разуверились в действиях своих чар. Узбеки в таких случаях называли дочь *Угул* ‘сын’, а таджики нарекали *Додар* ‘брат’. Среди тюркских имен можно встретить имя *Кизларбас* ‘хватит девочек’. У кумыков девочку могли назвать *Кызтувмой* ‘не родись девочка’, *Кызтамамой* ‘девочки кончились’. Таджики давали имена с приставкой *бас-* ‘хватит, довольно’: *Басгул*, *Басак*, *Басмо*.

В бурятском именнике встречаются имена *Хүбүүлхэ* (‘родит мальчика’), *Дүүрэй* (*дүүрэхэ* ‘завершаться’), *Болоо* (*болоо* ‘хватит’). Характерны также числовые имена: *Найман* (*найман* ‘восемь’), *Арван* (*арван* ‘десять’), *Түмэ*, *Түмэн* (*түмэн* ‘десять тысяч, тьма, бесчисленное множество’). Числительные выше десяти в именовании могли указывать возраст отца: *Дүчин* (*дүчин* ‘сорок’), *Табьта* (*табин* ‘пятьдесят’);

рус. *Первой* (< первый), *Старшой* (< старший), *Третьяк* (< третий), *Семак* (< седьмой).

6. Считалось, что имена обладают магической силой, и называя ребенка негативными по значению антропонимами можно обмануть злых духов

и даже напугать их. В качестве охранных и отпугивающих давались имена с отрицательным содержанием:

урал.: удм. *Шакта*, *Шактыр* (*шакта* ‘мусор’), *Шушла*, *Шушок* (*шуш* ‘некрасивый’);

алт.: тюрк. *Дяманбала* ‘плохая девочка’, *Чилекей* ‘слюни’, *Диту* ‘запах’; казах. *Ултарак* ‘стелька’, *Жаман* ‘плохой’; бур. *Шэбхэ* (*шэбхэ* ‘прошлогодний навоз’), *Ада* (*ада* ‘злой дух, домовой, бес’). Обманными именами в бурятском антропонимиконе являются именования мужчин с семой ‘женщина, женский пол’: *Апхан* (*абхай* ‘девушка, барышня’), *Габа* (*габа* ‘не мужчина, а баба’), *Эмгэн* (*эмэг* ‘бабушка’).

Если в таджикской семье новорожденные не выживали, то другого новорожденного могли назвать *Ямут*, что значит ‘мертвый’, или могли назвать *Ефтак* ‘найденный’. В таких семьях искали спасения также в именах-заклинаниях. Узбеки могли назвать *Турди*, туркмены *Дурды*, что значит ‘остался’, *Турсун*, *Дурсун* ‘пусть останется’, киргизы называли *Токто* ‘останься’, таджики *Монад* ‘пусть сохранится’, или *Истад* ‘пусть останется’;

рус. *Безообраз, Кащей, Злоба, Ненаш, Неклюд* (< неуклюжий).

Возможно, имена, образованные от названий предметов – удм. *Кобы*, рус. *Мочало, Лапоть*, бурят. *Абдар* (*абдар* ‘сундук, ларь ящик’), *Дуулга* (*дуулга* ‘шлем’), бывших в каждом доме, также играли роль защитных имен, которые непривлекательны для злых духов.

7. В дохристианских именниках можно встретить отэтнонимические антропонимы:

урал.: удм. *Чувашка* (чуваш), *Пори* (*пор* ‘мариец’); мар. *Сювас* (*сювас* ‘чуваш’), *Татар*, *Ногай*, *Калмык*;

алт.: тюрк. *Кыдат* (*кыдат* ‘китаец’), *Казах*; бур. *Алаан* (*алан* ‘предки осетин’), *Мангад* (*мангад* ‘русский’), *Монгол*, *Татаар*;

рус. *Чудин* (< чудь), *Казарин* (< хазар), *Мерец* (< меря), *Корела* (< карел).

С точки зрения психологии именующего, мотивы выбора имен у наших предков универсальные, общечеловеческие. Внешний вид, физические и психические особенности ребенка, отношение к нему родителей и т. д. – это свойства, которые находят отражение в именах всех народов.

Исторические пласты удмуртской антропонимии

В удмуртской антропонимической системе выделяют несколько пластов: общепермский, собственно-удмуртскому, и заимствованный.

В антропонимии удмуртов и коми можно выявить общепермский пласт, как предшествующий собственноудмуртскому. К ним относятся имена с формантом на *-эг (-ег)*, коми *-ӧг*: *Шудэг*, к. *Шудӧг* < *шуд* ‘счастье’, *Мушег*, к. *Мушӧг* < *муш* ‘пчела’. В удмуртском именнике антропонимы на

-эг (*-ег*) встречались вплоть до начала XX в. В настоящее время эти имена бытуют в фамилиях (*Мушегова*, *Шудегов*).

К собственноудмуртскому пласту относятся имена, возникшие на основе удмуртских лексем. Исконно удмуртские имена активно бытовали до введения среди удмуртов христианства в XVIII–XIX вв. Они легко расшифровываются на материале удмуртского языка. В лексико-семантическом плане удмуртские антропонимы можно подразделить на несколько групп:

1. В основе исконных удмуртских имен лежат названия птиц, животных, насекомых, растений.

а) названия птиц, в том числе и домашних: *Атас* (*атас* ‘петух’), *Бёдёно* (*бёдёно* ‘перепелка’), *Дыдык* (*дыдык* ‘голубь’), *Кайсы* (*кайсы* ‘щегол’); *Квака* (*куака* ‘ворона’), *Курег* (*курег* ‘курица’), *Пислег* (*пислэг* ‘синица’), *Сэдык* (*сэдык* ‘чибис’), *Юбер* (*юбер* ‘скворец’, ‘дрозд’) и т. д.;

б) животных, в том числе и домашних: *Балян* (*балян* ‘рысь’), *Гондыр* (*гондыр* ‘медведь’), *Кион* (*кион* ‘волк’), *Койык* (*койык* ‘лось’), *Кый* (*кый* ‘змея, гадюка’), *Мыйка* (< *мый* ‘бобр’ + *-ка* – аффикс), *Пужей* (*пужей* ‘олень’), *Сёр* (*сёр* ‘куница’), *Чуньы* (*чуньы* ‘жеребенок’) и т. д.;

в) насекомых: *Битака* (< *битака* ‘улитка’), *Гаг* (*гаг* ‘мошкара’, ‘тля’, ‘мелкое насекомое’), *Кибы* (*кибы* ‘жук, жучок’), *Кузили* (*кузили* ‘муравей’), *Лузь* (*лузь* ‘слепень, овод’), *Муш*, *Мушег*, *Мушъя* (< *муш* ‘пчела’ + *-ег*, *-я* – аффиксы), *Нумыр* (*нумыр* ‘червь, червяк’), *Пычей* (*пычей* ‘короед’) и т. д.;

г) рыб: *Йороко* (*ёроко* ‘пескарь’), *Кынег ~ Кынэг* (< *кыны* ‘хариус’ + *-эг* – аффикс), *Ляпа* (*ляпа* ‘сом’), *Пая* (*пая* ‘лещ’), *Чипей* (*чипей* ‘щука’), *Чабак* (*чабак* ‘плотва, сорога’), *Чорыг* (*чорыг* ‘рыба’), *Юш* (*юш* ‘окунь’) и т. д.;

д) растений: *Бадяр* (*бадяр* ‘клен’), *Италмас* (*италмас* ‘купальница; лазоревый цветок’), *Кипанча* (< *кипанча*, ср. лит. *купанча* ‘лютик’), *Сезьы*, *Сезяй* (< *сезьы* ‘овес’ + *-ай* – аффикс), *Сяська* (*сяська* ‘цветок’), *Тугейко* (< *туг* ‘хмель’ + *-ей* + *-ко* – аффиксы), *Тыпы* (*тыпы* ‘дуб’), *Удэг* (< *уд* ‘всходы, росток’), *Узы* (*узы* ‘земляника’), *Унябей* (*унябей* ‘одуванчик’) и т. д.

2. В основе имени могли лежать названия продуктов питания, различных предметов быта и домашнего обихода, украшений:

а) названия продуктов питания, блюд: *Кокора* (*кокора* ‘творог’), *Колӟо* (*колӟо* ‘колоб, колобок’), *Няняй* (< *нянь* ’хлеб’ + *ай* – аффикс), *Пызь* (*пызь* ‘мука’), *Чече* (< *чечы* ‘мед’) и т. д.;

б) названия различных предметов быта и домашнего обихода: *Бирды* (*бирды* ‘пуговица’), *Квас* (< *куас* ‘лыжи’), *Серы* (*серы* ‘шпулька; цевка’), *Чача* (*чача* ‘игрушка’);

в) названия украшений: *Инӟи* (*инӟы* ‘жемчуг; перламутр’); *Марӟан* (*марӟан* ‘бисер; жемчуг’).

3. В основе некоторых имен лежали термины родства: *Агай* (*агай* ‘старший брат’), *Анай* (*анай* ‘мать’), *Апай* (*апай* ‘старшая сестра, тетя’),

Дядяй (*дядяй* ‘отец’), *Нюня* (*нюня* ‘старший брат; дядя’), *Нылай, Нылок* (< *ныл* ‘девочка, девушка’ + *-ай, -ок* – аффиксы), *Нюняй* (*нюняй* ‘дядя, старший брат’), *Ӟужай, Чужег* (< *чуж, ӟуж* – слово, употребляющееся в терминах родства для обозначения родственников по материнской линии, напр. *чужай, ӟужай* ‘бабушка; мать матери’, *чужмурт, ӟужмурт* ‘дядя; брат матери’ + *-ай, -ег* – аффиксы) и т. д.

Личные имена также могли отражать положение ребенка в семье по порядку рождения или возраст: *Кыкарес* (< *кык* ‘два’, *арес* ‘год’), *Покчей* (< *покчи* ’младший’ + *-ей* – аффикс), *Сеты* (*сеты* ‘седьмой по счету ребенок в семье’). По народным поверьям удмуртов, седьмой ребенок обладал магической силой.

4. Нередко в именах содержалась характеристика физических, психических, моральных качеств ребенка: *Бур* (*бур* ‘хороший, добрый’), *Бурсин* (< *бур* ‘добрый, хороший’, *син* ‘глаз’), *Гырдым* (*гырдым* ‘остолоп; большой, толстый, неуклюжий человек’), *Куатьчиньы* (< *куать* ‘шесть’, *чиньы* ‘палец’), *Кузь* (*кузь* ‘длинный, долгий’), *Лег* (< *лек* ‘злой, сердитый’), *Пичи* (*пичи* ‘маленький’), *Покчимурт* (< *покчи* ‘маленький’, *мурт* ‘человек’), *Чебер* (*чебер* ‘красивый, приятный’), *Чут* (*чут* ‘хромой ’), *Юн* (*юн* ‘крепкий’) и др.

Иногда личные имена могут указывать на цвет волос, глаз, кожи человека: *Гордай* (< *горд* ‘рыжий’ + *-ай* – аффикс), *Зарни* (*зарни* ‘золото, золотой’), *Седай* (< *сьӧд* ‘черный; темный’ + *-ай* – аффикс), *Пурысь* (*пурысь* ‘серый, сивый; седой’), *Судай* (< *суд* ‘светлый, русый’+ *-ай* – аффикс) и т. д.

5. Имена могли обозначать время рождения ребенка, природные явления и погоду. В личных именах можно встретить обозначения дней и частей суток, времен года: *Аскей* (< сев.-удм. *аскы* ‘завтра’ + *-ей* – аффикс); *Гужег* (< *гужем* ‘лето’ + – *ег* – аффикс); *Лунег* (< *лун* ‘день’[4] + *ег* – аффикс), *Тулышко* (< *тулыс* ‘весна’ + *-ко* – *аффикс*). Родившемуся во время дождя давали имя *Зора, Зорай* (< *зор* ‘дождь’ + *-а, -ай* – аффиксы), во время снегопада – *Лымай, Лымаш* (< *лымы* ‘снег’ + *-ай, -аш* – аффиксы), в середине зимы – *Толшор* (< *тол* ‘зима’, *шор* ‘середина’). Дети, родившиеся весной, когда распускаются листья, расцветают деревья, получали имена *Вожья, Вожай* (< *вож* ‘зеленый’ + *-я, -ай* – аффиксы), *Кваръя* (< *куар* ‘лист’ + *-я* – аффикс), *Гура, Гурей* (< *гуры* ‘сережки березы или ольхи’ + *-а, -ей* – аффикс), родившиеся летом – *Сяська* (*сяська* ‘цветок’). Есть

[4] *лун* – древняя форма слова, редко используемая в современном удм. языке, но сохранившаяся в словах *лумбыт* ‘весь день, целый день’, *лыназе* ‘полдень’, венгерским ученым Б. Мункачи (Munkacsi 1887: 153) зафиксированы слова *lum tөl* [*лум тӧл*] ‘южный ветер’и *lumi̯t ti̯l* [*лумыт тӧл*] ‘теплый ветер’, ср. кз. *лун* ‘день’, ‘юг, южный’ (< общеперм. **lun* ‘день’, ‘юг’ [КЭСК: 163]).

имена, связанные с земледельческими работами: ребенку, родившемуся во время косьбы, давали имя *Кусо* (*кусо* ‘коса, литовка’), во время весенней пахоты – *Герей* (< *геры* ‘плуг’ + *-ей* – аффикс), во время уборки хлебов – *Культо* (*культо* ‘сноп’), *Кабан* (*кабан* ‘скирд, стог сена, соломы’), во время посева или уборки льна, конопли, зерновых культур, сена: *Ани* (*аньы* ‘сноп конопли, льна’), *Бӧм* (*бӧм* ‘маленькая копна сена’), *Сезяй* (< *сезьы* ‘овес’ + *-яй* – аффикс), *Чабей* (*чабей* ’пшеница’), *Чумолё* (*чумолё* ‘копна (сена)’) и т. д.

6. Как и некоторые другие народы, удмурты давали своим детям неблагозвучные имена, чтобы избавить их от болезней, смерти, дурного глаза. С этой же целью давали отпугивающие и отталкивающие имена, такие как: *Жага, Жагей, Жагӟи* (< *жаг* ’сор, мусор’ + *-а, -ей, -ӟи* – аффиксы), *Кый* (*кый* ‘змея’), *Кионбыж* (< *кион* ’волк’, *быж* ’хвост’), *Шакта* (*шакта* ‘плохой, дурной, неприятный’), *Чучы* (*чучы* ‘заеда; лишай’), *Шушла* (*шуш* ‘некрасивый, безобразный, страшный’ + *-ла* – аффикс) и т. д.

7. В личных именах нашли отражение воршудно-родовые имена удмуртов[5]. Эти микроэтнонимы, когда-то в прошлом указывающие на принадлежность человека к тому или иному роду, позже начали функционировать в качестве личных имен людей. Чаще всего такие имена, взамен своим личным именам, давали удмуртским женщинам после замужества, например: *Бигра, Весья, Вортча, Дурга, Можга, Омга, Салья, Чудья* и т. д. Не всегда эти антропонимы восходили непосредственно к воршудно-родовому имени. Иногда они были образованы от ойконимов, а эти ойконимы в свою очередь – от воршудно-родовых имен.

8. В антропонимах получили отражение и этнонимы других народов: например: *Астяк* (*остяк* – дореволюционное название народа ханты), *Башкырт, Башкурт* (*башкырт, башкурт* ‘башкир’), *Бигер* (*бигер* ‘татарин’), *Дюч* (ӟуч ‘русский’), *Калмык* (*калмык* – название одного из племенных объединений башкир), *Пермак* (< коми-пермяк); *Пор, Порег* (< *пор* ‘мариец’), *Чуаш ~ Чуваш* (*чуаш, чуваш* ‘чуваш’) и т. д.

Своеобразными были именования замужних женщин. В этнографической литературе указывается, что женщина после замужества теряла свое личное имя и именовалась по имени своего родового божества – воршуда: *Эгра, Пурга, Бигра* и т. д. [Атаманов 1988: 126]. В удмуртской антропонимии до сих пор встречается такое явление, когда замужним женщинам за-

[5] Воршудно-родовые имена – наименования древних родо-племенных объединений удмуртов, восходящих к периоду матриархата и сохранившихся в антропонимии и топонимии, особенно в ойконимии и микротопонимии. В настоящее время выявлено 70 таких микроэтнонимов, образованных от названий птиц, зверей, насекомых, рыб, растений – предполагаемых тотемов рода (Атаманов 1988: 22–50; 1997: 72–79; 2001; Бушмакин 1969: 166– 176; 1970: 168–176; 1987: 116–124 и др.).

частую дают имена-прозвища по названию той деревни, села, где они проживали раньше, до замужества, причем такие имена-прозвища в устном общении могут вытеснить настоящие имена женщин, например: *Вишур* (д. Вишур Ув.), *Изгурт* (*Изгурт* – удм. название д. Каменное Зав.), *Поби* (< д. Удм. Бабья Сюмс.), *Саля* (д. Саля Игр.), *Селта* (с. Селты – райцентр), *Туймы* (< д. Удм. Тоймобаш Алн.), *Тукан* (< д. Туканово Сюмс.), У*рдо* (< д. Урдогурт Ув.) и т. д. Отойконимические имена-прозвища у мужчин встречаются редко.

Заимствованный пласт. Именники чутко реагируют на все социально-политические изменения в обществе. В русской антропосистеме мало имен русского происхождения, с принятием христианства в русскую именную систему стали входить имена, пришедшие из Византии, греческого, латинского, еврейского происхождения, которые впоследствии полностью вытеснили исконно русские имена. В именниках тюркских народов после принятия ислама стали преобладать имена арабского и персидского происхождения.

Удмуртский антропонимикон, как и другие антропосистемы, изменялся в зависимости от контактологических, социальных и культовых условий. Древние удмурты поддерживали контакты с ираноязычными племенами, о чем говорит заимствованная лексика из иранских языков. В древнем удмуртском именнике можно выделить иранские заимствованные антропонимы, которые можно объяснить на основе данных иранских языков (в данном случае осетинского языка).

Имена иранского происхождения. Наряду с большим количеством лексических заимствований, в удмуртском именнике более раннего периода можно обнаружить около десяти антропонимов иранского происхождения: *Артан* < осет. *ard* ‘клятва, присяга’, art ‘огонь’; *Алан* < осет. *allan* – древнеэтническое название предков осетин; *Алангасар* – имя мифического существа возникло от *алан* и *гасар* < хазар; *Базак* < осет. *bazug* ‘рука, плечо’, *Bazuk* – имя предводителя алан; *Бандур* < осет. *bundor/bundur* ‘фундамент, опора’, ‘домовой’; *Дада* < осет. *dada* ‘отец’, ‘дедушка’, тадж. *Dado* ‘отец’; *Дадок, Дадук* < осет. *dadak* ‘дающий’; *Дангыр* < осет. *dyngyr* ‘большой’; *Занок* < осет. *zanäg* ‘мальчик’; *Зарина* < осет. *zoerinoe* ‘золото’; *Казмас* < осет. *kæsmæs* ‘кривой’; *Кандак* < осет. *koendak* ‘холст’; *Лангыр* < перс. *ланг* ‘хромой’; *Сенг* < тадж. *санг* ‘камень’; *Малаг* < осет. *mællæg* ‘худой, тощий’; *Сарсад* < осет. *sær* ‘голова’, *sæd* ‘божество’ [Атаманов 1988: 114–115].

Имена угорского происхождения. В древнем удмуртском именнике наблюдаются имена угорского происхождения. Их количество незначительно. Имена угорского происхождения в основном обнаружены у людей рода Эгра: *Зякнай* < манс. *сякнай* ‘бородавка, прыщ’; *Мансэй* < *манси* –

этноним; *Порег* < *пор* – название одной из фратрий обских угров; *Салькай* < манс. *сали* ‘олень’ [Атаманов 1988: 115–116].

Среди заимствованных имен выделяются тюркский и русский пласты.

Тюркский пласт. Проникновение тюркских имен в удмуртский именник начинается с возникновения раннефеодального Булгарского государства. Как отмечает М. Г. Атаманов [1988: 116], древние удмурты начали контактировать с тюркоязычными племенами в середине I тысячелетия н. э. Сильное влияние оказало Булгарское государство, что также оставило свой отпечаток в антропонимии. Такие имена, как *Камаш*, *Курбат*, *Туктар*, *Тугаш*, *Марзян* – являются именами булгарского происхождения.

Тюркские имена занимали исключительно большое место в дохристианском именнике удмуртов. М. Г. Атаманов [1988: 116–120], подробно рассматривая заимствованные антропонимы, выделил в удмуртских именах тюркского происхождения следующие элементы: а) в женских именах – *ай* ‘луна, месяц’, *ак* ‘белый’, *алтын* ‘золото, золотой’, *бике* ‘дама, госпожа, хозяйка’, *бикечь* ‘невеста; сноха’, *бей* ‘бей (титул феодала)’, *иш ~ эш* ‘чета, друг, ровня’; ‘одинаковый, подобный, парный’, *кара* ‘темный, черный’, ‘смотри’, *кыз* ‘девочка, девушка’, *кунак* ‘гость’, *мин ~ минле* ‘родинка; имеющий родинку’, *сылу* ‘красавица, красивая, миловидная’, *туй* ‘свадьба’, *тук* ‘полный, сытый’, *чӑчӑк* ‘цветок’, например: *Акбей*, *Айсулы*, *Алтынбике*, *Гульчачак*, *Каракаш, Кызбике* и др.; б) в мужских – *ай* ‘луна, месяц’, *ак* ‘белый’, *ата* ‘отец’, *бай* ‘богач, богатый’, *батыр* ‘богатырь, силач, герой’, *бек* ‘правитель, вождь, князь’, *иш ~ эш* ‘друг, товарищ’, *кара* ‘темный, черный’, ‘смотри’, *таш* ‘камень, каменный’, *туган* ‘родной’, ‘родился’, *юл* ‘дорога, путь’, например: *Айман*, *Акбай*, *Айбатыр*, *Айтуган*, *Бектуган*, *Бекташ*, *Бектэмыр*, *Каракул*, *Туганай*, *Эшман* и др. В процессе заимствования тюркские имена претерпевали некоторые изменения.

Через тюркские языки в удмуртский проникли и **имена арабского происхождения**, в которых встречаются такие элементы: а) в женских именах – *асыл* ‘красивый, прекрасный’, *камал* ‘красота, миловидность’, *камар* ‘луна’, *султан* ‘правитель, государь, власть’, *ниса* ‘женщина’, *нур* ‘луч, свет, блеск’, *шәмсе* ‘солнечный’, *җамал* ‘красота, миловидность’, например: *Асылбика*, *Байсултан*, *Бибинур*, *Гульниса*, *Шамсикамал*, *Шамсиниса* и др.; б) в мужских – *гали* ‘выдающийся, великий’, *морат* ‘цель, желание, мечта’, *сэед* ‘хозяин, государь, аристократ’, *султан* ‘правитель, государь, власть’, *эхмет* ‘славный, достойный похвалы’, например: *Баймурат*, *Байсеит*, *Курбангали*, *Эшмурат*, *Султанахмет* и др.

Из тюркских языков удмурты заимствовали имена персидского происхождения с такими элементами: а) в женских именах: *адна ~ азна* ‘пятница’, *бану* ‘дама, госпожа, хозяйка’, *биби* ‘дама, госпожа, хозяйка’, *бустан* ‘цветник’, *гуль* ‘цветок’, *жан ~ зян ~ джан* ‘душа’, *зевар* ‘украшение’, например: *Аднакей*, *Акзян*, *Бекзян*, *Бибинур*, *Гульбану*, *Гульбустан*, *Зянби-*

ке, Минзявар; б) в мужских – *адна* ‘пятница’, *дус* ‘друг, приятель’, *мирза* ‘мурза’, *пулад* ‘булат, сталь’, *ша ~ шах* ‘шах, монарх, государь’, *яр* ‘друг, товарищ; помощник’, например: *Акмурза, Атнабай, Байдус, Баймурза, Бактияр, Дускей, Шамардан, Яшбулат.*

Имена монгольского происхождения также проникли через татарский язык, например: *Баян* (*баян* ‘богатый, сильный, счастливый’), *Бата*, *Батуй* (*бата* ‘крепкий, прочный, сильный’, ср. *хан Батый* – имя хана Золотой Орды), *Нагай* (< *нохай* ‘собака’), *Сайка* (< *сай* ‘красивый, славный’), *Чон, Чона, Чаныш* (< *чан* ‘волк’), *Яман* (< *ямаан* ‘коза’).

На основе удмуртско-тюркских контактов в удмуртском именнике возникли гибридные имена. Но данные имена нельзя отнести к тюркскому пласту, т. к. они возникли уже в удмуртской антропонимической системе: *Аньыбей, Тютюбей, Учибей, Культобей* (< удм. *аньы* ‘сноп конопли, льна’, *тютю* ‘цыпленок’, *учы* ‘соловей’, *культо* ’сноп’ + тюрк. *бей* ’бей (титул феодала)’), *Гульнамер* (< тюрк. *гуль* ‘цветок; роза’ + удм. *намер* ‘костяника’), *Нылсалтан* (< удм. *ныл* ‘девочка, девушка’ + тюрк. *султан* власть; правитель, государь’), *Юсьсула* (< удм. *юсь* ’лебедь’ + тюрк. *сула* ‘красавица, красивая, миловидная’) и т. д. Эта группа личных имен бытовала у периферийно-южных групп удмуртов – в зоне активного контактирования с тюркскими народами. Гибридные удмуртско-тюркские имена носили только женщины [Атаманов 1988: 110–119].

Русский пласт. Проникновение русских имен в удмуртскую антропонимическую систему началось еще до официального принятия христианства. По происхождению их можно разделить на две большие группы: древнерусские и христианские, пришедшие на Русь из Византии.

До принятия христианства, с периода XIII–XIV вв., особенно после присоединения удмуртов к великому Московскому княжеству, наблюдается заметное влияние русской культуры на язык, быт и культуру удмуртов. В этот период в удмуртский язык вошли древнерусские имена типа: *Первушка, Третьяк, Ворона, Мороз, Баженко, Нечайко, Князь, Поспелко, Малышко, Налим, Ягодка, Девочка* и др. С русскими и их именником первыми познакомились северные удмурты, поэтому количество русских имен в их антропонимиконе занимает значительное количество.

С принятием христианства в XVIII–XIX вв. русские православные имена среди удмуртов начали выступать в качестве официальных имен. В удмуртской антропонимической системе появились христианские имена греческого, латинского, еврейского происхождения. Освоенные календарные имена подчинились фонетико-грамматической и акцентологической структуре удмуртского языка. Появилась многовариантность практически у всех освоенных имен, за счет чего удмуртский именник значительно обогатился: *Андрей – Ондрей, Ондруш, Ондра, Ондок, Онда*; *Акулина – Окыльна, Окыль*; *Александр – Санко, Сано, Олексан*; *Александра – Санӥ,*

Сандок, *Сандӥ*; *Анисья – Онись*, *Онисья*; *Афанасий – Офонь*, *Офонька*, *Опонасей*; *Герасим – Ярасим*; *Емельян – Омеллян, Омель*; *Иосиф – Ясап*; *Никандр – Лекандр*; *Никифор – Миквор*; *Прасковья – Параско, Параска*; *Федосья – Педось*, *Педосья*, *Педочча*; *Фекла – Пекла*, *Тёкла*; *Пелагея – Паладья*; *Татьяна – Такъян*, *Такъянай, Такан*; *Федор – Педор* и др.

Иногда удмуртские эквиваленты настолько далеки от оригинала, что возникают трудности в определении их происхождения: *Печа, Печча < Феодосия*; *Микон*, *Микой < Никифор*, *Габи < Гавриил*; *Мика*, *Мики < Михаил*.

В последние десятилетия через русский язык вошли такие имена, как *Инга, Инна, Илона, Эмма, Аэлита, Оксана, Олеся, Снежана, Эмилия, Владислав, Игорь, Вадим, Радик.*

Вопросы и задания:

1. В чем заключается универсальность антропонимических систем?
2. К какому пласту отнесете гибридные имена: Анибей, Гульнамер, Сяськабей, Тютюбей, Юсьсула? Почему?
3. Назовите способы «удмуртизации» заимствованных русских имен.

Становление фамилий

Фамилия как определенная антропонимическая категория возникла из необходимости называть кровных родственников – членов семьи – одним именем. Фамилия, указывающая на происхождение человека от определенного рода, в переводе с латинского *familia* означает ‘семья’. В Римской империи оно обозначало общность, состоявшую из семьи хозяев и их рабов.

Формирование фамилий протекало длительно. Считается, что фамилии возникли в Италии в XI в. Из Италии фамилии перекинулись во Францию, точнее в провинцию Прованс, который шел в авангарде социально-экономического и культурного развития. Развитие наследственных интересов (землевладение, торговля, создание мануфактур), требующих наследственных именований, способствовало укреплению фамилии в качестве общего имени семьи.

Из Франции фамилия проникла в Германию и остальные страны Европы. Наследственные родовые имена, в первую очередь, возникли в среде феодалов. Среди буржуазии использование фамилии распространилось в XIV в.

Как указывает финский исследователь О. А. Каллио, в Финляндию новая антропонимическая категория пришла через Швецию. В основе большинства фамилий лежало имя отца, но встречались и фамилии, образованные от профессии или «природные» имена[6]. Необходимо отметить, что

[6] «1500-luvulla sukunimien käyttö ulottui myös porvaristoon. Sukunimi saatoi kehittyä isännimestä (Richardin poika oli esim. John Richardson), ja lisäksi nimiä syntyi ammattia

на формирование фамилий большое влияние оказала шведская антропонимическая система. Первые фамилии у финнов были шведскими: *Richardson, Taylor, Schneider, Fox, Hill*. В период роста финской идентичности в конце XIX в. был брошен клич о замене шведских фамилий на финские. Многие образованные финны откликнувшись на этот призыв сменили свои фамилии на финские: *Koskiniemi, Saarikivi, Saarinen, Järveläinen, Virtanen, Kantele* и др. В это время появилось большое количество новых «природных» фамилий [Kallio 1968: 7].

Формирование новой антропонимической категории у русских протекало с XIV до XIX в. Крестьяне получили фамилии только в конце XIX века с отменой крепостного права. В становлении фамилий в Российском государстве можно выделить несколько периодов.

Ранний период относится к XIV–XV вв. К первым наследственным именам можно отнести княжеские фамилии *Шуйский, Курбский*, в основе возникновения которых лежат названия уделов. Боярские фамилии возникали на основе патронимов, т. е. нецерковных имен или прозвищ предков. К патронимическим относятся фамилии *Ковров* (родоначальник Андрюшка Ковер), *Кобылин* (родоначальник Андрей Кобыла), *Кошкин* (родоначальник Федор Кошка). Как указывает В. А. Никонов, закрепление наследственного имени происходило малопонятно: в одних случаях имя переходит на следующее поколение, в других не переходит или переходит избирательно, имя наследует либо старший сын, либо младший [Никонов 1974: 167].

В XVI–XVII вв. процесс становления фамилии по модели *Иван Петров сын Фомина* стал укрепляться как наследственное родовое имя. К середине XVII в подавляющее большинство русских фамилий усвоило застывшие патронимические суффиксы *-ов/-ев, -ин*. Если у деда было два имени, крестильное и мирское, то фамилия образовывалась от мирского имени, чтобы избежать омонимии, т. к. фонд крестильных имен был ограничен [Унбегаун 1989: 16]. Лингвистическое оформление фамилий основано на использовании имеющихся в языке грамматических средств, выражающих притяжательность, т. е. аффиксов прилагательных или форм родительного падежа со значением принадлежности лица главе семьи, происхождения из тех или иных мест и т. д. [Митрошкина 174].

Закрепление фамилий зависело от социальных кругов. По утверждению В. А. Никонова, становление фамилий можно рассматривать дифференцированно по социальным слоям [Никонов 1974: 167]. Вслед за князьями и боярами, фамилии устанавливаются и у дворян и помещиков. В XVI в.

---

kuvaavista sanoista (Taylor, Schneider ‘räätäli’) tai esim. luonnonnimistä (Fox, Hill). Ruotsi-Suomen vanhimmat ruotsinkieliset sukunimet syntyivät myöhäisellä keskiajalla» [Kallio 1968].

с введением обязательных фамилий в законодательных актах наследственные имена в среде дворян и помещиков утвердились быстро. К началу XVIII в. у всех помещиков и дворян имелись фамилии.

Духовенство еще и в середине XVIII в. почти не имело фамилий. Служителей церкви обычно именовали по названию церкви, в которой они служили. Возникновению фамилий *Вознесенский, Никольский, Троицкий, Сергиевский, Покровский, Рождественский, Успенский* и др. способствовала запись подобного типа: *вознесенский поп Иван*, *никольский дьякон Григорий*. С конца XVIII в. в духовных семинариях, где готовили будущих церковных служителей, поголовно всех семинаристов записывали по фамилии. При этом неподходящие фамилии типа *Кошкин*, *Быков*, образованные от прозвищ, заменяли красивыми церковными фамилиями. Так появились «украшающие» фамилии *Бриллиантов, Серебров, Благовидов, Благонравов, Добромыслов, Добролюбов, Реформатский, Кипарисов, Ключевский, Голубинский* и др. [Бужилова 2002; Никонов 1974: 168–169].

У купцов фамилии стали появляться еще в XVI в., но только у крупнейших, так называемого "именитого купечества". Фамилия была привилегией дворянства и купцам приходилось покупать фамилии. В XV–XVI вв. таких было немного и, в основном, севернорусского происхождения, например *Калинниковы*, *Строгановы*. Среди фамилий купечества было много таких, в которых отражалась «профессиональная специализация» их носителей. К примеру, фамилия *Рыбников* образованна от слова *рыбник*, то есть «торговец рыбой». Купечество пополнялось чаще из низших слоев, поэтому процент безфамильных купцов не сокращался.

Среди крестьянства фамилии впервые стали употребляться в XVI–XVIII вв., но окончательно закрепились лишь после отмены крепостного права. Функцию дифференциатора выполняли прозвища или патронимы. В официальных документах того времени встречаются записи «терешка васильев сын пирожник», «бориско козел», «федка иванов сын тетюшенин», «никифорка сергеев сын устюженин» и т. п. [Никонов 1974: 163; 1976: 135]. После отмены крепостного права в 1861 г. среди прочих реформ был закон и о введении фамилий у всего населения страны. В качестве источников служили уличные фамилии, фамилии из отчеств или фамилии помещиков, которым раньше принадлежали эти крестьяне, например: *Репьевы, Пушкаревы, Трубецкие, Нарышкины, Гагарины* и т. д. [Бужилова 2002]. Но, несмотря на принятые меры, фактически оставалось еще много безфамильных. Часто у крестьян фамилии были неустойчивыми, в документах встречалась двуфамильность.

Итак, в XIX в. уже почти каждый имел фамилию как добавление к имени и отчеству. Но строго наследственными, юридически закрепленными за всеми гражданами России фамилии стали в 1930-х гг. [Федосюк 2002: 7].

Следующий период становления фамилий – это период проникновения наследственных имен в антропонимические системы других народов Российского государства. Процесс становления фамилий в антропосистемах финно-угорских народов Поволжья можно датировать XVII–XIX вв. Фамилии образовались по образцу русских, и способами оформления были те же морфологические средства, которые характерны для русских фамилий. К основе имени присоединялись притяжательные суффиксы *-ов*, *-ев*, *-ин*, которые выражали принадлежность [Воронин 1976: 134].

У коми народа, по утверждению И. Л. Жеребцова и О. И. Уляшева, фамилии утвердились в XVII–XVIII вв. Если в 1586 г. в Яренском уезде фамилии имели только 3–13% из жителей, то 1678 г. в этом же уезде уже 64% жителей записаны по фамилии. В 1710 г. в Слудской волости все жители имели фамилии[7] [1997: 14]. Более раннему укреплению фамилии в коми антропонимической системе повлияло то, что крестьяне северной России, бывших новгородских владений, могли иметь настоящие фамилии, так как крепостное право на эти области не распространялось. Самые первые фамилии *Емелько Лузьков* и *Ефин Эжвин* зафиксированы в Вымско-Вычегодской летописи 1450 г. [Плесовский 1997: 5].

Среди мордвы первыми получают фамилии «станичные мордовские мурзы, которые несут по Саранску станичную службу». Пензенские, атемарские, верхнеломовские, керенские десятни, в которых дан перечень «городовых дворян и детей боярских» свидетельствуют, что число мордовских князей и мурз было довольно много. Так, Пензенская десятня 1677 г. называет князей *Мокшазарова, Кулунзина, Мокшадеева*, мурз-князей *Анемасова, Радаева*, мурз *Алемасова, Алякина, Вельмаева, Веденяпина, Живаева, Кудюшева, Лемаева, Мамаева, Мордвинцова, Мосеева, Палдамасова, Пароватова, Полдясова, Пиняева, Пилесева, Полумордвинова, Ризоватова, Сыресева, Симдянова, Тренина, Череватова, Яушева*. Причем большая часть фамилий вышеназванных мурз имеет в основе мордовские личные имена: *Алемас, Анемас, Аляка, Веденяпа, Велмай, Ку-*

[7] «XVII-öд нэм чӧжӧн содӧ ова морт лыдыс. Шуам, 1586-öд воын на овӧн пасйӧма Яренскӧй уездысь сӧмын 3–13% олысьӧс. Лузскӧй Пермцаын XVII-öд нэм водзза джынъяс вӧлі 12–13% олысьяс ова. 1678-öд воын Яренскӧй уездса олысьысь 64%-сӧ гижӧмаӧсь овӧн. Пустозерскӧй уездын 1679 воын 73% – Чилимдінса, 90% – Изьваса да 94% – Пустозерскса олысьысь новлісны овъяс. XVIII-öд нэм заводитчигкежлӧ Коми муын кызвын олысьыс вӧлі нин ова. Летка вывса Слудскӧй волостьын, шуам, (Слудка, Прокопьевка, Березовка сиктъяс) 1710-öд воын став олысьсӧ гижӧмаӧсь овӧн. 1707-öд воын Пажгаын да Кебраын эз вӧв ни öти овтӧм, Визинын да Ужгаын вӧлі öти овмӧстӧм крестьянинӧн, Сыктывдінын, Выльгортын, Сеськаын, Заленечын да Ыбын 94–97%-ыс вӧлі ова жӧ. Артмӧ, мый Комиын овъяс кызвыннас сӧвмисны XVII-öд–XVIII-öд нэмъясӧ» [Жеребцов, Уляшев 1997: 14].

дюш, Кучай, Лемай, Москай, Парават, Пилесь, Пиняй, Полдяс, Ризоват, Симдян, Сустат, Сыресь, Череват, Яуш и др. [Мокшин].

Как указывает Н. Мокшин, перемена мордовского имени на русское (календарное), происходившая в основном в ходе христианизации, была длительным процессом, растянувшимся вплоть до середины XIX в. У новокрещённых в употреблении долго были как христианские, так и дохристианские имена одновременно [Мордовско-тюркские …].

Население марийского края вплоть до XX в. было крестьянским. А у крестьян официально закрепленных фамилий до конца XIX в. вообще не было, некоторые крестьяне их получили только во время паспортизации в 1930-х гг. [Галкин 1983: 6].

Появление фамилий среди удмуртов относится к довольно позднему времени – к моменту массового их крещения, которое началось с первой половины XVIII в. [Атаманов 1988: 30]. До появления фамилий в роли дифференцирующих определений выступали прозвища: *Матюшка, прозвище Баженко*; *Никитин сын Дягилева*; *Родка, прозвище Завьялко*; *Савельев сын Медведчиков*; *Петрушка, прозвище Первушка*; *Алексеев сын Дурак.* Прозвища могли передаваться по наследству и носили также различительный оттенок: *Герасимко Борисов сын, прозвище Баженко, Павлик Иванов сын, прозвище Безногой, Сысойка Григорьев сын, прозвище Богдашко, Ондрюшка Леонтьев сын Серебряник, прозвище Первушка* [Тепляшина 1978: 61–62].

С середины XVIII в. у удмуртов начинают появляться фамилии. Сформировавшаяся русская форма с патронимическим суффиксом *-ов*/*-ев* постепенно закрепляется в удмуртской системе. С конца XVIII – начала XIX в. закрепляются официальные фамилии удмуртов Глазовского уезда (включающего в себя Глазовский, Игринский, Кезский, Дебесский и другие районы). В отличие от слободских, у глазовских удмуртов подавляющее большинство фамилий заимствовано от русских. В сравнении с другими регионами на севере Удмуртии фамильный состав удмуртов весьма однообразен: *Стрелков, Сунцов, Шкляев, Вахрушев, Поздеев, Белослудцев, Перевощиков, Широбоков, Леконцев, Хохряков, Малых, Ложкин, Князев, Владыкин* и др. [Атаманов 1988: 131].

У некрещенных удмуртов вплоть до 20–30-х гг. XX в. сохранялась форма записи имени отца с суффиксами *-ов/-ев* вместо фамилии (*Шарапова Культобей, Касимов Фатых*).

Большинство фамилий удмуртов образовано от календарных и некалендарных имен русского происхождения: *Первушин* (рус. некаленд. имя *Первуша*), *Волков* (рус. некаленд. имя *Волк*), *Федоров* (рус. календ. имя *Федор*), *Степанов* (рус. календ. имя *Степан*). В антропонимиконе до наших дней сохраняются также фамилии собственно удмуртского происхождения, т. е. связанные с языческими именами: *Гондырев* (*гондыр* ‘мед-

ведь’), *Пельтемов* (*пельтэм* ‘безухий’), *Сентемов* (*синтэм* ‘безглазый’), *Чипеев* (*чипей* ‘щука’), *Пислегин, Пислегов* (*пислэг* ‘синица’), *Атасов* (*атас* ‘петух’), *Кайсин* (*кайсы* ‘клест’), *Юберов* (*юбер* ‘скворец’, ‘дрозд’), *Юрмегов* (*юрмег* ‘ласка’), *Чорыгов, Черыгов* (*чорыг* ‘рыба’), *Сырчегов* (*сырчег* ‘скворец’).

Большинство современных фамилий удмуртов образовано путем добавления к имени русских суффиксов *-ов* (*Петров, Пельтемов, Архипов, Султанахметов*), *-ев* (*Туганаев, Сергеев, Гондырев, Вахрушев*), *-ин* (*Никитин, Бушмакин, Тепляшин, Загребин*), реже *-ых, -их* (*Русских, Беломорских, Малых, Белых*) и *-ский* (*Добровольский, Капачинский*).

Семантика фамилий

Современные фамилии весьма разнообразны по своему источнику образования. Общие условия становления наследственных имен, переплетаясь с различными чертами языков, создавали типологически общие черты в семантике фамилий. Универсальными можно считать типы фамилий по семантике лексических основ, но частотность их в разных языках различна [Никонов 1974: 186].

Как указывают многие исследователи, преобладающее количество фамилий образовано из личных имен [Атаманов 1988: 130; Никонов 1974: 186; Мокшин; Полякова 2010: 10; Тепляшина 1978: 48; Федосюк 2002: 7]. Основу могли составлять календарные и некалендарные имена.

Фамилии могли образоваться от календарных имен. Церковные имена чуждые по звучанию и непонятные народу по смыслу руссифицировались и начинали звучать по-другому. Полные формы русских церковных имен обрастали множеством производных, уменьшительных и сокращенных форм [Федосюк 2002: 7]. От всех речевых форм могли образоваться фамилии. Например, от имени *Евстафий* (нар. *Евстахий, Стахий, Стахей, Естафий, Астафий, Остафий*, разг. *Астах, Евстах, Остах, Остап, Стафей, Стафий, Стах* < греч. *Эустатиос*: *эустатес* ‘хорошо построенный, крепкий, здоровый’) образовались фамилии *Астапов, Астафьев, Астахов, Асташев, Асташкин, Асташков, Евстафьев, Останин, Останкин, Осташев, Осташков, Стафеев, Стахеев*. Имя *Малахий* (разг. *Малафей, Малафий, Малах, Малахай* < др.-евр. *малаки* ‘посланник мой’) послужило основой возникновения фамилий *Малафеев, Малахов, Малашев, Малашкин*. Самое распространенное имя *Иван* (нар. *Ивантей, Ива, Еван, Яван, Иванис*, разг. *Вантей, Иян, Ян, Ивач, Иваш,* сокр. *Ваня* < др.-евр. *йоханан* ‘бог милует’) породило десятки производных основ, от которых образовались фамилии: *Иванов, Ивакин, Иванчин, Ивашин, Ивашов, Ивашкин, Ивашев, Иванищев, Ивантеев, Ивин, Ивкин, Ивков, Ивашутин, Иващенков, Иваненков, Иваньков, Ванеев, Ванников, Ванин, Ванькин,*

Ваньтеев, Ванютин, Ванюхин, Ванюшечкин, Ванюшин, Ванюшев, Ванягин, Янин, Яничкин, Янковский, Яночкин, Янушев, Янушкевич, Янчевскй, Яныше в, Яньшин, Янюшин, Янюшкин.

Мирские имена, более употребительные в обиходе для идентификации личности вплоть до середины XVIII в., вытесняя церковные имена, во многих случаях послужили в качестве основы фамилий. По происхождению мирские фамилии принято считать более древними, чем фамилии, образованные от календарных имен. К фамилиям, основа которых восходит к дохристианским (нехристианским) русским именам, можно отнести к примеру: *Беляев* (< *Беляй*), *Балуев* (< *Балуй*), *Бизунов* (< *Бизун*: *бизун* ‘плакса’), *Булгаков* (*Булгак*: *булгак* ‘беспокойный, суматошный’), *Булычев* (< *Булыч*: *булыч* ‘плутоватый’), *Гагарин* (< *Гагара*: *гагара* ‘вид птицы’), *Жданов* (< Ждан: жданный, желанный) и др.

Основу ряда финно-угорских фамилий составляют древние именники этих языков. В мордовском именнике зафиксированы фамилии: *Вергезов* (< *вергез* ‘волк’), *Письмаркин* (< *письмар* ‘скворец’), *Пизелкин* (< *пизел* ‘рябина’), *Раужин* (< *раужо* ‘черный’), *Кувакин* (< *кувака* ‘длинный’), *Тундин* (< *тундо* ‘весна’), *Шекшеев* (< *шекшей* ‘дятел’), *Сяткин* (< *сятко* ‘искра’), *Якшамкин* (< *якшамс* ‘холодно’) и пр. [Мокшин]. Основой марийских фамилий *Курмузаков* (< *курмызак* ‘вальдшнеп’), *Ширчиков* (< *шырчык* ‘скворец’), *Изычев* (< *изи* ‘маленький’), *Ешмеков* (< *эшмек* ‘’) являются личные имена [Галкин 1983: 5–16]. В пермской антропонимии исследователями отмечаются фамилии на *-ог*, *-ег*, в основе которых лежат коми-пермяцкие дохристианские имена: *Азегов* (< *азь* ‘ботва огородных растений’), *Босегов* (< *басок* ‘красивый’), *Жебегов* (< *жеб* ‘дряблый’), *Мошегов* (< *мош* ‘пчела’) [Кривощекова-Гантман 1976: 92; Полякова 2010: 12]. Немалая часть удмуртских фамилий также образована от дохристианских удмуртских имен: *Пислегин* (< *пислег* ‘синица’), *Гондырев* (< *гондыр* ‘медведь’), *Чипеев* (< *чипей* ‘щука’), *Туганаев* (< *туган* ‘любимый; друг, подружка’), *Мушегов* (< *муш* ‘пчела’), *Шудегов* (< *шуд* ‘счастье) и т. д.: и имен тюркского происхождения: *Байсаров* (< *Байсар*: тюрк. *бай* ‘богатый, богач’, *сар* образовано от *сару* ‘окружить, обступить, наматывать’ или *сары* ‘желтый, рыжий’), *Ишмуратов* (< *Ишмурат*: тюрк. *иш* ‘чета, пара; ровня; товарищ, друг’, араб. *мурад* ‘желанный’), *Кельдибеков* (< *Кельдибек*: тюрк. *кельди* ‘пришел, явился’, *бек* ‘князь, правитель’) и т. д.

Часть фамилий образована от семейных **прозвищ**. Основная масса крестьян получила в качестве фамилии «уличное» прозвище. Многие семьи в деревнях носили одинаковое родовое имя, оставшееся от личного имени предка. Эти семейные прозвища, попадая в переписные листы, «офамиливали» несколько семей. Наделение крестьянина фамилией часто сводилось просто к официальному признанию, узакониванию, закреплению семейных или личных прозвищ за их носителями. Вероятно, от се-

мейных прозвищ, передаваемых из поколения в поколение, образованы фамилии типа *Безбородов, Беззубов, Безруков, Горбунов, Косолапов, Кривощеков, Кривоногов, Криворотов, Кривошеев, Рябов* и др.

Основой ряда мордовских фамилий выступают прозвища: *Раужин* (< *раужо* ‘черный’), *Кувакин* (< *кувака* ‘длинный’), *Кевбрин* (*кев* ‘камень’, *пря* ‘голова’), *Сермавбрин* (*сермав* ‘пестрый’, *пря* ‘голова’), *Учамбрин* (мокш. *уча* ‘овца’, *пря* ‘голова’) и др. [Мокшин2]. Марийские фамилии *Кугуелов* (< *кугу* ‘большой’, *йол* ‘нога’), *Кугунеров* (< *кугу* ‘большой’, *нер* ‘нос’) образованы от прозвищ [Галкин 1983: 5-16]. Возможно, от семейных прозвищ возникли коми фамилии *Гуляев* (*гуляйко* называли парней, любивших погулять[8]), *Изъюров* (< *из* ‘камень’, *юр* ‘голова’), Каликов (< калика ‘странник’[9]), *Кетов* (< удм. *Кöт* ‘живот’[10]). В удмуртской антропонимии можно встретить фамилии *Пельтэмов* (< *пельтэм* ‘глухой’), *Пупыдов* (< *пу* ‘деревянный’, *пыд* ‘нога’).

Близки к семейным прозвищам наименования по занятиям. Исходную лексему *кузнец* можно встретить в фамилиях разных народов: рус. *Кузнецов* (< *кузнец*), укр. *Ковалев* (< *коваль* ‘кузнец’), болг. *Ковачев* (< *ковач* ‘кузнец’), англ. *Смит* (< *smith* ‘кузнец’), нем. *Шмитд* (< *Schmidt* ‘кузнец’), фин. *Seppälä* (< *seppälä* ‘кузнец’). Для жителей села специальность кузнеца имела немаловажное значение. Этот важнейший признак легко переходил на членов семьи кузнеца, превращаясь в уличное прозвание.

В корне некоторых фамилий лежат названия населенных пунктов (сел, деревень), выходцами откуда были эти крестьяне. К оттопонимическим относятся фамилии: *Медынцев* (< *Медынь* – районный центр Медынского района Калужской области), *Каширинов* (< *Кашира* – город на Оке), *Муромцев* (< *Мурома* – город на Оке). Источником для образования марийских фамилий *Кужнуров, Кугувалов, Купсольцев, Ушнурцев* послужили ойконимы [Галкин 1983: 5–16]. Коми фамилии *Вадоров* (*ва* ‘вода, река’, *дор* ‘у’), *Ляшев* (< *ляшина* ‘сырое пониженное место, поросшее мелколесьем’) образованы от наименований микротопообъектов.

Фамилии могут содержать в основе этнонимы. Этноним *русский* встречается в фамилиях: *Русских, Русинов, Рочев, Рузавин*. О мордовском происхождении их первоначальных носителей свидетельствуют фамилии: *Мордвин, Мордвинов, Мордвинцев, Мордовец, Мордовин, Мордовских; Мокшаев, Мокшазаров, Мокшанин, Мокшанов, Мокшанский, Мокшанцев,*

---

[8] «*Гуляйко* нимнас шулӧмаӧсь гуляйтны радейтысь йӧзӧс» [Плесовский 1997: 33].

[9] «*Калика* кывйысь; вежӧртасыс ‘местаысь-местоӧ ветлысь-мунысь морт, странник, вичко сьыланкывъяс сьылысь-корысь’» [Плесовский 1997: 44].

[10] «Ассьыныс Кетов овсӧ коми-пермякъяс артмӧдӧны удмуртскӧй кӧт кывйысь, вежӧртасыс сылӧн – кынӧм (‘живот’). Сідзкӧ, Кетовъяс – кынӧма (кыз кынӧма?) войтыр, рочӧн кӧ – Брюханов» [Плесовский 1997: 48].

Мокшарев, Мокшеев, Мокшин; Эрзин, Эрзяйкин, Эрзякаев, Эрзямаев, Эрзюков и т. п. Фамилии *Перминов, Пермяков, Зырьянов, Зырьянинов, Зырьянин, Вотин, Вотяков, Вотинцев* и т. д. говорят о пермских корнях носителей родового имени.

Происхождение той или иной фамилии связано с профессиями наших предков, регионами, где жили предки, их бытом, обычаями, прозвищами, особенностями характера и внешности.

Прозвища

Прозвища, как дополнительные неофициальные имена, являются наиболее древней антропонимической категорией. П. И. Визгалов характеризует прозвище как «собственное имя, которое одним словом может обрисовать человека с головы до пят и иногда на всю жизнь» [Визгалов 1971: 92]. С. И. Зинин определяет прозвища как слова, которые даются людям в разные периоды их жизни по определенным причинам, под которым они известны в небольшом окружении: в кругу семьи, улицы, деревни [Зинин 1972: 10]. Прозвища в современном значении носят сниженный, фамильярно-пренебрежительный оттенок, и существует тенденция постепенного усиления оценки с окраской отрицательности. Прозвищные именования выражают неодобрительное отношение к человеку и чаще всего воспринимаются носителями как обидные, оскорбительные названия [Антошин 1971: 98; Ванюшечкин 1971: 85]. Прозвище дано, чтобы досадить какому-либо человеку, чтобы отметить его какую-либо забавную или неприятную черту. Прозвища редко носят хвалебный характер. Иной раз даже за положительно внешней формой кроется злое содержание. Они могут быть связаны с национальными или социальными предрассудками. Иногда в прозвищах присутствует нейтральный оттенок: они могут констатировать занятия людей (*Почта Аня, Продавец Лена*), их прежнее место жительства (т. е. откуда они приехали) (*Палым Коля*, где *Палым* – название деревни), внешний вид (*Кузь Коли,* где *кузь* ‘длинный’) и др. Прозвищные именования лица относятся к разряду естественно сложившихся номинаций. Они обладают непостоянством и не обязательно сопровождают человека до конца его жизни.

С точки зрения возникновения прозвища – это древние имена. С введением христианства, будь то в русской, марийской, мордовской, удмуртской антропонимических системах, асинхронно шло постепенное вытеснение исконных имен каноническими именами. Наряду с крещенным именем у каждого имелось второе личное имя, которое было известно всем в округе. В начале процесса смены некалендарных имен календарными мирские имена в общении использовались чаще. Но с утверждением единой системы канонических имен в официальной сфере, сложившаяся

в России в XVIII в., функция второго некалендарного имени изменилась: мирские имена применялись в роли уточнения и конкретизации наименования человека [Суперанская 1998: 16].

Одним из древних терминов в антропонимике нужно считать лексическую единицу *имя*. П. Берында отмечал в своем словаре «Имя: Назвиско, або прозвиско». Человека могли именовать, называть, нарекать, прозывать и т. д., а отсюда богатая синонимическая замена слова *имя* при определении личного имени. В «Словаре Академии Российской» встречаются термины *имя, рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование* и др. [Зинин 1972: 11]. После принятия христианства в быту употреблялись два имени. Для разграничения этих имен церковные служащие стали называть *прозвищами* мирские имена. За календарным именем закрепился термин *имя*. До XVII в. между терминами *имя* и *прозвище* не было принципиальной разницы.

В XVII в. термин *прозвище* стал употребляться в двух значениях: а) в значении дополнительного именования лица, часто данного в шутку, в насмешку (сближается с функциями современных прозвищ); б) в более общем значении, которое могло переходить по наследству, что делает его близким с функциями современных фамилий [Зинин 1972: 12]. Между этими значениями в XVII в. почти невозможно провести грань, т. к. термин *прозвище* означал мирское личное имя, в качестве семейных именований использовались термины *прозвание* или *фамильное прозвание*.

Значительные перемены в русской антропонимии как социально-языковой и юридической категории происходят в XVIII в. Ее регламентацией стала заниматься государственная власть в ее высшей инстанции. В 1701 г. Петр I специальным указом запретил в документах употребление «полуимен» [Бондалетов 1983]. В XVIII в. за словом *прозвище* закрепилось значение, принятое и в наше время: они характеризовали внешние данные, характер человека, его поведенческие особенности. В XVIII в. из фамильных прозваний патронимического происхождения стала укрепляться фамилия. С одной стороны, семью еще продолжали отмечать термином *прозвание*, а с другой стороны, новый термин *фамилия* стал употребляться в значении ‘семья’.

В удмуртской антропонимии тоже известны так называемые двойные имена, употребляемые параллельно для обозначения одного и того же лица. Одно из них применяется в кругу семьи, родственников, односельчан, т. е. является бытовым, другое – официальное, представленное в личных документах. В обыденной жизни сельские жители в кругу односельчан и родственников, как и в древности, пользуются старой системой именования [Атаманов 1988: 129]. В настоящее время самобытные имена типа *Сандыр Коля*, *Мико Надя*, *Ещён Коля* (где первый компонент является именем либо прозвищем отца или деда, а второй компонент личным име-

нем) в функционально-стилистическом отношении относятся к сниженным наименованиям и воспринимаются как “прозвищные” менее почтительные обозначения человека.

Прозвищным именам свойственна идентифицирующая и характеризующая роль. Но степень соответствия прозвища объекту далеко не одинакова. Прозвища могут соответствовать объекту следующим образом:

а) прозвища, соотносящиеся с сопоставляемыми объектами по одному или нескольким признакам: *Артист* – у этого человека имеются артистические данные, он любит шутить; *Аромат Толя* – начал употреблять вместо алкоголя разные лосьоны, настойки; *Кибы* (*кибы* ‘жук, насекомое’) – невысокая, пухленькая девушка, и при ходьбе чем-то напоминает жука; *Мультик* – в детстве мальчик любил смотреть мультфильмы, и сам он очень смешной, веселый мальчик; *Ржавый* – в основе номинации лежит цвет волос; *Хитрик* – лгун, умеет хитрить;

б) прозвища, которые отражают случайную связь с объектом. Такое явление возникает потому, что прозвища обнаруживают сильную развитую способность переходить с одного человека на другого: от матери или отца на сына или дочь, с мужа на жену: *Бадзым туш Одотья* (*бадзым* ‘большой’ + *туш* ‘борода’) – прадед носил большую бороду; *Индоутка* – мужа прозвали *уткой*, а жену – *индоуткой*; *Пани* – женщину называют по прозвищу мужа *Пан*, муж любит приговаривать «Пан или пропол»; *Полтара* – это прозвище перешло от отца к сыну, отец был высоким мужчиной, и друзья его называли полтара человека;

в) прозвища, которые при своем возникновении соответствовали обозначаемому объекту, но потом, вследствие изменения физического облика их носителя, утратили свое соответствие: *Быгыт* (*быгыт* ‘мышцы’) – в молодости мужчина был полным, и прозвище вполне соответствовало ему, но с возрастом он похудел, а прозвище сохранилось по традиции; *Зырымесь Серги* (*зырымесь* ‘сопливый’) – в детстве постоянно плакал; *пуппы* (*пуппы* ‘молодая липа’) – в детстве был худым. Иногда вследствие резкого несоответствия прозвища объекту оно отмирает;

г) прозвища, данные по контрасту: *Академик* – учился плохо, школу не закончил; *Кузь Коли* (*кузь* ‘длинный’) – прозвали мужчину за маленький рост; *Ленин* – учился в спецшколе, умом не отличался; *Малыш* – на самом деле этот человек высокого роста и полного телосложения;

г) прозвища, которые утратили свою этимологию. Признак, ранее содержавшийся в этих прозвищах, стерся. К стиранию признаков приводят передача из поколений в поколение (*Басмач, Бусарик, Тото* и т. д.). Утрате внутреннего содержания способствуют некоторые словообразовательные процессы, свойственные прозвищам. Сюда относятся: сращение слов, затемняющее первоначальный смысл (*Диван* > д + Иван,) и искажение слов (*Перша* < фельдшер, *Манчо Галя* образовано от имени Маня).

Прозвища, в зависимости от характера к обозначаемым им объектам, можно подразделить на индивидуальные и групповые.

1. К **лично-индивидуальным прозвищам** относятся такие, которые указывают на конкретное лицо, на отдельного индивидуума без его отношения к определенной семье. Индивидуальные прозвища сохраняют мотивировку их возникновения и способны заменяться другими на протяжении жизни одного человека. Особенно часто меняются и забываются детские прозвища. Школьные прозвища являются временными. Дети могут с легкостью наградить одноклассника или одноклассницу малоприятными кличками, такими как *Хомяк, Жеребец, Ксюшка-Хрюшка.*

Для появления прозвища нужна какая-то отличительная черта. Обычно это внешность, фамилия, имя, манера поведения или увлечение. Причин для возникновения прозвищ может быть намного больше, какие-то прозвища вообще трудно поддаются логическому анализу, а некоторые появляются после какого-либо всем запомнившегося случая.

2. **Семейно-родовое прозвище** называет не только одно лицо, но и представителей целой семьи, рода, т. е. группы семей, находящихся в родственных отношениях. Некоторые исследователи называют их уличными наименованиями [Куклин 1971: 73; Ширманкина 1976: 52]. Семейно-родовые прозвища более номинативны, чем лично-индивидуальные; и по функции приближаются к фамилиям. Отличительная особенность семейно-родовых прозвищ – передача их, как и фамилий, по наследству от отца к сыну, от деда к внуку и т. п. Процесс возникновения семейных прозвищ на основе лично-индивидуальных наблюдается и в современных условиях: личное прозвище, передаваясь по наследству, превращается в семейное, но редко становится родовым. Сюда относятся *Бисар, Печник, Сапег, Полтара, Огреч, Кочи, Сибырки*.

Вопросы и задания:

1. Как фамилия и прозвище взаимосвязаны друг с другом?
2. Какие признаки могли лежать в основе возникновения фамилий?
3. Объясните происхождение своей фамилии. Назовите прозвища жителей вашей деревни.

ТОПОНИМИКА

Предмет изучения топонимики

Географических объектов на нашей Земле неисчислимое количество. Если взглянуть на географическую карту, она вся усеяна названиями стран, морей, островов, рек, озер, городов, сел. Но на карте представлена только малая часть существующих топонимов. Именами снабжены и очень мелкие объекты: леса, луга, поля, болота, изгибы рек, холмы и ямы,

балки, части сёл и деревень. Эти названия чаще всего не являются данными географических справочников и редко встречаются в письменных документах, их употребление ограничено пределами одного населенного пункта. В каждом селе, в каждой деревне можно зафиксировать десятки таких названий.

Изучением названий географических объектов занимается сравнительно молодая наука – топонимика. Слово *топонимика* образовано от греческих слов: *topos* 'место, местность' и *onoma* 'имя'. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет её топонимию.

Теоретическая топонимика помогает восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области былого распространения языков, географию культурных и экономических центров, торговых путей и т.п. Топонимия служит немаловажным источником для исследования истории языка (истории лексикологии, диалектологии, этимологии и др.), так как некоторые топонимы (особенно гидронимы) устойчиво сохраняют архаизмы и диалектизмы, часто восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории. На основе сравнительного анализа апеллятивной лексики родственных и неродственных народов восстанавливаются значения формантов, исследуются исторические пласты тополексем [Куклин 1996: 87].

Прикладным аспектом топонимики является практическая транскрипция топонимов, устанавливающая их исходное и единообразное написание и передачу на других языках, что важно для картографирования и административного документообразования.

В топонимии любого региона представлены географические названия разного вида и рода. В зависимости от того, какой географический объект обозначают топонимы, они делятся на различные классы: *агоронимы* – названия площадей; *агронимы* – названия земельных наделов, участков, пашен, лугов; *гелонимы* – названия болот, заболоченных мест; *гидронимы* – названия любых водных объектов; *годонимы* – названия улиц, проспектов, переулков, проездов, бульваров и т. д.; *дримонимы* – названия лесных участков, лесов, рощ, подлесков, перелесков; *дромонимы* – названия путей сообщения (наземного, водного, подводного, воздушного); *комонимы* – названия сельских поселений; *лимнонимы* – названия озер, прудов; ойконимы – названия населённых пунктов (городских, сельских) и т. д.

Каждый географический объект, который представляет интерес для человека в его хозяйственной деятельности, получает наименование. Географические онимы находятся во взаимодействии с другими. Любое название оказывает влияние на соседнее, и само находится под влиянием соседних. Поэтому, говоря о географических названиях, необходимо учитывать «топонимический ландшафт в целом, то есть закономерный на данной территории и исторически сложившийся комплекс географических

названий, иными словами – территориальную топонимическую систему, отображающую историко-географические условия территории» [Жучкевич 1980: 65]. В процессе номинации, с одной стороны, языковая реальность дает человеку возможность выбора языковой единицы из возможных синонимических средств для выражения признака объекта. Но, с другой стороны, топонимическая система сама воздействует на язык, и существующие топонимические модели определяют границы возможного выбора [Матвеев 1991: 26, Овчар 1991: 61].

По отношению к моменту появления и закрепления названия в языке различают две разновидности номинации: естественную и искусственную. При искусственной номинации название создается не спонтанно, как при естественной, а насылается какой-либо ведомственной комиссией. Авторитетная комиссия после всестороннего обсуждения (при этом учитываются благозвучность названия, легкость, простота возможных от него словообразований, эмоциональная окраска и воспитательное значение) решает быть новому городу, поселку, улице, совхозу и т. д. названным так-то. Решение оформляется юридически в соответствующих документах [Керт 1976: 19]. Поэтому искусственная номинация характеризуется: 1) наличием ясной целеустановки; 2) направленным учетом свойств объекта; 3) индивидуальностью автора [Григорьева 1983: 71]. Главенствующее значение при искусственной номинации играет общественно-политическое положение в стране. В советское время возникло много названий-мемориалов: города по решению комиссий получили в качестве наименования имена политических деятелей: *Устинов, Сталинград, Ленинград* и др. Многие внутригородские объекты именовались и именуются именами-мемориалами. В последние годы появляются названия рекламного характера. В основе современных названий лежат слова, совершенно не характеризующие объекты: современные названия котеджных посёлков «*Европа*», «*Норвег*», «*Изумрудная долина*», «*Солнечный город*», «*Радуга*»; загородных поселков «*Тихие зори*», «*Рождественский*» и т. д.

Естественно сложившаяся топонимическая система является пёстрой по языковой принадлежности, асинхронной и сложной по своему происхождению. Она состоит из накладывающихся друг на друга топонимических пластов. Поэтому топосистему следует рассматривать в двух аспектах: синхронном и диахроническом. «Описание системы на синхронном уровне даёт возможность судить о функционировании топонимов лишь в определенный период. Диахроническое изучение географических названий предполагает их анализ во времени, во все исторические эпохи прошлого» [Казаева 2001: 7].

Любое географическое название имеет свое смысловое содержание. Народ не называл реку, озеро или селение случайным ничего незначащим сочетанием звуков, в основе каждого топонима лежит нарицательное сло-

во, которое характеризовало топообъект. Когда в поле зрения попадало несколько однотипных объектов, что было неизбежно с выходом за пределы ограниченной территории, то для разграничения приходилось указывать на характерные для каждого объекта особенности. В топонимах отражены те особенности, которые имели существенное значение для жизни и деятельности человека в прошлом [Керт 1976: 26]. С течением времени звуковой облик апеллятива исстирается до неузнаваемости, особенно в том случае, когда название заимствуется другим языком. В некоторых случаях изменяется не только облик топонима, но переосмысляется его значение [Керт 1976: 31]. Человек стремится объяснить непонятное название через прозрачные для него в данный момент лексемы. В итоге появляются народные этимологии. Существует легенда о возникновении названия деревни *Аргурт* (офиц. Ариково) Дебесского района. По рассказам старожилов, деревня раньше была расположена ближе к реке Чепца, но прожив год около реки жители из-за холодов переместились дальше от реки. А в названии сохранили эту для них историческую данность: *ар* ‘год’, *гурт* ‘деревня’.

Географические названия благодаря своей многочисленности и устойчивости являются источником важной информации как для языкознания, так и для других наук, особенно истории и географии. Наиболее существенные сведения можно получить при изучении субстратной топонимии. Субстратная топонимия возникает при ассимиляции одного народа другим. «Изучение субстратной топонимии позволяет заглянуть в далекое прошлое – восстанавливать в определенной степени древние языки, а также историю их носителей, причем ценность топонимических данных становится особенно ощутимой, если языки исчезнувших народов не были засвидетельствованы в памятниках письменности. В этих случаях топонимия является основным источником наших знаний о древних языках, а также историческим свидетельством, позволяющим судить об этнической принадлежности их носителей» [Матвеев 1986: 3].

Удмуртская топонимия, как и любая другая топосистема, характеризуется сложностью своего формирования. Историко-этимологический анализ топонимов позволяет выявить на территории проживания удмуртов географические названия разноязычного происхождения. Наиболее древними являются названия водных объектов [Воробьев 2009: 16]. Гидронимы в топосистеме региона образуют нижний субстратный слой, на который наслаиваются топонимические пласты. Как указывает М. Г. Атаманов [1988: 59; 2010: 329], в топонимии Удмуртии можно выделить прапермский, собственно удмуртский и русский пласты. Кроме того, в географических названиях выявляются и топонимические элементы угорского, самодийского, тюркского и марийского происхождения.

В отличие от лексического этимологического анализа топонимическая этимология, в первую очередь, стремится к установлению топонимического этимона, от которого образован топоним. Довольно трудно определить значение субстратных топонимов, но и установленная семантика субстратов в большинстве случаев условная. Среди топонимических этимологий выделяются две неравные группы: точные, или доказанные, и предположительные, или условные, относящиеся к подавляющему большинству субстратных названий. «Топоним этимологизируется точно в тех случаях, когда значение названия находит подтверждение в свойствах соответствующего географического объекта, иными словами – когда значение подтверждается характером реалии» [Матвеев 1986: 23].

Географические форманты

Из всех топонимических групп, наверное, наибольшее количество загадок таят в себе гидронимы. Они нередко имеют большой возраст, и нелегко восстановить их первичную форму и значение. Топоним может сохранять архаическое звучание слов, но при этом надо учесть, что в окружении языка-родителя топоним изменяется зачастую вместе с ним. При смене языкового окружения либо в результате отрыва от апеллятива название перестает изменяться по законам языка-родителя.

Раскрытие значения имени собственного предполагает поиск такого нарицательного слова, от которого образовано имя собственное. Если смысл не затемнен, эту связь с нарицательным именем легко восстановить. В гидронимии Удмуртии названия мелких речек, ручейков легко расшифровываются, так как онимы близки к апеллятивам, и данные нарицательные слова, лежащие в основе возникновения наименований, находятся в живом употреблении. Названия рек, речек, например: *кесшур* (*кес* < *кӧс* ‘сухой’ + *шур* ‘река, речка’), *чебершур* (*чебер* ‘красивый’ + *шур* ‘река, речка’), *квашур* (*ква* < *куа*, *куала* ‘мольбище’ + *шур* ‘река, речка’), *изошур* (*изо* ‘каменистый’ *шур* ‘река, речка’), *тыловай* (*тыло* ‘подлесок’ + *вай* ‘ветвь, ответвление’) и т. д. являются сложными, состоящими из двух компонентов и легко объяснимы на основе удмуртского языка.

С изменением языкового окружения название может оформляться дополнительными формантами. Исход удмуртских гидронимов на *-ка*: *баӟӟымшурка* (*баӟӟым* ‘большой’ + *шур* ‘река, речка’), *гондырвайка* (*гондыр* ‘медведь’ + *вай* ‘ветвь, ответвление’), – является суффиксальным оформлением, заимствованным из русской гидронимической системы. Как считает О. Н. Трубачев [1968: 87], суффикс *-ка* является единым славянским оформлением названий рек и речек. По мнению Р. А. Агеевой [1985: 9], с уменьшительным суффиксом *-ка* в большинстве случаев обозначаются притоки большой реки.

Принято считать, что наиболее древними по своему происхождению являются названия больших рек. С древнейших времен река играла огромную роль в жизни человека. Водные пути являлись наиболее удобными для передвижения в диких необжитых местах. Река давала один из продуктов питания для населения – рыбу. Кроме того, река служила хорошим ориентиром на местности. Ведь именно в зависимости от расположения относительно реки многие топообъекты получили свои названия.

Названия многих водных объектов образованы от апеллятивов, означающих просто ‘река’, ‘вода’ или ‘источник’. По мере освоения территории человеком апеллятив осложнялся какой-либо атрибутивной частью. С исчезновением апеллятива из живого употребления сложная конструкция теряет свое смысловое содержание и начинает восприниматься как простое по структуре название. Слова, обозначающие реки, детали рек, речки, ручейки, источники, имеют свойство со временем меняться не только в разных языках, но и в диалектах одного языка [Галкин 1987: 20]. В удмуртских названиях рек можно выделить форманты, самостоятельное значение которых можно восстановить на основе данных других финно-угорских языков. Гидроформанты *-ой ~ -уй*, выделяемые в гидронимах, ученые объясняют на материале прибалтийско-финских языков: ср. фин., вепс., эст. *oja* ‘ручей, протока, канава’ [Атаманов 1988: 62; Тараканов 1998: 324]: *Тылойка* (*тыло* ‘подлесок’), *Чумойка* (*чум* ‘клеть’), *Кожой* (*кож* ‘омут’) и т. д. В данном случае первый компонент гидронимов можно объяснить на основе удмуртского языка.

Наиболее трудными и гипотетичными являются названия гидрообъектов, в которых можно выделить частотный формант, но и первый компонент не поддается расшифровке. На географической карте Удмуртии выделяются множество названий рек с исходом на *-с'и, -з'и, -чи, -ӟи*: *варз'и, варажи, воӟӟи, иӟӟи, иччи, кваччи, куз'и, парз'и, пумс'и, с'ийа, с'ӧдӟӟи, с'умс'и, с'урз'и, чуз'и, чупчи* и т. д. Необходимо отметить, что формант *с'и*, в отличие от других *-з'и, -чи, -ӟи*, может встречаться в атрибутивном значении: *с'имашур, с'ива, с'эва, с'ова, с'ийа, с'ишур*. В данных названиях рек гидроформанты *-с'и, -з'и, -чи, -ӟи*, означают, по мнению многих ученых, какой-то водный источник [Атаманов 1987: 113; 1988: 76; Тараканов 1998: 325]. На это указывает и перевод гидронима *Сьӧдӟи* на русский язык как ‘Черный ключ’. Частотные гидроформанты *-с'и, -з'и, -чи, -ӟи* не находят удовлетворительного объяснения на материале удмуртского языка [Атаманов 1987: 114].

Названия того же топонимного ряда можно обнаружить в топонимических системах других финно-угорских языков. В коми-пермяцкой и коми-язьвинской топонимии зафиксированы гидронимические форманты *-з'а, -чим, -с'им* [Аксенова 2008: 49; Мусанов 2009: 15]. Гидроформант *-чим*

встречается и на территории Коми, как указывает А. Г. Мусанов [2009: 9, 10], и считается западно-сибирским заимствованием. В марийской гидронимической системе находим названия речек *Чи, Чий, Поча, Почи* [Воронцова, Галкин 2002: 273, 353]. Кроме того, встречаются несколько гидронимов с компонентом *ши-*: *Шишур, Шиэнгер* [Воронцова, Галкин 2002: 372]. В Пензенской области в районах проживания мордвы отмечено название *Чанчир* (озеро в Лунинском районе, на левом берегу Суры), происхождение которого объясняется на материале мордовского языка: *чейнь* (диал. *чайнь*) ‘болотистый’, *чир* ‘берег’, ‘опушка’ [Полубояров 2003]. В муромском Поочье, в районе бывшего предполагаемого проживания мери, зафиксировано название ручья *Сенька* (возможно происхождение от мордовского корня *сен* ‘заливная ложбина’) [Бейлекчи 2008]. В карельской топонимии встречается гидроним *Суна*, кар. *Sununjoki, Suunund'ogi* [Шилов 1999].

Ареал гидронимов с данным формантом тяготеет к финно-угорскому региону. Довольно близким по фонетической структуре форманту является апеллятив, зафиксированый в эрзянской топонимии: *чей/чäй* ‘болотистое место’ [Казаева 2001: 12]. В финском языке встречается лексема *hete* со значением ‘трясина, зыбун’, ‘ключ, источник’[11]. В топонимии бассейна Казым зафиксированы апеллятивы *sojəm* ‘ручей’, ‘болотистый ручей’ и *šom* ‘протока’, ‘речушка’, ‘болотистое место’ [Дмитриева 2005: 96, 101]. В других хантыйских диалектах встречается лексема *čит* ‘ручей, короткий ручей, ручеек’, ‘источник, глубина, водоворот’ [Дмитриева 2005: 101]. В работе «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)» отмечаются мансийский *sunt* ‘устье реки’ и венгерский *száj, szád* ‘устье реки’, апеллятивы, которые сравниваются с самодийским ненецким *śo* ‘устье реки’ [ОФУЯ 1974: 400].

Приведенные примеры говорят в пользу того, что гидроформанты *-с'и, -з'и, -чи, -ӟи* являются лексемами финно-угорского происхождения. Но на основе лишь внешнего созвучия нельзя отождествлять разноязычные лексемы. Язык народа не является чем-то застывшим, он постоянно изменяется и развивается. Какие-то слова исчезают совсем, какие-то меняют свой смысл. Достоверность интерпретации гидроформанта зависит от учета фонетико-семантической эволюции апеллятивной лексемы во всех исследуемых языках. Как указывает марийский топонимист А. Н. Куклин, «фонетический облик исходной тополексемы можно восстановить лишь на основе приемов внешней и внутренней реконструкции» [Куклин 2008: 6].

Оперируя данными финно-угорских языков, попытаемся восстановить фонетический облик исходной тополексемы. В родственных языках зву-

[11] «*Heittekkölähteen, lähteen* merkitys on sanolla *hete*» [Kiviniemi 1990: 73]

ковое расхождение слов является не хаотичным и беспорядочным, а закономерным процессом. При закономерном звуковом соответствии определенному звуку одного языка в других родственных языках соответствует тоже определенный звук. В финно-угорском языке-основе не было звонких согласных, поэтому звонкие варианты гидроформантов *-з‘и, -ӟи* и коми *-з′а* возникли позднее. Согласно закону звуковых соответствий тополексемы *-с′и, -чи* восходят к различным архетипам.

Финно-угорский анлаутный фрикативный **ś* в неизменном виде сохранился в пермских и мордовских языках. В марийском языке фрикативному **ś* отвечает *š*, в финском, венгерском и хантыйском находим звуковое соответствие *s*. В мансийском языке сибилянту **ś соответствуют звуки *s* или *š*.

Первоначальное качество аффрикаты **č′* в начале слова сохранилось в пермских языках и марийском языке. В мордовских языках финно-угорской аффрикате соответствует *č′* или *s′*, в венгерском – *č′*, мансийском – *s* или *s′*, в хантыйском, вероятно, *č′*. В финском языке звуковым соответствием данной аффрикаты является *s*, но в некоторых случаях может выступать *h*. Если предположить, что форманты *-с′и, -чи* в прошлом имели самостоятельное значение, то в анлауте, скорее всего, два согласных звука.

Гласные в процессе развития претерпели большие изменения. Иногда трудно утверждать о наличии того или иного гласного в фонетическом облике исходной лексемы. Но все же некоторые звуковые соответствия установить возможно. В рассматриваемых топоформах пермских языков и марийском имеем узкий гласный *i*, в эрзянском – *е* или *ä*, финском – *е*, в угорских языках – *и, о, á*. Наличие лабиализованных в угорских языках предполагает присутствие в данной форме огубленного гласного, возможно, **ӥ*. В пермских и марийских языках лабиальный гласный звук мог терять свою огубленность: удм. *сӥ* ‘слой’, к. *сi* ‘волокно’, мар. *ший* ‘годичный слой древесины’, фин. *syy* ‘волокно’ [КЭСК, 257]. В марийском языке **ӥ* мог и сохраняться. В марийской топонимической системе зафиксированы названия *Шӱӓнгыр*, *Шӱвылак* (хотя считается, что в данных гидронимах гласный звук *ӱ* более позднего происхождения) [Воронцова, Галкин 2002: 385].

Качество согласных звуков в середине слова претерпело значительные изменения по сравнению с анлаутом. Согласные инлаута находились в самых различных фонетических условиях: в интервокальном, соседстве с другими согласными. Смежные звуки оказывали влияние на качество согласного, вследствие чего произошли изменения различного характера. С отпадением конечных гласных инлаутный согласный оказывался в ауслауте. В соответствующих удмуртскому форманту *-чи* тополексемах в ауслауте мы видим согласные звуки *м* (в коми топонимии), *й* (в мари и мордовской топонимии). Данные звуки в современных языках мог дать финно-угорский носовой согласный **ŋ*. Звук **ŋ* в удмуртском языке в за-

висимости от фонетического положения переходит в разные носовые согласные или исчезает. Вероятно, конечный согласный рассматриваемого топоформанта исчез. Но в интервокальной позиции назальный *η* мог сохраниться в виде *м*. В удмуртской топонимии часто встречаются названия небольших рек *Чемошур, Чимошур.* Возможно, в данных названиях мы имеем более древнюю форму топоформанта *-чи*. В финском языке финно-угорскому **η* соответствует *v*. Для обозначения глубоких мест в реке, омутов в финской топонимии употребляются апеллятивы *syvä, syvänne, syväys* [Kiviniemi 1990: 78].

В финской топонимической системе встречается семантически близкий к рассматриваемым гидроформантам апеллятив *hete*, который является производным, образованным при помощи суффикса *-e*, основа которого в чтстом виде не сохранилась[12]. В этом слове наблюдается чередование *tt ~ t*. Гемината *tt* могла образоваться в результате ассимиляции сочетания согласных **ηt*.

Исходя их этого, возможным архетипом тополексемы *-чи* является топографический апеллятив фу. **č′eηt′e*, который мог означать ‘родник в болотистой местности’, ‘болотистый ручей’. Лексему **č′eηt′e* финно-угорского происхождения можно соотнести с удмуртским топоформантом *-чи, чим* (*Чимошур*), к. *чим*, мар. *чи, чий* (названия рек), морд. *чей*/*чäй* ‘болотистое место’, фин. *hete* со значением ‘трясина, зыбун’, ‘ключ, источник’, хант. *šom* ‘протока’, ‘речушка’, ‘болотистое место’, в диалектах *čит* ‘ручей, короткий ручей, ручеек’, ‘источник, глубина, водоворот’.

Опираясь на приемы и методы сравнительно-исторического языкознания, можно восстановить архетип удмуртского топоформанта *с′и* как фу. **s′ïηe,* восходящий к финно-угорскому апеллятиву со значением ‘ручей’, ‘протока’, который соотносится с к. *с′им*, мар. *ши-* (*Шишур, Шиэнгер*), морд. *Синалейка, Сингалей, Сенька,* фин. *syvä, syvänne* ‘омут’, манс. *sunt* ‘устье реки’ и венг. *száj, szád* ‘устье реки’. Если соотнести с нен. *сё* ‘протока, река’, то, возможно, лексема является уральского происхождения. Анализируя факты этнической истории, А. Н. Куклин предполагает, что гидролексема *си*/*с′и* является импульсом «продвижения части самодийских племен из районов урало-сибирской общности в западном направлении, в частности к Уралу и далее в Волго-Камье» [Куклин 1995: 93].

Близкими по фонетической структуре к гидроформантам *-с′и* и *-чи* в топонимии Удмуртии являются топоформант *-са*/*-со* и его звонкий вариант *-за*/*-зо*: *Покса, Сада, Нюлса, Лоза ~ Лозо, Саля, Сюрсовай*.

В гидрониме *Лоза* И. В. Тараканов [1998: 324] выделяет формант *-за* и связывает его с нен. *сё* ‘протока’, манс. *шош* ‘ручей’. Гидроформант *-за*

[12] «Vartalo ei ole säilynyt itsenäisenä lekseenmina eikä myöskään muissa johdoksissa» [Hakulinen 1979: 102; Häkkinen 2002: 67].

является звонким вариантом гидроформанта *-са,* который восходит к древнеуральскому слову *са* (*со, су*) или *сав* (*сов, сув*) ‘проточная вода, река, ручей, проток’ [Галкин 1987: 9]. Возможный архетип фу. **sawe* ‘проточная река’. Анлаутный финно-угорский **s* в неизменном виде сохранился в финском, мордовских и пермских языках. В марийском из фу. **s* развился *š*, в хантыйском – *l*, *t* или *j*, в мансийском – *t*: фу. **sōne*: удм., к. *сӧн*, мар. *шен*, *шӧн*, *шӱн*, морд. *сан*, фин. *suoni*, саам. *suodnâ*, *suonâ*, хант. *Лán*, *tón*, манс. *tān*, венг. *ín*. Инлаутный **w* в пермских языках не сохраняется, в марийском языке билабиальный согласный переходит в *j*, в виде губно-губного сохраняется в хантыйском и мансийском, в остальных языках вместо билабиального появляется губно-зубной *v*.

Существование гидронима в виде самостоятельного образования *Шай*, [Воронцова, Галкин 2002: 358] и присутствие названий рек и речек с компонентом *ша* в марийской топонимии: *Шаэҥер*, *Ӧрша* [Воронцова, Галкин 2002: 253, 363] свидетельствуют о генезисе рассматриваемого гидроформанта *-са*. Гидронимические параллели в мордовской топонимии – *Исса* (пр. приток *Мокши*) [Полубояров 2003], в карельской – *Суна*, кар. *Sununjoki, Suunund'ogi* [Шилов 1998] и наличие на территории проживания ханты номенклатурного термина *Лаw* ‘заводь’ [Мурзаев 1974: 117] подтверждают, что гидроформант *-са*, встречающийся в удмуртской топонимии, является лексемой финно-угорского происхождения.

К гидронимам с затемненной семантикой можно отнести названия с формантами *-та, -да*: *Ита*, *Илта*, *Пыхта*, *Зуда*, *Сада*, *Сунда, Юнда*. По мнению И. В. Тараканова [1998: 324] и И. С. Галкина [1987: 18], гидроформант *-та* восходит к самостоятельному общеуральскому слову *to* ‘озеро, пруд, проточное озеро’. По А. И. Туркину [1981: 44], элемент *-та* является суффиксом. Ареал распространения форманта *-то* довольно большой. Как указывает Э. М. Мурзаев, гидроформант встречается в составе удмуртских, коми, ненецких, хантыйских названий [Мурзаев 1974: 112]. С. Ухов предполагает, «что язык создателей гидронимов на *-да* близок к балтийскому типу, но не балтийский. Не исключено, что ятвяги представляли собой лишь осколок некогда многочисленного племени, ко времени летописания принявшие балтийский язык. На это указывают обособленность гидронимов на *-да* от основных типов балтийских гидронимов, а также этнические особенности ятвягов, отличавшие их от других балтов. В дальнейшем, видимо, создатели гидронимов на *-да* большей частью ославянились, обрусели, как ославянилась и большая часть собственно ятвягов (другая их часть вошла в состав литвы)» [Ухов 2008]. По мнению А. Л. Шилова, в карельских гидронимах типа *Волгуда, Тунгуда, Ламбуда, Чумбуда* формант *-да* может отражать прибалтийско-финское уменьшительное *-ut* или саамский суффикс отыменных существительных *-vudt*, который выступает в основном топонимообразовании [Шилов 1999].

В мари топонимии есть названия рек *Ида*, *Сенда* (мар. *Сенде*) [Воронцова, Галкин 2002: 74, 301]. Встречаются названия с формантом *-та*: *Купта* [Воронцова, Галкин 2002: 158]. Локализация гидронимов с исходом *-та, -да* на обширной территории говорит о существовавшей некогда географической лексемы. В подтверждение этому в топонимической системе бассейна реки Казым можно найти апеллятив *tĭj* ‘вершина’, ‘верховье реки’, ‘исток’ [Дмитриева 2005: 136]. Финский апеллятив *toe* ‘высушенное русло’ [Kiviniemi 1990: 66], возможно, является производным, образованным при помощи суффикса *-*k*. Возможный архетип форманта *-та* будет фу. **täke* ‘верховье реки’. Звонкий вариант *-да*, как нам кажется, образовался позднее или был привнесен в топонимическую систему каким-то другим народом.

Большинство названий с исходом на *-ым*: *итым, йырым, кестым, палым, тортым,* представляют собой обозначения гидрообъектов и по происхождению являются угорскими [Атаманов 1988: 79; Матвеев 1970: 119; Тараканов 1998: 325]. Учитывая широкий ареал распространения названий на *-ым, -им*, А. К. Матвеев утверждает, что данный формант является финским [1970: 119]. М. Т. Муминов предполагает, что *-ым, -им* – это финно-угорский элемент [Муминов 1971: 281]. С. Ухов сомневается в том, что формант является финно-угорским, так как, по его словам, «в большинстве современных финно-угорских языков такого апеллятива нет, как нет и форманта *-ым*», «принадлежало ли оно предкам нынешних финно-угров или исчезнувшему народу с особым финно-угорским языком, остается пока неясным»[Ухов 2008].

А. С. Кривощекова-Гантман считает, что этот формант является деформированным в фонетическом отношении вариантом форманта *-ма* ‘земля’ [Кривощекова-Гантман 1971: 227]. А. К. Матвеев утверждает, что «формант *-ым, -им* имеет очень мало шансов быть географическим термином» [Матвеев 1970: 118]. По М. Г. Атаманову, формант употреблялся в самостоятельном значении ‘река’, или ‘ручей’, на что «указывает название реки – Ум, сохранившее мансийскую огласовку топоформанта *-ым*» [Атаманов 1988: 79]. Опираясь на данные коми топонимии, М. Д. Игнатов приводит мысль об общепермском происхождении формантов *-ым, -им:* «… географические понятия, как ‘устье’, ‘залив’, ‘рот’ (в смысле ‘вход в реку’) могли обозначаться общепермскими словами *ом, им, ум, ым*, которые у русских в устной передаче и на письме зачастую принимали искаженную форму *им*, иногда с добавлением русского суффикса» [Игнатов 2006].

Наличие названий рек с данным формантом в марийской топонимии *Визым*, *Има* (*Ийма*) [Воронцова, Галкин 2002: 54, 91] дают основания считать формант лексическим элементом более раннего происхождения.

На территории проживания удмуртов заслуживает внимания определенный круг речных названий с исходом на *-ма*: *Медьма, Пажмашур, Симашур, Тюма, Сизьма, Лекма, Лемма, Бухма, Вахма, Кырчма, Визирма, Тыжма, Тойма, Шурма*. В названиях встречается формант с огубленной огласовкой *-мо*: *Тушмо*, *Шушмо*. Атрибутивная часть некоторых гидронимов вполне объяснима на материале удмуртского языка: *Лекма* (< *лек* ‘злой’), *Шурма* (< *шур* ‘река, речка’), *Шушмо* (< *шуш* ‘некрасивый’). Ареал распространения данного топоформанта достаточно велик, «охватывает огромную территорию лесной полосы Восточной Европы» [Атаманов 2010: 337]. Существует несколько точек зрения о генезисе гидронимического элемента: «1) *ма-* оставлен каким-то Волго-Окским населением еще до прихода финно-угров; 2) это следы пребывания на этой территории древних угров; 3) тунгусо-маньчжурский субстрат. И действительно, в тунгусо-маньчжурских языках имеется слово для обозначения воды: ср. ороч., эвенк., эвен. *му* , маньчж. *мукэ* , ульч. *муэ*, и формант *ма* первоначально действительно обозначал реку, ибо он, как правило, связан с названиями рек. Задолго до н.э. уральские племена до разделения на самодийские и финно-угорские, скорее всего, имели тесный контакт с тунгусо-маньчжурскими племенами. Поэтому, естественно, в уральские языки могли проникнуть некоторые слова тунгусо-маньчжурских языков. Такая лексика после разделения уральских племен и их языков на самодийские и финно-угорские больше сохранялась в восточных районах» [Воронцова 2005].

В удмуртской гидронимии имеется топоформант *-иж* ~ *-ыж* (*-ыш*), который по предположению М. Г. Атаманова [1988: 78; 2010: 339] употреблялся в качестве самостоятельного слова для обозначения водного источника, ср. мокш. диал. *эши*, саам. *aškas*, *asskes* ’колодец’. Встречается в составе следующих гидронимов и отгидронимных ойконимов: р. *Иж*, рч. *Варыж*, рч. *Бугрыш*, рч. *Вениж*, рч. *Бемыж*. В коми топонимии тот же формант выступает в названиях рек *Ижма*, *Ижва*. Марийское название *Ӱшӱт* (оф. *Юшут*) И. С. Галкин сравнивает с манс. *уш* (*ош*) ‘огороженное место, запруда’ [Воронцова, Галкин 2002: 345].

Близким к вышеназванному топоформанту является формант *-мыж* ~ *-мыш*. Встречается в гидронимах *Юмыж*, *Ямыш*, *Чурмыш*, *Малмыж*, *Новый Кармыж*, *Старый Кармыж*. М. Г. Атаманов [2010: 338] считает возможным связь данного форманта с диалектным словом *мыж*: *мыж инты* ‘дурное, плохое, нечистое место’. Но, если предположить, что *мыж* обозначает ‘дурное, плохое, нечистое’, то, учитывая структуру удмуртского топонима, лексема должна быть в качестве атрибута. В названиях топоформант *-мыж* выступает в качестве детерминанта, а не атрибута.

Интересным с точки зрения функционирования является топоформант *-па* ~ *-по* ~ *-ба*. Данный топоформнт может выступать как в качестве де-

терминанта, так и в роли атрибута: *Вушпо, Дырпа, Шарпа, Бачумово, Башур, Пашур, Пашур-Вишур*. М. Г. Атаманов [2010: 341] отмечает, что большинство компонентов, сочетающихся с данным формантом, восходит к удмуртскому источнику.

Этимологические разыскания дают возможность расшифровывать семантику гидронимов, хотя эта задача трудная и кропотливая. Гидроним, порвав связь с апеллятивом, видоизменяется, и порой трудно найти соответствующую лексему, или же апеллятив с течением времени утрачивается, а тополексема сохраняется лишь в названии. Наименования рек в силу своего древнего возраста позволяют иногда восстанавливать слова, вышедшие из современного употребления.

Апеллятивная лексика

Строительным материалом для топонимов является апеллятивная лексика. В ономастической литературе данные номены называются поразному: местными или народными географическими терминами, географическими терминами, географическими номенклатурными терминами или словами, географическими номенами, индикаторами, топонимическими терминами, географическими апеллятивами, топонимическими детерминативами [Кириллова 1992: 84].

Состав апеллятивной лексики зависит от степени разнообразия рельефа местности. Территория Удмуртии представляет собой всхолмленную равнину. Следует отметить, что разница между максимальными и минимальными высотами не очень значительна. Природный ландшафт представлен тремя возвышенностями. *Верхне-Камская возвышенность*, занимающая почти всю северную половину Удмуртии, рассечена многими долинами небольших рек, впадающих в Чепцу. На юго-востоке республики *Сарапульская возвышенность* круто обрывается к реке *Кама*, за которой простирается обширная низменность. На юго-западе раскинулись всхолмления *Можгинской возвышенности*, полого спускающейся к реке Вятка. Этот природный ландшафт и определяет наличие огромного количества наименований топообъектов с апеллятивами *нюк* ‘лог, овраг’, *шур* ‘река, речка’, *ошмес* ‘родник’, *выр* ‘холм, возвышенность’, *гурезь* ‘гора’.

Для удмуртской топонимической системы характерна интенсивность использования апеллятивов в структуре наименования. Апеллятивы – это основа наименований, которые определяют смысловое содержание топонимов. В отличие от *термина*, который предполагает выделение определенного обозначения понятия, значение слова *апеллятив* включает лексемы, употребляющиеся метафорически и отражающие различные семантические сдвиги, допускающие многозначность и выборочность лексических основ и признаков, например: лексема *мӧля* ‘грудь’ в микротопонимии выступает в значении ‘склон горы’, или лексема *тубон* ‘подъём’ со

значением ‘дорога, ведущая в гору’ в микротопонимии не являются географическими терминами, но обе лексемы – это апеллятивы.

Апеллятив может выступать в сложных образованиях в качестве детерминанта, в качестве атрибута и в самостоятельном употреблении в простых топонимах. Апеллятивы, выступаюшие в качестве детерминантов, чаще всего прямо указывают на род или вид географического объекта. Это является характерной особенностью не только для удмуртской, но других финно-угорских, тюркских, монгольских и других агглютинативных языков. При помощи апеллятивов-детерминантов образуются простые и сложные по структуре наименования. Простые топонимы, возникшие благодаря онимизации апеллятива, составляют незначительную группу. В агглютинативных языках в топонимии наблюдается тенденция формирования сложных названий [Казаева 2005: 8].

Несмотря на разнообразие названий географических объектов, в роли апеллятивов-детерминантов выступает ограниченное количество лексем. Так, в микротопонимии Верхней Чепцы насчитывается 284 лексемы [Самарова 1999: 56], бассейна Валы – около 290 апеллятивов [Кириллова 1992: 256–263], бассейна Кильмези – 185 единиц [Кириллова 2002: 512–517]. В ойконимии Севера Удмуртии Е. А. Сундукова обнаружила 86 единиц [Сундукова 2011б: 58]. Статистические подсчеты в вепсской топонимии выявили более 150 детерминантов [Муллонен 1994: 43], карельской – около 150 [Мамонтова 1982: 171–173], финской – около 200 [Kiviniemi 1990: 54]. Основная масса детерминантов – это лексика, обозначающая географические реалии. Поэтому выбор лексем зависит от особенностей ландшафта местности. Одни выступают во многих комбинациях, другие являются раритетными, т. е выявляются в единичных образованиях. Частота встречаемости каждой лексемы разнообразна.

По характеру описываемой реалии апеллятивную лексику можно представить в виде следующих семантических групп: гидрографические, орографические, геоботанические, ойкографические, локативные, экономико-географические апеллятивы (агрографические, дримографические, производственные, апеллятивы, отражающие верования и социальные отношения) и метафорические апеллятивы.

К **гидрографическим** апеллятивам относятся лексемы, указывающие на водные объекты. В микротопонимии Удмуртии частотным гидрографическим апеллятивом является термин *шур* ‘река, речка’. Лексемой *шур* обозначаются как большие реки (*Кам шур*, *Ватка шур*), так и малые речки, ручейки, а иногда и родники. В среднечепецком регионе для обозначения реалии ‘река’ используется лексема русского происхождения *рэка*. Апеллятив *шур* в данном регионе функционирует в основном для обозначения лога с небольшим ручейком [Карпова 2002: 222]. Кроме того, для обозначения речки часто используется также апеллятив *ӧр ~ ӧрэк* со зна-

чением ‘русло реки’. Менее распространенной лексемой, используемом в значении ‘река’, является апеллятив *ву* ‘вода’. В число раритетных лексем входят апеллятивы, обозначавшие в прошлом водный источник, но сохранившиеся в настоящее время лишь в названиях отдельных гидрографических объектов: *йу* (ср.: к. *ю* ‘река’, ‘река с омутом’), *л'ук* (ср.: ф. *joki* ‘река’), *кам* (ср.: ф. *kymi* ‘река’, ‘течение’) [Атаманов 1988: 132–149].

В формировании удмуртских названий гидрографических объектов часто используется лексема *ошмэс ~ оӵмэс* ‘родник’. Кроме общего родового термина, в микротопонимической системе можно найти и видовые апеллятивы. Для юго-западной части Удмуртии для обозначения родника, используются лексемы *пӧз'ис' ~ пӧз'он* ‘кипун’, *кырос ~ кырэм* ‘размытый, прорытый’, *корсо ~ карсо ~ корос* ‘источник с опалубкой’, *кипун*. В микротопонимии Верхней Чепцы для обозначения данной реалии зафиксированы апеллятивы *былат ~ вылат* ‘родник, ключ’, *кл'уч*.

Наименования, в зависимости от значимости гидрообъекта в хозяйственном отношении, могут получать и отдельные участки рек. К детализирующим апеллятивам относятся лексемы *вож* ‘устье реки’, *ус'он* ‘устье (реки)’ *вай* ‘ответвление, приток’, *шурчал'ды* ‘ответвление, приток’, *шурйыл* ‘верховье, исток реки’. В удмуртской микротопонимии довольно часто используется слово *кож ~ кожӟ* ‘излучина реки’. В число раритетных из апеллятивов, называющих детали гидрореалий, можно отнести лексемы *калым* ‘залив в реке или в озере’, *с'ум* ‘затон, залив, омут’, *йэр* ‘водоворот, пучина, глубокое место в реке’. К этой же группе отнесем русские апеллятивы, которые закрепились в названиях гидрообъектов, и являются не интегрированными лексемами: *намо·фка* ‘намывная коса’, *промо·ина* ‘новый рукав реки, промытый паводком’, *зал'ив, о·мут*.

Для обозначения естественного водоема использованы слова *ты* ‘озеро’, *вупукон* ‘лужа’ и русские апеллятивы *ста·рица, о·з'эро.* Искусственные водоемы в названиях обозначаются чаще всего заимствованием из русского языка *пруд ~ пуруд ~ пурыд*, реже лексемами *тымэт*, *ӵыпэт*. К числу апеллятивов, называющих искусственные водоемы, можно отнести *пышты* ‘мочище’, т. е. водоём, сделанный или приспособленный для мочки конопли и льна.

Для обозначения колодца в удмуртской микротопонимической системе использованы заимствованные апеллятивы: из русского языка – *колочча ~ колд'эч ~ колоцца ~ колод'эц, погрэт,* из тюркских языков – *кыйву, кыйгу, куйы,* а также исконно-удмуртские лексемы *вугы, гуӟӟэм* ‘вырытый’.

Для обозначения заболоченной местности чаще всего используются апеллятивы *н'ур, н'урвыл, болота ~ болото*, реже *ардо*, *зыбын, кад ~ куд, лол, нӧд, сырйас'*. В микротопонимии бассейна Валы со значением ‘сырое, болотистое место’ зафиксирована лексема *кам* [Кириллова 1992: 88].

Орографическая терминология распределяется на две большие группы в зависимости от их указания на возвышенный или низинный рельеф местности. Для обозначения возвышенного рельефа чаще всего в удмуртской микротопонимии используется географический термин *гурэз′* ‘гора’. На территории Удмуртии довольно часто в качестве названия возвышенного рельефа местности употребляется апеллятив *чэткэр ~ чэккэр*. Мнения ученых разделяются при решении вопроса, что обозначает данный апеллятив. Одни относят эту лексему к антропонимам, другие считают данный апеллятив географичским термином, обозначающим ‘гору, возвышенность’. По данным различных топонимических и диалектологических экспедиций, совершенных авторами данного издания, апеллятив *чэткэр* встречается чаще всего в названиях достаточно высоких гор, покрытых хвойным лесом.

Более низкая горная реалия обозначается терминами *выр, вырйыл, мувыр* ‘холм, возвышенность, пригорок’. По своей структуре *вырйыл* является сложным словом, образованным из компонентов *выр* и *йыл* ‘вершина, верховье’. Во внутренней структуре данного слова произошел семантический сдвиг ‘вершина холма’ => ‘возвышенность, холм’. Апеллятив *мувыр* является также сложным образованием, состоящим из компонентов *му* ‘земля, суша’ и *выр.* К числу редких апеллятивов относятся *чагыл* ‘холм, возвышенность’, *л′ог* ‘бугор’, *муӵ ~ муӵко* ‘кочка, кочковатая местность’, *мукабан* ‘бугор, холм, возвышенность’. Лексема *мукабан* является сложным словом, состоящим из компонентов *му* ‘земля, суша’ и *кабан* ‘стог’. Русские географические термины *гора*, *горка*, *курган*, *увал, угор* выступают в качестве единичных названий, образованных преимущественно путем омонимизации апеллятива.

Среди терминов, указывающих на детали географических объектов положительного рельефа, выделяются апеллятивы, указывающие на верхнюю часть горы. Для обозначения вершины горы, возвышенности чаще используется слово *гурэзӥыл ~ гурэзӧйыл ~ гурэзӧзыл* (*гурэз′ ~ гурэзӧ* ‘гора’, *йыл ~ зыл* ‘вершина, верхушка’), реже *мувырйыл* (*мувыр* ‘холм, возвышенность, пригорок’, *йыл* ‘вершина, верхушка’).

В микротопонимии выделяются апеллятивы, указывающие на склон горы, возвышенности, *бамал ~ банал* ‘склон горы’, *гуждор* ‘лужайка, проталина’, *кособок, косогор*. Наиболее употребительным является апеллятив *гуждор*. Лексемы русского происхождения являются редкими и используются лишь в самостоятельном топонимическом значении.

К числу апеллятивов, характеризующих положительные формы рельефа, относятся термины со значением ‘обрывистый берег, яр’ удмуртская лексема *йар*, и лексема русского происхождения *бэ·рэг*. Близким по зна-

чению к вышеназванным апеллятивам являетя географический термин *шормуӵ* ‘остров’ (*шор* ‘средний’ и *муӵ* ‘кочка’).

Наибольшей продуктивностью для обозначения низинного рельефа в микротопонимии Удмуртии обладают апеллятивы *н′ук* ‘лог, балка’, овраг’, *гоп* ‘лог, ложбина, лощина, яма, ямка, углубление’, *гу* ‘яма, котлован’, ‘логовище, логово’, *н′ож ~ н′ожал* ‘низина, лощина’, *лайыг ~ лайык* ‘ложбина, отлогое место; низина’. В формировании достаточно большого количества названий топообъектов отрицательного рельефа используется и русская лексема *лог* со значением ‘балка, овраг на равнине, заросший растительностью’. Не интегрированная лексема *лог* в удмуртской микротопонимии употребляется в качестве детерминанта в составных названиях, заимствованных на топонимическом уровне. В микротопонимии бассейна Валы зафиксирован апеллятив *нырко* в значении ‘рытвина, ухаб’.

Для обозначения оврагов, промоин в микротопонимии используются апеллятивы *кырэм* ‘овраг, промоина’, *уркырэм* ‘ров, овраг, водомоина’, *кӳачӵкам* ‘лог, овраг’. В некоторых случаях лексема *кырэм* используется в значении ‘ключ, родник, источник’.

К числу лексем, называющих детали реалий, относятся *чал′ды ~ чал′ди* ‘ответвление’, *н′укйыл* ‘верховье лога’, оврага, *н′уквай* ‘ответвление лога’, *н′укныр* ‘начало лога, оврага’, *н′укныръйыл* ‘начало верховья оврага’.

Равнины, ровные места в удмуртской микротопонимии представлены апеллятивами *ӵочам ~ ӵошам, ӵошкыт, ӵочал ~ ӵошал ~ ӵошаӳ.*

Геоботанические апеллятивы обозначают разные виды леса, указывают на флору местности. К частотным геоботаническим апеллятивам можно отнести термины: *с′ик* ‘смешанный лес небольших размеров, лес’, ‘подлесок, лес’, *йаг ~ л′аг* ‘лес, бор, хвойный лес’, *тэл′* ‘хвойный лес’, *н′улэс* ‘большой лес, дремучий лес, тайга’. Первоначальное значение лексемы *н′улэс*, по-видимому, было ‘пихтовый лес’. Семантическое содержание данного слова расширилось ‘пихтовый лес’ => ‘лес, большой, дремучий лес’. Для обозначения лесного ландшафта в микротопонимии употребляется также русская лексема *л′эс*. Со значением ‘хвойный лес’ в микротопонимии Кильмези и Верхней Чепцы употребляется также апеллятив *волок*. В данном случае также наблюдается семантический сдвиг значения лексемы *волок* ‘дорога, идущая по лесу’ => ‘лес’.

Незначительные лесные массивы обозначаются удмуртскими лексемами *бӧмыр* ‘подлесок’, *тыло* ‘подлесок, роща’, *ӵашка* ‘чаща, заросли молодого хвойного леса’, *варсэм* ‘лесная чаща, чащоба; урема’, *ӵашка ~ чашка* ‘чаща, заросли молодого хвойного леса; мелкий лес, мелколесье’. У северных удмуртов в значении ‘заросли молодого хвойного леса, чащоба’ используется и апеллятив *тэл′*. Единичный и неосвоенный русский апеллятив *прил′э·сок* выступает в самостоятельном топонимическом значении.

Лексемы *сурд ~ сурдо* ‘березняк, березовая роща’, ‘роща (лиственная), лес’, *арама* ‘лиственная роща’ и *рошша ~ роща* употребляются для обозначения лиственных лесов. К данной группе близким по значению является апеллятив *кўак* ‘кустарник’, ‘мелкая поросль но берегам рек’.

В определенную группу объединяются апеллятивы, указывающие на вид произрастающих деревьев в лесном массиве. Данные апеллятивы представлены в географических названиях: *бэрйо·зофка, бэрэзнʹик, йэ·лʹнʹик, малʹи·нʹнʹик, соснʹак ~ со·сʹэнка, осʹи·нʹнʹик, дубрава, вэрэснʹик*. В удмуртской микротопонимии в качестве детерминанта могут выступать лексемы, обозначающие виды деревьев. Необходимо отметить, что семантическое содержание лексем *бадʹ ~ батʹпу* ‘ива’, *бэризʹ ~ бэриӟ* ‘липа’, *кыз* ‘ель’ *кычпу ~ кысʹпу* ‘береза’, *лʹӧмпу* ‘черемуха’, *нʹылпу* ‘пихта’, *пужым ~ пужум* ‘сосна’, *сʹирпу* ‘вяз’ может быть различным: они могут обозначать как одиноко стоящее дерево, так и небольшой лесной массив, мелколесье.

Государственные лесные массивы называли *казна, статʹтʹа ~ статʹйа*. С изменением семантического значения слова ‘принадлежащий государству’ => ‘лес, принадлежащий государству’, лексемы в микротопонимии стали использоваться со значением ‘государственный лес’. В микротопонимии бассейна Валы со значением ‘лес’ зафиксирована лексема *йаг.* Искусственные посадки в микротопонимии обозначаются русскими апеллятивами *посатка, рад, сад, парк, питомнʹик ~ питовнʹик*.

К детализирующим апеллятивам относятся лексемы *полуква·ртал, квартал ~ партал, загоротка, оддʹэл,* зафиксированные в микротопонимии также в качестве географических наименований топообъектов. Для называния лесных полян использованы апеллятивы *кучӧос ~ кӧос* ‘лужайка, полянка среди леса’, *куш, кыр, полʹа·на ~ полʹа·нка*.

В качестве детерминантов в удмуртских микротопонимах могут выступать **локативные** апеллятивы, т. е. слова с пространственным значением. Географические названия, образованные с помощью локативных апеллятивов, указывают на расположение малых объектов в зависимости от более значительных в хозяйственном отношении топообъектов. Среди слов с пространственным значением в роли апеллятивов чаще выступают лексемы со значением бинарной оппозиции ‘верх’ – ‘низ’, ‘верхняя сторона’ – ‘нижняя сторона’, ‘начало’ – ‘конец’: *выл – ул, выли – ули, вэрх – нʹиз, выллапал ~ ваннапал – уллапал, вэрши·на – конʹэц, йыл – пум*. Большинство микротопонимов со значением бинарной оппозиции ‘верх’ – ‘низ’ указывают на расположение топообъектов относительно течения рек. Поскольку поселения располагались у водных источников, то и ориентиром при назывании других объектов служили реки.

В отношении бинарной оппозиции находятся также апеллятивы *тапал* ‘эта сторона (реки, лога)’ – *тупал* ‘заречье, заречная сторона’. Со значени-

ем ‘заречье, заречная сторона’ в удмуртской микротопонимии употребляется также русская лексема *за·рэка.*

В роли апеллятивов-детерминантов выступают лексемы, являющиеся в современном удмуртском языке в большинстве случаев основами пространственных послелогов. Наиболее распространенными являются апеллятивы: *пал* ‘сторона, участок, уголок’, *с′ӧр ~ с′эр* ‘местность за чем-либо’, *бэр* ‘мэсто за чем-либо’, *шор* ‘середина’. Менее употребительны апеллятивы: *борд* ‘объект возле чего-либо’, *дин′* ‘местность около чего-либо’, *дор* ‘местность около, возле чего-либо’, *дур* ‘край чего-либо’, *вис* ‘находящийся между чем-либо’, ‘переулок’, ‘межа, граница’, *кусып* ‘промежуток’.

Ойкографические апеллятивы участвуют в образовании названий населенных пунктов. К ним относятся лексемы, обозначающие понятия ‘деревня’, ‘населенный пункт’. В удмуртской ойконимии к таковым можно отнести апеллятивы: *гурт* ‘деревня’, *починка* ‘починок’, *кар* ‘городище’, ‘населенный пункт’, в современном значении ‘город’, *гуӵин* ‘селище, место прежнего селения’, *вужгурт* ‘старая деревня’, *выл′гурт* ‘новая деревня’, *кутор ~ хутор* ‘хутор’, *выс′элок ~ выс′элка, пос′олок ~ пос′олка, с′эло, погоста*.

К детализирующим апеллятивам можно отнести *колтома ~ колтума ~ колтыма* ‘отдельная, находящаяся в стороне от центра часть деревни, села, города’, *кон′эц* ‘окраина, конец улицы, деревни’, *пум* ‘конец, край деревни’, *ул′ча* ‘улица’, *урам* ‘улица’, *цэнтыр* ‘центр’, вис ‘переулок’, *пролка ~ пэрэулок, площад′.*

Экономико-географические апеллятивы подразделяются на несколько подгрупп: агрографические, т. е. лексемы, связанные с сельскохозяйственной деятельностью; дримографические, т. е. апеллятивы, обозначающие пути сообщения; производственные апеллятивы, указывающие на производственные объекты.

К агрографическим апеллятивам относятся лексемы, обозначающие участки пахотной и сенокосной земли: *ана ~ аӈа* ‘полоса, участок земли’, *бусы* ‘поле’, *му* ‘земля, полоса пахотной земли’, *музйэм* ‘земля, участок земли’, *луд* ‘поле’, *воз′ ~ воӟ* ‘луг, покос’, *выл′выл* ‘целина’, *портос* ‘участок, сенокос’, *над′эл* < рус. надел, *нарэска* < рус. нарезка; слова, обозначающие расчищенные под пашню участки земли: *вал′эс ~ вӧл′и ~ вӧл′ы ~ вӧл′* ‘расчищенный под пашню или под покос участок земли’, ‘подсека в лесу’, *сайкос* ‘росчисть, выкорчеванный, очищенный от пней и хвороста участок земли’, *тыло* ‘расчищенный из-под леса путем выжигания участок земли’; апеллятивы, обозначающие границы земельных угодий: *бис′мэн* ‘граница, межа, отделяющая угодья двух населённых пунктов’, *вис* ‘межа, граница’, *борд* ‘изгородь на границе земельных участков’, *бур* ‘межа, борозда’, *мэжа ~ мэӝа* < рус. межа, *гран′* < рус. граница; лексемы,

обозначающие участки земли, предназначенные для выпаса скота: *кэн'эр* ‘загороженный участок для скота’, *загон* < рус. загон, *выгон* < рус. выгон, *поскот'ина ~ поскотн'а* < рус. поскотина, *тарла ~ тарлаў* ‘пастбище, загороженное место для скота’. В роли апеллятивов в эллиптированных названиях выступают отглагольные существительные: *гырэм* (< гырыны ‘пахать, вспахать’), *киз'он* (< кизьыны ‘сеять, посеять’), *турнан* (< турнаны ‘косить’).

Дримографические апеллятивы обозначают пути и средства передвижения. К ним относятся лексемы *с'урэс* ‘дорога’, *виз'урка* ‘тропинка’, *волок* ‘дорога в лесу’, *проход, трак* ‘тракт’, *магистрал'* < рус. магистраль, *чугынс'урэс* ‘железная дорога’, *пойэзс'урэс* ‘железная дорога’, *л'ин'н'а ~ л'ин'йа* ‘железная дорога’, *пудэнс'урэс ~ пыдынс'урэс* ‘тропинка’, *падвож* ‘поворот’, *поворот* < рус. поворот. Для обозначения мостов используются лексемы *басма* ‘мостик (в виде перекинутого бревна), пара жердей, доски’, *выж ~ выӝ* ‘мост’. С терминообразующим значением могут выступать отглагольные существительные: *вас'кон* ‘спуск’, *выжон* ‘мост’, *выжан ~ выӝан* ‘место перехода через реку, речку’, *кожон* ‘поворот’, *мынон* ‘дорога’, *тубон* ‘подъём’.

Производственные апеллятивы обозначают различного рода сооружения, здания, постройки. К данной группе относятся лексемы, обозначающие объекты, сооруженные человеком в ходе трудовой деятельности: *вуко* ‘мельница’, *гид* ‘хлев, задворье, загон для скота’, *бэрка* ‘маленькая кладовая позали хлева’, *чум* ‘клеть для одежды’, ‘шалаш для временного укрытия’, *магаз'эй ~ магаӟэй* ‘общественный хлебный амбар, склад’, *завод, кантора*, < рус. контора, *кэбит* ‘кузница’, *итым* ‘гумно, ток’, *калан'чи* ‘каланча, высокая наблюдательная башня над зданиемпожарной команды’, *кэбит* ‘кузница’, *кэнос* ‘склад’, *пышты* ‘водоём для замачивания конопли и льна’. К этой же группе относятся апеллятивы, отражающие занятия человека вне какого-либо специально подготовленного здания, сооружения: *винапöс'тон ~ винапöс'тон'н'и* ‘место, где варили самогон’, *изӝутон* ‘каръер, местность, где добывают камень’, *с'уйпоттон* ‘карьер, местность, где добывают глину или песок’, *тэкитпöс'тон* ‘место, где варили дёготь’*, чöлтон* ‘водоём для замачивания конопли и льна’. Для обозначения пасеки представлен целый ряд апеллятивов: *пас'эка ~ пас'ика, чэл'н'ик, мушкэн'эр* (*муш* ‘пчела’, *кэн'эр* ‘изгородь’), *мушшик* (*муш* ‘пчела’, *шик* < *с'ик* ‘лес’), *мушсад* (*муш* ‘пчела’, *сад* < рус. сад), *мушутор* (< тат. *утор* ‘пасека’).

Апеллятивы социально-культурного характера. К лексемам, обозначающим объекты религиозного и культового характера, относятся: *акташ* ‘мольбище’, *вöс'* ‘моление’, ‘мольбище’, *кўа, кўала* ‘святилище’, *кэрэмэт* ‘мольбище’, *колокол'н'а* < рус. колокольня, *часовн'а* < рус. часовня, *чэрк* < рус. церковь. Очень часто в роли апеллятивов религиозного значе-

ния используются лексемы *рошша, луд* ‘жертвенная роща’. К этой же группе относятся апеллятивы, указывающие на захоронения и места, связанные с обрядами захоронений: *кладбищэ ~ кладбища, могила ~ могило, шай, шайвыл* ‘кладбище’, *куйас'кон ~ куйас'кон'н'и ~ куйас'конинты* ‘ритуальное место, куда выкидывали разную утварь при обряде задабривания умерших родственников’.

Апеллятивы, отражающие отношения социального характера: *бол'н'ица ~ бол'н'ича, базар, мэтпунт* < рус. медпункт, *площатка ~ танцплощӓтка* < рус. танцплощатка, *лафка* ‘магазин’, *памйатн'ик* < рус. памятник, *школа ~ шикола ~ ышкола, клуб* и т. д.

В образовании микротопонимов участвуют **метафорические** апеллятивы. Метафора, перенос значения одного предмета на другой, происходит на основе сходства предметов. Одной из наиболее ярких языковых универсалий является использование обозначений частей тела человека и животных в качестве апеллятивов. «Перенос значений анатомической лексики в географическую терминологию происходит по одним и тем же повторяющимся ассоциациям у разных народов и в разных странах, т. е. здесь имеем дело с набором устойчивых моделей, активно проявляющихся в топонимии» [Шилов 2003: 30]. В роли метафорических апеллятивов в удмуртской микротопонимии выступают лексемы: *бам* ‘щека’ и *бам ~ баӈ* ‘склон горы’, *йыраз′* ‘изголовье’ и *йыраз′ ~ йыраӟ* ‘местность над чем-либо’, *ныр* ‘нос, клюв’ и *ныр* ‘коса, отмель, полуостров’, ‘узкая полоса леса, вдавшаяся клином в какое-либо пространство’, ‘вдавшийся в лесное пространство участок земли’, *мӧл′а* ‘грудь’ и *мӧл′а* ‘склон горы’, *с′ин* ‘глаз’ и *с′ин ~ с′им* ‘озеро’, *сит′ан* ‘зад, задница’ и *сит′ан* ‘пологий лог’, ‘место расположения объекта позади чего-л.’, *йыр* ‘голова’ и *йыр* ‘вершина, исток’, *голофка* < голова и *голо·фка* ‘вершина, исток реки, начало оврага’, *пл′эш* ‘лысый’ и *пл′эш* ‘голое, лишенное растительности место’, *пыд аз′* ‘перед ногами’ и *пыдаз′ ~ пыдаӟ* ‘подножье чего-либо’.

Кроме анатомической лексики, источниками метафор могут служить различные предметы быта (посуда, пища, орудия труда, постройки). В микротопонимии зафиксированы следующие апеллятивы: *бочон, гырк, домбыро, колба, л′ог, погрэт, пурты, чаша, штан′кук, штаны, шан′ги, табан′.* Метафорическая лексика используется для обозначения небольших географических объектов, имеющих четкие контуры.

В удмуртских микротопонимах смысловое содержание несет апеллятив-детерминант. Детерминант, соответствующий роду объекта, является обязательным компонентом удмуртского топонима. Следует отметить, что частота встречаемости апеллятивов различна. Из общего количества лишь третья часть является продуктивной. Частотность употребления той или иной лексемы зависит во многом от ландшафта местности.

Вопросы и задания:

1. Что такое апеллятив?
2. Что обозначают апеллятивы *вӧльы*, *ана*, *лайыг*, *вугал*, *чальды*, *ныр*, *мӧля*?
3. Проанализируйте названия своей родной деревни. Выявите детерминант и атрибут.

Лексико-семантическая классификация топонимов

Существование различных подходов к анализу топонимического материала предполагает наличие разных классификаций. В удмуртской топонимике имеется два подхода к лексико-семантической классификации топонимического материала. Лексика любого языка состоит из двух категорий слов: нарицательных слов и собственных имен. Участие каждой из этих категорий в формировании топонимов различно. С точки зрения участия категории слов в образовании наименований географических объектов, топонимический материал можно подразделить на две большие группы: 1) названия, образованные от апеллятивов; 2) названия, образованные от онимов, или вторичные названия.

С точки зрения указания/неуказания топонимов на хозяйственную деятельность человека, названия подразделяются на следующие группы:

1) топонимы, содержащие физико-географическую характеристику объектов и отражающие животный и растительный мир края;

2) топонимы, связанные с хозяйственной, практической деятельностью человека, с его бытом и общественными отношениями.

Несмотря на разные подходы в классификации топонимов, деление на группы происходит по семантике образующих основ, если название односоставное. Если топоним по структуре двусоставный, то при семантическом анализе учитывается лексическое значение атрибута. Своеобразными являются локативные топонимы, образованные при помощи слов с локальным значением *дур* ‘у’, ‘около’, *с′ӧр* ‘за’, *ул* ‘низ’, *йыл* ‘верх’, *пал* ‘сторона, месность, край, направление’, *кусып* ‘между’: *Медлодур* (*медло* – рчк.), *шурйыл*, *шурул*, *шуркусып* (*шур* ‘рек, речка’, *шурйылнʹук* (*нʹук* ‘лог’). Хотя в составе топонима эти апеллятивы могут употребляться в качестве детерминанта, но все же основное семантическое значение топонима несут лексемы с локальным значением, они определяют расположение географического объекта относительно другого, более значимого для человеческих нужд топообъекта. В зависимости от лексических значений атрибутов географические названия подразделяются на несколько групп.

Названия, отражающие физико-географические особенности местности, флору и фауну

1. Топонимы, в которых отразился ландшафт края. При назывании географического объекта номинатор обращает внимание на физико-

географические особенности местности. Разнообразие ландшафта прежде всего выражается географической терминологией. При наличии в окружающей местности географического объекта в единственном экземпляре его индивидуальность чаще определяется лишь одним географическим термином, т. е. происходит переход географического номена в разряд онима. Но наряду с онимизацией топонимического аппелятива в образовании топонимов принимают участие сложные конструкции, в атрибутивной части которых выступают лексемы, выраженные ландшафтной терминологией. Названия, отражающие рельефно-ландшафтные особенности местности, можно подразделить на несколько групп:

Топонимы, связанные с водными объектами:

а) гидронимы, в основе которых лежит какой-либо гидроформант: *вало ~ вала, ирыˑмка, илта, ита, йушур, киз'аӟи, лоза, оййыˑлка, палыˑмка, пыхта, ува, чупчи*. Названия многих водных объектов образованы от апеллятивов, означающих просто ‘река’ или ‘вода’. По мере освоения территории человеком, данный апеллятив осложнялся атрибутивной частью. С появлением новых народностей на территории сложная конструкция теряла свое смысловое содержание и воспринималась только как название водного объекта;

б) названия, отражающие водные объекты. В топонимообразовании участвуют апеллятивы, обозначающие водные объекты и их реалии: *вугал* ‘ложбина; непропускающая воду почва’, *вукырэм* ‘старица, овраг’, *вупукон* ‘лужа’, *кад* ‘топь, зыбун, трясина’, *кож* ‘излучина реки’, *кырэм* ‘старица, овраг’, *ырок* ‘коса, отмель, полуостров’, *н'ур* ‘болото’, *ошмэс* ‘родник, ручей’, *ӧр* ‘русло реки’, *с'ум* ‘залив, затон’, *ты* ‘озеро’, *шур* ‘ручей, речка, река’, и русские лексемы *болото, кл'учэвой, промоˑина, пэрэвал* ‘пролив между двумя руслами рек’: *болото* бол., *вугал* л., *вупукон* оз., *затон/ты* оз., *кад* оз., *кырэм* овр., *н'ур/воз'* лг., *ошмэс* род., *ӧро/выр* приг., *промоˑина* л., *пэрэвал/н'ук* л., *с'ум* лг., *ты/кож* лг., оз., *шур/гоп* я.

Топонимы, отражающие возвышенный рельеф местности. Возвышенный рельеф представлен географическими номенами: *выр* ‘возвышенность, холм’, *вырйыл* ‘возвышенность, холм’, *гурэз'* ‘гора’, *гурэз'/йыл ~ гурэӟӟыл* ‘вершина горы’, *йар* ‘обрыв, яр’, *л'ог* ‘холм, бугорок’, *мувыр* ‘небольшой холм’, *муӵ* ‘кочка’, *чэккэр ~ чэткэр* ‘гора’, *шормуӵ* ‘остров’, и русскими лексемами *гора, курган*: *вырйыл* взв., *гурэз'/йыл* в.гр., *гурэӟӟыл* д., п., ул., *курган* гр., *л'огйыл* п., *л'огомувыр* д., *мувыр* п, гр., *муӵэс'/тэл'* лс. (*тэл'* ‘лес’), *наго·рнайа* ул., *чэткэр* д., гр., *шормуӵ* о-в.

Топонимы, отражающие низинный рельеф местности. Низинный рельеф местности выражается лексемами *гоп* ‘яма, ложбина’, *гу* ‘яма’, *канава* ‘канава’, *лапкэс* ‘низинный’, *лог* ‘лог’, *намоˑфка* ‘низменный песчаный островок, отмель, коса’, *н'ук* ‘лог’, *уркырэм* ‘ров, овраг, водомоина’,

чал′ды ‘ответвление’, *ӧошал, ӧошам ~ ӧоӵам, ӧошкам* ‘равнина’, *ӧошкыт* ‘ровный’: *гоп* л., *гуо/шур* рчк. (*шур* ‘река, речка’), *лапкэс/н′ур* бол. (*н′ур* ‘болото’), *логова·йа* ул., *намо·фка* п., *н′ук* л., *уркырэм* лг., *чал′ды/гоп* л., *ӧошал* гр., *ӧошам* л., лс., п., *ӧошкам* п., *ӧошкыт/луд* п. (*луд* ‘поле’).

2. Топонимы, содержащие характеристику объектов. Большая часть названий содержит в себе характеристику физико-географических свойств природного объекта. Топонимы характеризуют объект со стороны их размера, формы и протяженности, состава почвы, возраста, цвета и многих других особенностей. В зависимости от того, какие особенности окружающих реалий обозначены в наименованиях, данную группу можно подразделить на такие подгруппы:

По размеру объектов:

а) величина объекта выражена лексемами *баӟӟым ~ баӟӟын ~ буӟӟим* ‘большой’, *зӧк* ‘большой’, *пичи ~ почи ~ пӧчи ~ покчи ~ пэс′и* ‘маленький’, встречаются русские лексемы *бол′шой, мал′эн′кий, малый*: *баӟӟым/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *бол′шой лог* л., *мал′эн′копо·л′э* п., *зӧк/н′ур* бол. (*н′ур* ‘болото’), *зэк/йундъ* д. (< Юнды – название деревни), *покчи/мувыр* взв. (*мувыр* ‘холм, возвышенность’), *пичи/тэл′* лс. (*тэл′* ‘лес’), *почи/шур* рчк. (*шур* ‘река, речка’), *пэс′и/йундъ* д.

Любое название не существует в одиночку, оно, возникая, уже включается в какой-либо ряд. Микротопонимы данной группы находятся в ряду противопоставления пар, или в так называемой “бинарной оппозиции”: *баӟӟым ~ баӟӟын ~ зӧк ~ бол′шой* ‘большой’ – с одной стороны; *пичи ~ почи ~ пӧчи ~ покчи ~ мал′эн′кий* ‘маленький’ – с другой, например: *баӟӟым/-малагпи – пичи/малагпи* д., *баӟӟым/ӟучшур – пичи/ӟучшур* рчк., *баӟӟым/-кӧс′/йыл – пичи/кӧс′/йыл* л. и т. д. В ойконимии антонимическая пара «большой – малый» в большинстве случаев указывает не только на размер, но и на возраст населенного пункта. Населенные пункты с определением «малый» основаны выходцами из одноименных деревень с атрибутом «большой» [Сундукова 2011: 13];

б) глубина объектов выражена противопоставленными друг другу прилагательными *мур* ‘глубокий’ – *лаз′эг ~ лаӟэг, лаз′мэс ~ лаӟмэс* ‘мелкий, неглубокий’, *лапкэс* ‘низкий, приземистый’: *мур/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *лаӟэг/-воӟ* лг. (*воӟ* ‘луг’), *лаз′мэс/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *лапкэс/гоп* л. (*гоп* ‘яма, лог’);

в) протяженность объекта выражается прилагательными *куз′ ~ куӟ ~ куч ~ кӱз′* ‘длинный, долгий’, а также русской лексемой *до·лгий – вакчи* ‘короткий’: *до·лгий мост* м., *куӟ/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *куз′/луд* п. (*луд* ‘поле’), *кӱз′/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *куч/кож* из.р. (*кож* ‘излучина реки’), *вакчи/н′ук* л., *вакчи/ты* оз. (*ты* ‘озеро’);

г) на ширину объекта указывают лексемы *пас′кыт* ‘широкий’ и *широ·кий – с′убэт* ‘узкий’: *пас′кыт/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *пас′кыт/д′эл′анка* дл., *широ·кийэ д′эла* п., *широ·кий лог* л., *с′убэт/н′ур* бол. (*н′ур* ‘болото’);

д) высота объекта в микротопоними указывается лексемами *жужыт* ‘высокий’ и *куз′* ‘длинный’ – *лапэг* ‘низкий’: *жужыт/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *жужыт/гурэз′* гр. (*гурэз′* ‘гора’), *куз′/бэриз′* о.д. (*бэриз′* ‘липа’), *лапэг/йар* лг., б.р. (*йар* ‘берег, яр’).

Возраст географических объектов выражается следующими противопоставленными друг другу лексемами: *вачкала* ‘старый, древний’, *вуж* ‘старый’, *мойы* ‘старый’ – *выл′* ~ *вил′* ‘новый’, *йэгит* ‘молодой, новый’, *пинал* ‘молодой, новый’, *но·вый – ста·рый, выл′выл* ~ *вил′выл* ~ *вил′выў* ‘целина’, *цэл′ина*: *вачкала/с′ибирский/трак* дор., *вил′/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *вуж/вуко* мл. (*вуко* ‘мельница’), *выл′выл* п., *вил′выў* п., *йэгит/йусконой* п., *мойы/йусконой* п. (*йусконой* – значение неизвестно), *но·вый пос′о·лок* ул., *пинал/с′ик* лс. (*с′ик* ‘лес’), *ста·рой/пол′а* п., *цэл′ина/луд* п. (*луд* ‘поле’).

Для характеристики поверхности и почвы топообъекта в топонимической системе использованы апеллятивы: *гыбдам* ‘тлеющий’, *гыбэт* ‘перегной, торф’, *зыбын* ‘трясина’, *из* ~ *изэс′* ‘каменный’, *извэс* ‘известняк’, ‘грязь’, *кöз′* ~ *кöз* ‘галька, галежный’, *кöл′ы* ‘галька, гравий’, *луо* ‘песок, песчаный’, *чарпа* ‘щебень, камень, каменный’, *с′уй* ‘земля, почва‘, ‘глина’, *с′öдс′уй* ‘чернозём’, *тöд′ыс′уй* (белая глина’), *сылал* ‘соль, соленый’, русские лексемы *га·л′эжной, ка·мэнный, пэсок: га·л′эжной борд* ч.р. (*борд* ‘граница, межа’), *гыбдам* п., *гыбэт/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *зыбын* бол., *из/гурэз′* гр. (*гурэз′* ‘гора’), *извэс/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *ка·мэнный лог* л., *кöз′/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *кöл′ывай* руч. (*вай* ‘ответвление’), *луо/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *напэска/вуко* мл. (вуко ‘мельница’), *чарпа/гурэз′* гр. (*гурэз′* ‘гора’), *сылал/ошмэс* род. (ошмэс ‘родник’), *с′öдс′уй/музйэм* п. (*музйэм* ‘земля, участок земли’).

Оппозиции *кöс* ~ *кэс* ‘сухой’, *сухой – кот* ‘мокрый’ указывают на наличие или отсутствие воды. Степень влажности выражается лексемами *вуо* ‘влажный’, *вутэм* ‘сухой’ (букв. ‘без воды’), *дэри* ‘грязь’, *нöд* ‘грязь’, *сырйас′* ‘топкий, зыбкий’ и т.д.: *вуо/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *вутэм/шур* руч. (*шур* ‘река, речка’), *дэри/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *кот/гурт* д. (*гурт* ‘деревня’), *кöс/йаг* лс. (*йаг* ‘сосновый бор’), *нöт/шур* рчк. (*шур* ‘река, речка’), *сырйас′/пышты* вд. (*пышты* ‘водоём для замачивания конопли и льна’).

Для обозначения свойств и особенностей воды использованы следующие лексемы: *быpдач* ‘обледеневший, сильно замерзший’, *визул* < *визыл* ‘струйка’, *кэз′ыт* ~ *кэзыт* ‘холодный’, *куз′ыт* ‘соленый’, *мырк* ‘крутой, обрывистый’, *пож* ‘мутный, грязный’, *пöз′ис′* ‘бурлящий, кипящий’, *т′оро* ‘со струйкой’, *выпад*, *шупыч*: *быpдач* л., п., *визул* род., *выпад* л., род.,

кэз'ыт/ошмэс род. (*ошмэс* ‘родник’), *куз'ыт/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *мырко/шур* рчк. (*шур* ‘река, речка’), *пош/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *пöз'ис'/-ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *т'оро/гоп* л. (*гоп* ‘лог, яма’).

В микротопонимах находят отражение климатические особенности местности и сезонное функционирование объекта, или состояние объекта в зависимости от условий погоды. Данная группа представлена лексемами *лымы/пукон ~ пукон ~ пуктон* ‘заносить, образовать сугробы’, *тöл/вэтлон ~ потан < тöл* ‘ветер’, *вэтлон* ‘хождение’, *потан* ‘выход’, *тол* ‘зима, зимний’, *гужэм* ‘лето, летний’, *сиз'ыл* ‘осень, осенний’: *лымы/пукон* л., *лымы/пуктон/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *пукто/шур* л. (*шур* ‘река, речка’), *тöл/-вэтлон* дор., *тöл/потан* лг., *тол/с'урэс* дор. (*с'урэс* ‘дорога’), *гужэм/с'урэс* дор., *сиз'ыл/вöл'ы* п. (*вöл'ы* ‘делянка’).

На состояние географического объекта указывают лексемы *куштэм* ‘заброшенный’, *кўачкам ~ кўашкам* ‘разрушившийся, развалившийся’, *кынмэм* ‘замерзший’, *сускэм ~ суткэм ~ сутскэм ~ суцкэм* ‘сгоревший’, *с'ил/нуэм* ‘унесенный ураганом’, *чашйэм* ‘пораженный молнией’, *чуштас'кэм ~ чушкам* ‘опаленный’: *куштэм/пруд* пр., *кўачкам* л., *кынмэм/луд* п. (*луд* ‘поле’), *сускэм/тэл'* лс. (*тэл'* ‘лес’), *сутскэм* л., *с'ил'/нуэм* л., *чашйэм/пужым* о.д. (*пужым* ‘сосна’), *чуштас'кэм* п.

На наличие или отсутствие чего-либо указывают названия: *буграйо/ошмэс* род. (*буграйо* ‘со срубом’, *ошмэс* ‘родник’), *дин'тэм* л., лс. (*дин'тэм* ‘без основания’), *дин'/шур* рчк. (*дин'* ‘основание’, *шур* ‘речка’), *н'има/луд* п. (*н'имо* ‘с именем’, *луд* ‘поле’), *н'имтэм/шай* клд. (*н'имтэм* ‘без имени’, *шай* ‘кладбище’), *пэн'/бэрвыл* бол. (*пэн'* ‘пепел, зола’, *бэрвыл* ‘остаток, последствие’).

Форму объекта характеризуют лексемы: *вайо* ‘развилистый, разветвленный, раздвоенный’, *гырккэс ~ гырткэс* ‘дуплистый’, *котрэс* ‘круглый’, *крэсто* ‘перекрещивающийся’, *кунгро* ‘горбатый’, *кўасам* ‘согнутый’, *кырыж* ‘кривой’, *мырк* ‘тупой’, *позырэс* ‘искривленный’, *с'эп* ‘клинообразный’: *вайокыз* о.д. (*кыз* ‘ель’), *гырккэс/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *котырэс/йаг* лс. (*йаг* ‘сосновый бор’), *крэсто/гран'* мж. (*гран'* ‘граница, межа’), *кунгро/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *кўасам* л., *кырыж/кыз* о.д. (*кыз* ‘ель’), *позырэс/кож* ом. (*кож* ‘омут’), *с'эп/н'уўэс* лс. (*н'уўэс* ‘лес’).

Линейность объектов представлена бинарной оппозицией *шон'эр* ‘прямой’ – *читро ~ чутро ~ чутыр* ‘зигзаг’, *читыр-чутыр* ‘с зигзагами, извилистый’, *чикыр* ‘морщина, складка’, кырыж ‘кривой, косой извилистый’: *шон'эр/ул'ча* ул. (*ул'ча* ‘улица’), *чутро/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *чикыр/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *кырыж/тубон* дор. (*тубон* ‘подъём’).

Из цветовых обозначений в микротопонимах наиболее употребительны *горд* ‘красный’ и *с'öд* ‘черный’. В основе номинации данных микротопо-

нимов лежат цветовые особенности почвы или воды. Кроме того, для обозначения цветового признака использованы лексемы *вож* ‘зеленый’, *гордӈуж* ‘оранжевый’, *йугыт* ‘светлый’, *кара* ‘черный, тёмный’, *лыз* ‘синий’, *пурыс′* ‘серый’, *пэймыт* ‘темный’, *тӧд′ы* ‘белый’, *чагыр* ‘голубой’, *ӈуж* ‘желтый’: *вож/йаг* лс. (*йаг* ‘сосновый бор’), *горд/гурэз′* гр. (*гурэз′* ‘гора’), *гордӈуж/тымэт* пр. (*тымэт* ‘пруд’), *йугыт/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *лыз/му/бам* ск.гр. (*му* ‘почва, земля’, *бам* ‘склон’), *пурыс′/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *пэймыт/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *с′ӧд/луд* п. (*луд* ‘поле’), *с′эд/выл* п. (выл ‘поверхность’), *тӧд′ы/выл* п. (*выл* ‘поверхность’), *чагыр/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *ӈуш/кэн′эр* з. (*кэн′эр* ‘ограда, изгородь’).

При разграничении данной группы присутствует некоторая условность, т. к. все названия, содержащие в своем составе цветовой признак, включены в эту группу, в то время как некоторые топообъекты могли получить данные названия по другим признакам. Так, лексема *вож* могла иметь значение ‘молодой’, а микротопонимы, включающие в свой состав лексемы *с′ӧд* и *пэймыт*, могли образоваться с пейоративным значением.

Микротопонимы могут образоваться и с оценочным значением. В основе возникновения оценочных микротопонимов лежит признак пригодности/непригодности топообъекта для хозяйственных нужд человека. В оценочных названиях выражается субъективное отношение номинатора к объекту. Наиболее употребительными для оценки лексемами являются прилагательные, в значении которых содержится оценка. Но, кроме того, используются еще лексемы, которые не предназначены для оценки. Например, в названиях *зарн′и/выр, чэчы/ошмэс* или *л′эн′/н′ан′о* оценка возникает на основе метафорического сравнения:

а) наименования с положительной оценкой. Для характеристики объектов с положительной стороны используются оценочные прилагательные *йам* ‘красивый, прелестный, чудесный’, *ӟэч* ‘хороший’, *чэбэр* ‘красивый’, *шулдыр* ‘веселый; приятный, красивый’, *вэс′о·лый*, а также лексемы *азвэс′* ‘серебряный’, *зарн′и* ‘золотой’, *кан′ыл* ‘легкий’, *капчи* ‘легкий’, *ковэр* ‘ковер’, *пӧс′* ‘горячий’, *чил′вай* ‘блестящий’, *чэчы* ‘мед’, *шуныт* ‘теплый’: *азвэс′/выр* взв., п. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *вэс′о·лой лог* л., *зарн′и/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *ӟэч/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *капчи/луд* п. (*луд* ‘поле’), *ковэр/ул′ча* ул. (*ул′ча* ‘улица’), *пӧс′/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *чил′вай/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *чэбэр/воз′* лг. (*воз′* ‘луг’), *чэчы/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *шулдыр/с′ик* лс. (*с′ик* ‘лес’), *шунът/-гурт* д. (*гурт* ‘деревня’);

б) наименования с отрицательной оценкой. Для отрицательной оценки использованы лексемы *ас′тэм* ‘ленивый’, *жоб* ‘грязный’, *закод* ‘уборная, туалет’, *йырим-чуким* ‘вниз головой’, *кичи-вачи* ‘бедный растительнос-

тью’, *кӧш* ‘невкусный’, *л′эк* ‘сердитый, злой’, *урод* ‘плохой’, *шуз′и* ‘дурной’, *шӧтэм* ‘некрасивый’, *шурмыт* ‘страшный, опасный’: *ас′тэм/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *жоп/шур* рчк. (*шур* ’речка’), *закод/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *йырим-чуким* л., *кичи-вачи/починка* п., *л′эк/ошмэс* л. (*ошмэс* ‘родник’), *л′эн′/н′ан′о* п., *урод/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *шуз′и/воз′* лг. (*воз′* ‘луг’), *шӧтэм/кож* ом. (*кож* ‘омут’), *шурмытло* лг. (< *тыло* ‘подсека в лесу’).

Количественная характеристика объекта представлена числительными *одиг* ‘один’, *кык* ‘два’, *кӱин′* ‘три’, *кӱат′* ‘шесть’, *с′из′ым* ‘семь’, *дас* ‘десять’, *дасодиг* ‘одиннадцать’, *кыз′вит′* ‘двадцать пять’, *кӱамын* ‘тридцать’, *кӱат′тон* ‘шестьдесят’, *с′у* ‘сто’, *с′увит′тон* ‘сто пятьдесят’: *дасодиго* л., лс., *дасо/кыз* о.д. (*кыз* ‘ель’), *кыз′вит′о/с′ик* лс. (*с′ик* ‘лес’), *кӱамын/с′арччы* п. (*с′арччы* ‘репа’), *кӱат′/гурт* д. (*гурт* ‘деревня’), *кӱат′тон* л., *кӱин′/бэриз′* о.д. (*бэриз′* ‘липа’), *одик/пужым* о.д. (*пужым* ‘сосна’), *с′из′ым/ошмэс* (*ошмэс* ‘родник’), *с′у/вит′тон* п.

Количество указывается также лексемами *пал* ‘один из пары, половинчатый, неполный’, *пара* ‘пара’, *трос* ‘много’: *пал/с′ик* лс. (*с′ик* ‘лес’), *пара/бэриӟ* о.д. (*бэриӟ* ‘липа’).

3. Метафорические микротопонимы. Человек, находящийся в центре своего видения картины мира, сравнивает природные объекты с реально представленными предметами, которые окружают его и находятся в поле его зрения. Устанавливая ассоциативные связи между двумя предметами номинатор создает образные микротопонимы. Образцом для сравнения двух предметов, в первую очередь, является сам человек, части его тела и части тела животных: *бабл′а/кыз* о. д. (*бабл′а* ‘кудрявый’, *кыз* ‘ель’), *бышшэм/кочыш* о.д. (*бышшэм* ‘безвостый’, *кочыш* ‘кот’), *валтыбыр* гр., п. (*вал/тыбыр* ‘спина лошади’), *кийонбыж* д. (*кийон/быж* ‘волчий хвост’), *кӧто/гурэз′* гр. (*кӧт* ‘живот’ + *-о* – суффикс обладания, *гурэз′* ‘гора’), *курэг/ныр* п. (*курэг/ныр* ‘клюв курицы’).

В разработке модели ‘дом’ ощущается анатомический подход, т. е. в названиях отражаются части дома, хозяйственная и домашняя утварь. Номинатор видит дом как бы изнутри, в то время как «целостный конкретный образ дома отсутствует, так же как и образ человека» [Рут 1992: 84]:

а) части дома: *гулбэч/н′ук* л. (*гулбэч* ‘подполье’, *н′ук* ‘лог’), *л′ипэто/н′ук* л. (*л′ипэт* ‘крыша’ + *-о* – суффикс обладания, *н′ук* ‘лог’), *погрэд/гоп* л. (< рус. *погреб*, *гоп* ‘лог, яма’);

б) хозяйственная утварь: *бочон/н′ук* л. (< рус. бочонок, *н′ук* ‘лог’), *кол′оса* л. (< рус. колесо), *пал/вайыж* ул. (*пал/вайыж* ‘одинокая оглобля’), *пурты/кож* ом. (*пурты* ‘котел’, *кож* ‘омут’), *тэрки/выр* взв. (*тэрки* ‘тарелка’, выр ‘холм, возвышенность);

в) инструменты и орудия труда: *лопата/луд* п. (< рус. лопата, *луд* ‘поле’), *морда/быж* лг. (*морда* ‘верша’, *быж* ‘хвост’), *кол'оса/н'ук* л., лг. (< рус. колесо, *н'ук* ‘лог’), *пэтак/ты* оз. (< рус. пятак, *ты* ‘озеро’), *укват/шур* рчк. (< рус. ухват, *шур* ‘речка’).

Продукты питания представлены лексемами *колды* ‘каравай’, *кукэй* ‘яйцо’, *курэкпуз* ‘яйцо’, *ныгыл'и* ‘лапша домашнего приготовления’, *шан'ги* ‘шанежка’, *с'укас'* ‘квас’, *табан'* ‘табани’: *колды/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *кукэй/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *курэкпузвыр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *ныгыл'и/шур* рчк. (*шур* ‘речка’), *палаги/шан'ги* п., *с'укас'/-шур* рчк. (*шур* ‘речка’), *табан'* п.

Менее разработана в топонимической системе модель ‘одежда’. Образной универсалией из данной группы можно считать номинации с лексемой *штаны* [Кириллова 1992: 121, Рут 1992: 85]. К данной группе относятся следующие топонимы: *пöз'/вöл'* дл. (*пöз'* ‘рукавицы’, вöл' ‘делянка’), *штан'кук* л., лг. (*штан'кук* ‘штанина’), *штан'и/луд* п. (< рус. штаны, *луд* ‘поле’), *штан'и/гурт* д. (< рус. штаны, *гурт* ‘деревня’).

4. Локативные микротопонимы. Довольно значительное количество названий указывают на расположение объектов относительно других географических реалий. Наиболее продуктивными из локативных микротопонимов являются наименования, указывающие на расположение объектов относительно рек. Топонимы данной группы находятся в ряду противопоставлений пар ‘верхний’ – ‘нижний’, ‘эта сторона реки’ – ‘та сторона реки’:

а) ‘верхние’ и ‘нижние’ топонимы: *выли/с'ик* лс. (*с'ик* ‘лес’), *вылис'/пруд* пр., *выллапал* ул., *вэрх* ч.д., *вэ·рхн'айа поскот'ина* л., *ули/воз'* лг. (*воз'* ‘луг’), *улис'/куш* пол. (*куш* ‘поляна’), *уллапал* ул., *улыс'/мувыр* взв. (*мувыр* ‘холм’);

б) названия, указывающие на расположение на берегу реки, на той или иной стороне реки: *за·рэка* ч.д., *за·рэка/выж* м. (*выж* ‘мост’), *тапал* ч.д., *тапал/пум* ч.д. (*пум* ‘конец’), *тупал* ч.д., *тупал/бусы* п. (*бусы* ‘поле’);

в) микротопонимы, указывающие на расположение в верховье, в междуречье: *вэрши·на* руч., *кусуп/шур* рчк. (*кусуп* ‘между’, *шур* ‘речка’), *шурйыл* руч. (*шурйыл* ‘верховье’), *шурйыл/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’).

Пространственное значение имеют ряд других топонимов, указывающих на расположение объектов относительно других. Отсчет идет уже не от реки, а ориентиром становятся другие объекты.

В зависимости от отношения одного объекта к другому в плоскости, микрообъекты получают названия, включающие в состав лексемы: *вамэн* ‘поперек’, *сопал* ‘та сторона’, *таллан'* ‘в этом направлении’, *шор* ‘средний’, русские лексемы: *срэ·дн'ий, цэ·нтʲр*: *вамэн/кэн'эр* з. (*кэн'эр* ‘ограда, изгородь’), *сопал/пум* ч.д. (*пум* ‘конец’), *срэ·дн'ий лог* л., *таллан'/ул'ча* ул.

(*ул'ча* ‘улица’), *цэнтра·л'ной* ул., *цэ·нт^{ы}р* ч.д., *шор/гурт* ч.д. (*гурт* ‘деревня’), *шор/кож* ом. (*кож* ‘омут’), *шор/починка* ул. (*починка* ‘починок’).

При номинации номинатором может учитываться степень отдаленности одного объекта относительно другого. Степень отдаленности выражается противопоставленными друг другу лексемами *матыс'* ‘близкий’ – *кыд'окыс'* ‘дальний, далекий’, *пыдлос'* ‘из глубины’, *глуби·нка, да·л'н'айа*: *глуби·нка* скл., *да·л'н'айа кул'и·га* , *кыд'окыс'/байко/луд* п. (*байко* – антропоним, *луд* ‘поле’), *матыс'/байко/луд* п., *пыдлос'/луд* п. (*луд* ‘поле’).

В номинации отражается расположение объектов относительно сторон света *уй ~ уйпал* ‘север’, *лум.* ‘южный’: *уй/бам* ск.гр. (*бам* ‘склон горы’), *уйпал* п., *уйпаў/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *лум/вай/н'ук* л. (*вай* ‘ветвь, ответвление‘).

На расположение одинаковых объектов относительно друг друга указывают микротопонимы с порядковыми числительными: *д'эс'атой/д'эл'анка* дл., *кўин'мэти/бакайгурэз'* гр. (*кўин'мэти* ‘третий’, *бакай/гурэз'* – название горы), *кыкэти/бакай/гурэз'* гр. (*кыкэти* ‘второй’), *нырыс'эти/бакай/-гурэз'* гр. (*нырыс'эти* ‘первый’), *пэ·рвой/вöл'* дл. (*вöл'* ‘делянка’), *пэ·рвой/-лог, торой/д'эл'анка* дл. (< рус. второй), *фторой с'ик* лс. (*с'ик* ‘лес’), *посл'э·н'н'ий/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’).

5. Топонимы, указывающие на флору и фауну. В топонимах отражаются сведения о растительном и животном мире рассматриваемой местности. Лесные массивы, лесопосадки и сады представлены следующими лексемами: *бöмыр* ‘небольшой округлый подлесок, последи поля’, *варсэм* ‘лесная чаща, чащоба’, *с'ик* ‘лес’, *йаг* ‘сосновый бор, лес’, *ӵашка* ‘чаща, мелколесье’, *тыло* ‘подлесок, роща’, *н'улэс* ‘лес’, *тэл'* ‘лес’ и лексемами русского происхождения *пито·мн'ик, посатка, прил'э·сок, рошша ~ роща, сад*: *варсэм* пдл., *йаг* лс., *н'улэс* лс., *пито·мн'ик, посатка, прил'э·сок* пдл., *рошша* рщ., *роща* рщ., *сад, с'ик* лс., *тэл'* пдл., *ӵашка* пдл.

Флористические названия указывают на те или иные виды растений. В топонимах находят отражение названия пород деревьев и кустарников, а также наименования видов травянистой растительности:

а) названия, указывающие на породы деревьев. В топонимах представлены такие породы деревьев, как *бад'* ‘ива’, *бад'ар* ‘клен’, *бэриз' ~ бэриӟ* ‘липа’, *йэл'* ‘ель’, *кыс'пу ~ кычпу* ‘береза’, *лулпу* ‘ольха’, *лыстэм/пужым* ‘лиственница’, *л'öмпу* ‘черемуха’, *н'ылпу* ‘пихта’, *н'ыло* ‘ильм’, *палэс'пу* ‘рябина’, *пипу* ‘осина’, *пужым* ‘сосна’, *с'ирпу* ‘вяз’: *бад'/гоп* л. (*гоп* ‘яма, лог’), *бад'ар/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *бэриз'/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *йэ·л'н'ик* лс., *кыс'пу/гурэз'* гр. (*гурэз'* ‘гора’), *лулпу/воз'* лг. (*воз'* ‘луг’), *лыстэм/с'ик* лс. (*с'ик* ‘лес’), *л'öмпу/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *н'ылпу/вырйыл* взв. (*вырйыл* ‘холм’), *н'ыло/турнан* лг. (*турнан* ‘место косьбы’), *ол'хофка,*

палэз′о/вай л. (*вай* ‘ответвление’), *пужум/выр* взв., п. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *сосн′ак* лс., *с′ирпуо/бам* ск.гр. (*бам* ‘склон горы’);

б) названия, указывающие на породы кустарников. В топонимии представлены следующие породы кустарников: *сутэр* ‘смородина’, *шупу* ‘калина’, *эмэз′* ‘малина’: *йурмул′ы/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *мал′и·н′н′ик* дл., *сутэро/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *шупу/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *эмэз′/вöл′ы* дл. (*вöл′ы* ‘делянка’), *эмэз′/д′эл′анка* дл.;

в) названия, указывающие на типы травянистой и микологической растительности: *арöкман/н′ук* л. (*арöкман* ‘лопух’, *н′ук* ‘лог’), *боры/бам* ск.гр. (*боры* ‘клубника’, *бам* ‘склон горы’), *губи/н′ук* л. (*губи* ‘гриб’, *н′ук* ‘лог’), *жӱй/шур* рчк. (*жӱй* ‘мох’, *шур* ‘река, речка’), *камжо/проход* л. (*камжо* ‘камыш, камышевый’), *кирэн′/луд* п. (*кирэн′* ‘хрен’, *луд* ‘поле’), *кон′ыбыжо* л. (*кон′ыбыж* ‘хвощ полевой’ + *-о* – суффикс обладания), *папоротн′ик/н′ук* л. (< рус. папоротник, *н′ук* ‘лог’), *пушн′эр/воз′* лг. (*пушн′эр* ‘крапива’, *воз′* ‘луг’), *сугон/н′ур* бол. (*сугон* ‘гусиный лук’, *н′ур* ‘болото’), *узы/выл* ск.гр. (*узы* ‘земляника’, *выл* ‘поверхность’), *чай/воз′* лг. (*чай* ‘душица’, *воз′* ‘луг’).

В основе топонимов лежат названия представителей животного мира:

а) топонимы, в составе которых присутствуют названия диких животных. В топонимии представлены такие наименования животных, как *бобыр* ‘бобр’, *гондыр* ‘медведь’, *ӟичы* ‘лиса’, *кион* ‘волк’, *кэч* ‘заяц’, *ӧушйал* ‘еж’, *эбэк* ‘лягушка’: *бобыр/пруд* пр., *гондро/бам* ск.гр. (*бам* ‘склон горы’), *ӟичы/пийан* л. (*пийан* < пияны ‘родить’), *кион/вугал* л. (*вугал* ‘лужа’), *кэч/-тэччан* лс. (*тэччан* < тэтчаны ‘прыгать’), *ӧушйал/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *эбэк/пиан* л. (*пийан* < пияны ‘родить’);

б) микротопонимы, в которых в качестве атрибута употребляются названия птиц: *коӵо* ‘сорока’, *кӯака* ‘ворона’, *кырныж* ‘ворон, коршун’, *нуркан* ‘вальдшнеп’, *пöс′кы* ‘стриж, ласточка деревенская’, *с′ул ~ с′улыс* ‘кряква’, *тур* ‘тетерев’, *тури* ‘журавль’, *ӵана* ‘галка’, *ӵöж* ‘утка’, *ыгы* ‘филин, сова’: *коӵо/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *кӯака/кар* взв. (*кар* ‘гнездо’), *кырныж/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *нуркан/выр* взв. (*выр* ‘холм, возвышенность’), *с′улыс/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *тур/пузо* л. (*пуз* ‘яйцо’ + *-о* – суффикс обладания’), *тури/калым* зал. (*калым* ‘залив в реке’), *ӵана/шур* руч. (*шур* ‘река, речка’), *ӵöж/уйан* пр. (*уйан* < *уяны* ‘плавать’), *ыгы/пузан/н′ук* л. (*пузан* < пузаны ‘снести яйцо’, *н′ук* ‘лог’);

в) микротопонимы, в образовании которых участвуют названия рыб: *голоп/кожж* ом. (*голоп* ‘голавль’, *кожж* ‘омут’), *карка/гоп* л. (возможно, < *карака* ‘карась’, *гоп* ‘яма, лог’), *чабак/с′ил′о* пр. (*чабак* ‘плотва’, *с′ил′о* ‘хворост, мелкий валёжник, сучья’);

г) микротопонимы, в которых в качестве определения выступают названия насекомых: *дурин′чи/починка* п. (*дурин′чи* ‘оса’, *починка* ‘почи-

нок’), *луз′/бусы* п. (*луз′* ‘овод’, *бусы* ‘поле’), *л′ӧмтэй/выр* взв. (*л′ӧмтэй* ‘клещ’, *выр* ‘холм, возвышенность’).

При выделении группы топонимов, в составе которых присутствует название животного или птицы, требуется особая осторожность, т. к. многие названия животных выступали в качестве антропооснов, Учитывая даже эту особенность, иногда некоторые названия трудно объяснимы с позиций отражения реального мира. Такие названия, по И. И. Муллонену [1994: 31], “связаны с мифологическими представлениями, с той ролью, которая принадлежала известным представителям животного мира в картине мира местных жителей”.

Названия, отражающие хозяйственную деятельность человека, его быт, общественные отношения

Вторым важным источником возникновения микротопонимов является хозяйственная деятельность человека. В топонимах находят отражение различные виды производственной деятельности, постройки и хозяйственные объекты, пути и средства передвижения, религиозные верования, социальные и этнические отношения, т. е. все то, что связано с материальной и духовной культурой народа.

1. ***Микротопонимы, указывающие на типы и виды поселений.*** На поверхности, сильно изрезанной балочной сетью, не было возможности иметь достаточно пахотной земли на одном месте. Недостаток пахотной земли принуждал к изысканию новых площадей под посевы, к созданию новых населенных пунктов. Процесс интенсивного освоения новых земель под хозяйственные нужды отражался в образовании починков и хуторов. Индустриализация и коллективизация привели к возникновению селений новых типов – поселков.

В топонимии представлены следующие типы поселений: *вужгурт* ‘старая деревня’, *гурт* ‘деревня’, *гуӵин* ‘селище’, *кутор ~ ху·тор* ‘хутор’, *пос′о·лок, починка* ‘починок’: *вужгурт* п., ул., ч.д., *вуж д′эрэв^{й}а·нной пос′о·лок* ч. д., *гуӵин* п., мест., *кутор/луд* п. (*луд* ‘поле’), *пос′о·лок* ул., ч.д., *починка/выж* м. (*выж* ‘мост’), *ху·тор* мест., п.

Встречаются топонимы, в которых присутствуют апеллятивы, обозначающие части населенного пункта. Существующая ныне уличная планировка населенных пунктов установилась в конце XIX в. В северных районах распространены селения с одной улицей, что обусловлено рельефом местности [Шкляев 1993: 119]. Для доступа к водным источникам жителями населенных пунктов используются переулки: *гла·вной/ул′ча* ул. (*ул′ча* ′улица’), *колтома ~ колтума ~ колтыма* ч.д. (*колтыма* ‘отдаленная часть деревни’), *прокод* пер., *пролка/ошмэс* род. (*пролка* ‘переулок‘, *ошмэс* ‘родник’), *пэролка* пер. (*пэролка* ‘пролка’).

2. Микротопонимы, указывающие на занятия населения. В микротопонимии отражаются различные аспекты хозяйственной деятельности человека. Основными отраслями в хозяйстве удмуртов были земледелие и животноводство. В топонимах содержатся сведения о видах домашних животных и птиц, которые имелись в хозяйстве, о местах выпаса скота:

а) микротопонимы, в составе которых встречаются названия домашних животных. Упоминание домашнего животного в составе микротопонима указывает или на место выпаса, или на какое-либо проишествие с животным. Но так или иначе в названии имеется указание на вид животного, которого держали в хозяйстве: *кобла/шур* рчк. (*кобла* < рус. кобыла, *шур* ‘река, речка’), *кун′ан/кэн′эр* з. (*кун′ан* ‘теленок’, *кэн′эр* ‘ограда, изгородь’), *парс′/гоп* л. (*парс′* ‘свинья’, *гоп* ‘яма, лог’), *пороз/луд* п. (*пороз* ‘бык’, *луд* ‘поле’), *скал/выж* м. (*скал* ‘корова’, *выж* ‘мост’), *така/сэрэг* п. (*така* ‘баран’, *сэрэг* ‘угол’), *толэс/н′ук* л. (*толэс* ‘стригунок’, *н′ук* ‘лог’), *чун′ы/шур* рчк. (*чун′ы* ‘жеребенок’, *шур* ‘река, речка’), *ыж/выр* взв. (*ыж* ‘овца’, *выр* ‘холм, возвышенность’);

б) топонимы, в которых в качестве атрибута выступают названия домашних птиц: *атас/чортон* л. (*атас* ‘петух’, *чортон* < чортыны ‘кукарекать’), *ӟаз′эг/н′ук* л. (*ӟаз′эг* ‘гусь’, *н′ук* ‘лог’), *курэг/н′ук* л. (*курэг* ‘курица, *н′ук* ‘лог’), *чипы/с′урэс* тр. (*чипы* ‘цыпленок’, *с′урэс* ‘дорога’);

в) микротопонимы, в которых употребляется лексема *пудо* ‘скот’: *пудо/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *пудо/ул′л′ан* пер. (*ул′л′ан* < улляны ‘гнать’);

г) микротопонимы, в составе которых встречаются апеллятивы, обозначающие участки, предназначенные для выпаса или выгона скота: *выгон/шур* рчк. (*шур* ‘река, речка’), *загоротка* з., *кэн′эро/н′ук* з., л. (*кэн′эр* ‘изгородь, ограда’ + *-о* – суффикс обладания, *н′ук* ‘лог’), *о·пщий поскот′ина* паст., *па·стбищэ* паст., *поскот′ина/пруд* пр., *тарла ~ тарлаӳ* паст. (*тарлаӳ* ‘пастбище, загороженное место для скота’);

д) микротопонимы, обозначающие места захоронения трупов животных: *пудошай* скм., *пудошай/кэн′эр* скм. (*кэн′эр* ‘изгородь, ограда’), *скотомоги·л′н′ик* скм.;

е) топонимы, в которых представлены общие наименования сенокосных угодий: *воз′* лг. (*воз′* ‘луг’), *воз′выл* лг. (*воз′выл* ‘луг, сенокос’), *куш* пол. (*куш* ‘лесная поляна’), *луга* лг., *пол′а·нка/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *турнан/с′ик* лс. (*турнан* ‘сенокос, сенокосный’, *с′ик* ‘лес’);

ж) топонимы, связанные с заготовкой кормов для скота, со скирдованием сена: *кабан/с′ис′мэм* л. (*кабан* ‘скирд, скирда’, *с′ис′мэм* ‘сгнивший’), *кабано/н′ук* л. (*кабан* ‘скирд, скирда’ + *-о* – суффикс обладания, *н′ук* ‘лог’), *куро/н′ук* л. (*куро* ‘солома’, *н′ук* ‘лог’).

В микротопонимии нашли отражение наименования пахотных угодий, характер и способы обработки, названия культурных растений:

а) топонимы, в которых представлены общие наименования пахотных угодий, участков: *бусы/вож* л., п. (*бусы* ‘поле’, *вож* ‘перекрёсток’), *лут/-пум* л. (*луд* ‘поле’, *пум* ‘конец’), *пар/бусы* п. (*пар/бусы* ‘паровое поле’), *по·л'ко* п., *кул'ту·рной* п., *о·пытной/бусы* п., *дкп* (< долголетнее культурное пастбище);

б) топонимы, в которых представлены названия культурных видов растений: *йыды/мувыр* взв., п. (*йыды* ‘ячмень’, *мувыр* ‘возвышенность’), *ӟэг/луд* п. (*ӟэг* ‘рожь’, *луд* ‘поле’), *кл'эвэр/бусы* п. (*кл'эвер* < рус. клевер, *бусы* ‘поле’), *кубиста/луд* п. (*кубиста* < рус. капуста, луд ‘поле’), *кукуруз/бэрвыл* п. (< рус. кукуруза, *бэрвыл* ‘последствие, остаток’), *кушмано/с'ик* лс. (*кушман* ‘корнеплод’, *с'ик* ‘лес’), *огрэч/н'ук* л. (< рус. огурец, *н'ук* ‘лог’), *с'арччы/починка* п., л. (< *с'арччы* ‘репа’, *починка* ‘починок’);

в) топонимы, в которых отразился характер обработки земли. Подсечно-огневая обработка земли, существовавшая длительное время, способствовала возникновению разных апеллятивов подсеки: *кул'ига* п., *пал'ба* п., *пал'ука* п., *потс'ика* п., *потс'ика/гурэӟ* гр. (*гурэӟ* ‘гора’), *роскорчо·фка* п., *росчиска* п., *рос'с'иска* п., *ӵушко/воз'* лг. (*ӵушко* < ӵушкам ‘опаленный’);

г) об образе и способе обработки земельных угодий говорят следующие микротопонимы: *ас'сэ кожэ выр* п. (*ас'сэ кожэ* ‘сами по себе, одни’, *выр* ‘холм, возвышеность’), *дэмэн/вӧл'* п. (*дэмэн* ‘вместе’, *вӧл'* ‘делянка’), *лушкэм/бусы* п. (*лушкэм* ‘тайно’, *бусы* ‘поле’), *урччэ/н'ук* лг. (*урччэ* ‘вместе’, *н'ук* ‘лог’);

Топонимы свидетельствуют о добывании строительных материалов и топлива. Для строительных целей использовались такие природные материалы как *горт/с'уй* ‘глина’, *из* ‘камень’, *кӧл'ы* ‘гравий’, *луо* ‘песок’, *тӧд'ы/с'уй* ‘белая глина, каолин’: *гортс'уй/кукчан* взв. (*гортс'уй* ‘глина’, *кукчан* < кукчаны ‘клевать, копать’), *из/ӝутон* гр. (*из* ‘камень’, *ӝутон* < ӝутыны ‘поднимать’), *карйэр* кр., *кӧл'ы/ворттон* кр. (*кӧл'ы* ‘галька’, *ворттон* < ворттыны ‘возить’), *луо/поттон* кр. (*луо* ‘песок’, *поттон* ‘добыча’), *тӧд'ыс'уй/бас'тон* л. (*тӧд'ыс'уй* ‘белая глина’, *бас'тон* < басьтыны ‘брать’).

Лен и конопля, которые подвергались длительной обработке посредством замачивания, использовались для выработки тканей; луб замачивался для изготовления мочалок. Микротопонимы данной группы представлены лексемами *бун* ‘мочало’, *пыш* ‘конопля’, *пышты* ‘водоем для замачивания конопли и льна’: *бун/пруд* пр., *бун/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *пышты* вд., *пышты/кож* ом. (*кож* ‘омут’), *пыш/чӧлтон/гу* я. (*чӧлтон* < чӧлтыны ‘замачивать’, *гу* ‘яма’).

Обилие лесов способствовало развитию таких промыслов, как смолокурение, добывание дегтя и подготовка древесного угля. На эти виды за-

нятий указывают топонимы: *поварн'а* род. (< рус. ‘место, где летом варят пищу на открытом воздухе’; ‘место, где гнали самогон’), *с'ир/пöс'тон/с'ик* лс. (*с'ир* ‘смола’, *пöс'тон* < пöсьтыны ‘варить’, *с'ик* ‘лес’), *тэкит/гу* я. (*тэкит* ‘деготь’, *гу* ‘яма’), *тэкит/сутон'/н'ук* л. (*тэкит* ‘деготь’, *сутон* < ‘сжигание’, *н'ук* ‘лог’), *эгыр/выр* взв. (*эгыр* ‘древесный уголь’, *выр* ‘холм, возвышенность’), *гудрон/пöс'тон'/н'ук* л. (*пöс'тон* < пöсьтыны ‘варить’, *н'ук* ‘лог’).

Одним из древнейших и любимых занятий было пчеловодство. С данным видом занятий связаны названия: *апо/мушкыр* пас. (< Афанасий, *мушкыр* ‘пасека’), *муш/воз'он* пас. (*муш* ‘пчела’, *воз'он* < возьыны ‘держать’), *пас'ика* пас., *пас'эг/гоп* пас. (*гоп* ‘ложбина, лог’), *пас'эка* пас., *пас'эка/корка* пас. (*корка* ‘дом’), *прокчэл'н'ик* (< Прокл, < рус. пчельник), *удмурт/мушбакча* (*удмурт* ‘удмуртский’, *мушбакча* ‘пасека’), *пукл'о/ошэм/-кыз* (*пукл'о* ‘колода (для пчел)’, < *ошыны* ‘повесить’, *кыз* ‘ель’).

Рыболовство, как один из видов занятий жителей, в топонимии представлено следующими лексемами: *визнан* ‘ужение, удочка’, *чорыган* ‘рыбалка’, *чорыг ~ чэрыг* ‘рыба’, и русским прилагательным *ры·бный*: *визан/кож* ом. (*кож* ‘омут’), *ры·бный пруд* пр., *чорык/сад* пр., *чэрык/ӵыпэт* пр. (*ӵыпэт* ‘пруд’).

Заготовка дров, сплав леса в меньшей степени отражаются в микротопонимии. С точки зрения номинатора, более важными становятся другие признаки. К данной группе можно отнести названия *бурлак/гурэз'* (< рус. бурлак – название горы связано, по мнению жителей близлежащих деревень, со сплавом леса), *вы·рупка* дл. (< рус. вырубка), *корам* дл. (*корам* ‘вырубка’), *мэрттэм/кыз* о.д. (*мэрттэм* ‘посаженный’, *кыз* ‘ель’), *пу/выр* взв. (*пу* ‘дрова’, *выр* ‘холм, возвышенность’).

Еще один вид деятельности, который находит отражение в микротопонимии, – это изготовление вина: *вина/н'ук* л. (*вина* < рус. вино, *н'ук* ‘лог’), *вина/пöс'тон/ошмэс* род., л. (*вина* < рус. вино, *пöс'тон* < пöсьтыны ‘варить’, *ошмэс* ‘родник’), *кабак/ошмэс* род. (< рус. кабак, *ошмэс* ‘родник’), *каба·цкий/лог* л., *майал/гоп* л. (*майал* ‘закваска’, *гоп* ‘ложбина, лог’), *мусы·рка* (*мусур* ‘медовуха; самогон’ + *-ка* – суффикс).

Важным признаком при номинации микротопонимов является назначение объекта: *вышка* вш. (< рус. вышка), *гырлы/жугон* гр. (*гырлы* ‘колокол’, *жугон* < жугыны ‘бить, ударять’), *йэгит/пылас'кон* ч.р. (*йэгит* ‘молодой, молодежь’, *пылас'кон* ‘купание’), *калан'чи* гр., п. (< рус. каланча), *карнан/вэтлон* тр. (*карнан* ‘коромысло’, *вэтлон* ‘хождение’), *мис'тас'кон/-кож* из.р. (*мис'тас'кон* ‘стирка, мытье’, *кож* ‘омут’), *плас'кон/инты* ч.р. (*плас'кон* ‘купание’, *инты* ‘место’), *пожа·рной/колочча* кол., *пыран-потан* лс. (*пыран-потан* ‘вход-выход’).

3. Микротопонимы, в которых представлены названия различных объектов хозяйственного назначения, путей и средств передвижения и сообщения. Атрибутом в микротопонимах могли служить названия созданных человеком производственных и жилищно-коммунальных строений. В топонимической системе эти искусственные топографические объекты были хорошим ориентиром.

а) производственные объекты: *аэродром* п., *вуко/с'урэс* дор. (*вуко* ‘мельница’, *с'урэс* ‘дорога’), *завот/тэл'* лс. (*тэл'* ‘лес, чащоба’), *комбинат/с'ик* лс. (*с'ик* ‘лес’), *кузн'ица/выж* м. (выж ‘мост), *кэбит/пруд* пр. (*кэбит* ‘кузница’), *кэнсы/воз'* лг. (*кэнсы* ‘склад’, *воз'* ‘луг’), *маслобойка/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *магаз'эй* скл. (*магаз'эй* ‘общественный хлебный амбар’), *н'эфт'эбаза/пруд* пр., *сушилка/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *тӧлвуко* гр. (*тӧлвуко* ‘ветряная мельница’), *фэрма/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’);

б) жилищно-хозяйственные объекты: *балаган/луд* п. (*луд* ‘поле’), *колдэч* кол., *колочча* кол. (*колдэч ~ колочча* < рус. колодец), *корка/сэрэг* лс., п. (*корка* ‘дом’, *сэрэг* ‘угол’), *л'эсн'ик/корка* дл. (*л'эсн'ик/корка* ‘дом лесника’), *мун'чо/вӧл'* дл. (*мун'чо* ‘баня’, *вӧл'* ‘делянка’), *сарай/кож* ом. (*кож* ‘омут’), *тылсо/волок* лс., дор. (*тылсо* ‘шалаш’), *чумо/ошмэс* род. (*чум* ‘клеть, амбар’ + *-о* – суффикс обладания, *ошмэс* ‘родник’);

в) административные и культурно-хозяйственные объекты: *д'эддом/-н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *клуп/проулок* пер., *контора/азбар* дв. (*азбар* ‘двор’), *магаз'ин/ул'ча* ул. (*ул'ча* ‘улица’), *правл'эн'йа/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *школа/с'урэс* дор. (*с'урэс* ‘дорога’), *шко·л'ной пос'о·лок* ч.д.;

г) микротопонимы, указывающие на место захоронения умерших: *бра·тской/могила* клд, *кладбищэ* клд., *могила ~ могило* клд., *шайвыл* клд. (*шайвыл* ‘кладбище’), *шайкэн'эр* клд. (*шайкэн'эр* ‘кладбище’), *шайо/выр* клд., взв. (< *шай* ‘кладбище’ + *-о* – суффикс обладания, *выр* ‘холм’).

Названия дорог несут информацию о средствах передвижения, о различных видах путей сообщения:

а) микротопонимы, указывающие на различные виды дорог: *асвал'т/-с'урэс* дор. (*с'урэс* ‘дорога’), *волок* дор., *л'эжн'о·фка* дор., *магистрал'* дор., *поворот/сэрэг* п. (*сэрэг* ‘угол’), *прос'эк* прос., *трак* дор., *тра·ктовой* ул., *тубон* дор. (*тубон* ‘подъем в гору’);

б) микротопонимы, указывающие на средства передвижения: *валэн/-с'урэс* дор. (*валэн* ‘на лошади’, *с'урэс* ‘дорога’), *пыдын/с'урэс* тр. (*пыдын/-с'урэс* ‘тропа’), *пыжын/потан* ч.р. (*пыж* ‘лодка’, *потан* ‘выход’);

в) микротопонимы, в которых отразились временные виды дорог: *гужэм/вэтлон* дор. (*гужэм* ‘лето’, *вэтлон* < ветлыны ‘ходить’), *тол/вас'кан* дор. (*тол* ‘зима’, *вас'кан* ‘спуск’), *тол/вэтлон* дор. (*тол* ‘зима’, *вэтлон* < ветлыны ‘ходить’);

г) названия, в которых указываются мосты и места перехода через реку или речку: *басма* м. (*басма* ‘перекинутое бревно через речку’), *пэрэвоз/-выж* м. (*выж* ‘мост’), *пэрэход* бр., *мувыжо/гурэз′/борд* м. (*мувыж* ‘ступеньки для спуска к воде на берегу’, *гурэз′* ‘гора’)[Кириллова 1992: 140].

4. Микротопонимы, отражающие религиозные верования, обычаи и обряды. Религиозные воззрения, как область духовной жизни народа, также находят отражение в топонимии. Почти в каждой деревне можно найти *кӧа ~ кӧала* ‘святилище’. Кроме того, довольно большое количество названий связано с аграрным культом. В микроторонимии каждой деревни сохранились названия лугов, речек, где проводились традиционные моления с жертвоприношениями скота и птицы» [Волкова 1995: 303]:

а) названия, указывающие на места мольбищ, представлены лексемами *быӟӟым ~ быччым* ‘великий’, *вӄс′ас′кон* ‘моление’, *кӧа ~ кӧала* ‘святилище, молельня’: *быӟӟым/кӧа* млб., *быччым/кӧа* млб., *вӧс′ас′кон/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *вӧс′ас′кон/кыз* о.д. (*кыз* ‘ель’), *вӧс′ас′кон/пужым* о.д. (*пужым* ‘сосна’), *кӧала/вӧс′* млб., *кӧа/сур* л. (*сур* ‘вино, медовуха’);

б) микротопонимы, в которых указываются названия богов и божеств удмуртов: *акташ* л., *инмар/куш* пол. (*куш* ‘поляна’), *кэрэмэт* млб., *кэрэмэт/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’);

в) микротопонимы, указывающие на предмет жертвоприношений: *ӟаз′эк/с′ион* л. (*ӟаз′эк* ‘гусь’, *с′ион* < сиыны ‘есть’), *кэч/вӧс′ан* л. (*кэч* ‘коза’, *вӧс′ан* ‘жертвоприношение’), *така/ошмэс* род. (*така* ‘баран’, *ошмэс* ‘родник’), *чун′ы/с′ион/кыз/ул* о.д. (*чун′ы* ‘жеребенок’, *с′ион* < сиыны ‘есть’, *кыз* ‘ель’, *ул* ‘под’), *ӵӧш/с′ион* л. (*ӵӧж* ‘утка’, *с′ион* < сиыны ‘есть’), *ыж/вӧс′ан/н′ук* л. (*ыж* ‘овца’, *вӧс′ан* ‘жертвоприношение’, *н′ук* ‘лог’).

Микротопонимы, отражающие традиционные календарные праздники и связанные с ними обряды:

а) микротопонимы, связанные с проведением старинных календарных праздников: *гуждор* млб. (*гуждор* ‘проталина’, ‘весенний праздник (перед Пасхой)’), *йэ/кэл′ан* л., п. (*йэ* ‘лед’, *кэл′ан* ‘проводы’), *кырӟан/гурэз* гр. (*кырӟан* ‘песня’, *гурэз* ‘гора’), *н′искылан/гурэз′* гр. (*н′искылан* ‘катание’, *гурэз′* ‘гора’);

б) микротопонимы, указывающие на места проведения современных праздников, на места сборищ молодежи: *кырӟан/тэл′* игр. (*кырӟан* ‘песня’, *тэл′* ‘лес’), *пло·шшад′ ~ пло·щад′* мест., *площатка* мест., *пэ·рвый май* ул., *танцплоща·тка* мест., *шудон кыс′пу* о.д. (*шудон* ‘игра’, *кыс′пу* ‘береза’).

Микротопонимы, в которых нашли отражение семейные обряды:

а) названия, связанные с погребальным обрядом и поминовением усопших: *йыбырскон/н′ук* л. (*йыбырскон* ‘поминание умерших’, *н′ук* ‘лог’), *копар/куйан* л. (*копар* ‘ковш’, *куйан* < куяны ‘кидать, бросать’), *куйас′кон/гу*

л. (*куйас'кон* < куяськыны ‘кидать, бросать’, *гу* ‘яма’), *лы/куйан* л. (*лы* ‘кость’, *куйан* < куяны ‘кидать, бросать’), *шэл'эп/куйан* л. (*шэл'эп* ‘щепки’);

б) названия, связанные с проводами гостей: *куно/кэл'ан/кыз* о.д. (*куно* ‘гость’, *кэл'ан* ‘проводы’, *кыз* ‘ель’).

Топонимы, в которых нашли отражение названия христианских культовых сооружений: *часовн'а*, *чэрк/ул'ча* ул. (*ул'ча* ‘улица’), *кил'л'а/луд* п. (< рус. келья ‘уединенное скромное жилище монаха’, луд ‘поле’).

Микротопонимы, связанные с элементами мифологии:

а) названия, в которых объект наделяется какими-то человеческими свойствами: *воз'ис'/луд* п. (*воз'ис'* ‘держащий’, *луд* ‘поле’), *вэкас'* л. (*вэкас'* ‘чахлый’), *жокам* л., п. (*жокам* < жоканы ‘задохнуться’), *жуштис'/ты* оз. (*жуштис'* ‘стонущий’, *ты* ‘озеро’), *кызэмо/н'ук* л. (*кызэм* ‘кашель’ + -о – суффикс обладания, *н'ук* ‘лог’), *му/н'ылэм* рчк., л. (*му/н'ылэм* ‘проглоченная землей’), *н'ылон/шур* рчк. (*н'ылон* ‘глотание’, *шур* ‘речка’), *с'инус'эм* л., п. (*с'инус'эм* ‘сглаз’);

б) названия, в которых отражается страх перед сверхъестественными существами: *кӧшкэман* лс. (*кӧшкэман* < кӧшкеманы ‘бояться, пугаться’), *кӧшкэмыт/н'ук* л. (*кӧшкэмыт* ‘страшный’, *н'ук* ‘лог’), *кӧдыктыо/н'ук* л. (*кӧдэктыны* ‘бледнеть, побледнеть’), *с'инпӧ/н'ук* л. (*с'инпӧет* ‘обман зрения’, *н'ук* ‘лог’), *тӧд'ы/ад'ами/потан* лс. (*тӧд'ы/ад'ами* ‘белый человек’, *потан* ‘выход’), *шӧмый/н'ук* л. (*шӧмый* ‘страшный’, *н'ук* ‘лог’), *кылчин/ты* оз. (*кылчин* ‘ангел’, *ты* ‘озеро’);

в) названия, связанные с народными поверьями: *корт/шуккон/ныр* п. (*корт* ‘железо’, *шуккон* < *шуккыны* ‘ударять’ – ударами железа о железо пугали болезни), *св^{й}атой/ошмэс* род., *с'ин/пылатон/ошмэс* род. (*с'ин* ‘глаз’, *пылатон* ‘умывание’, *ошмэс* ‘родник’).

5. Топонимы, отражающие социальные отношения. Названия, указывающие на характер собственности:

а) микротопонимы, в которых указывается на частный характер собственности на земельные и лесные угодья: *над'эл* п., *нарэска* п., *обро·шнайа* п., *податной* п., *поддушэ·вной* п., *стат'т'а* лс.;

б) микротопонимы, указывающие на принадлежность земельных угодий и участков государству, общине: *казна* лс., *каз'о·нной* лс., *каз'о·нной/воз'* лг. (*воз'* ‘луг’), *мэр/му* п. (*мэр* ‘общественный’, *му* ‘земля, участок’);

в) микротопонимы, которые указывают на колхозный и совхозный характер собственности: *колкоз/воз'* лг. (*воз'* ‘луг’), *колкоз/колочча* кол. (*колочча* ‘колодец’), *колхоз/бакча* ог. (*бакча* ‘огород’), *совхозной/пас'эка* пас.

К этой же группе относим микротопонимы, в которых отразились названия колхозов и совхозов: *майофка* п., *майофка/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *киз'ил'ийэ кожон* пов. (*кожон* ‘поворот’);

г) микротопонимы, отражающие споры из-за земельного надела: *воран* п. (*воран* ‘воровство’), *загол′и·ха* п., *л′укэм/с′ик* лс. (*л′укэм* ‘поделенный’, *с′ик* ‘лес’), *мэновой/с′ик* лс. (*с′ик* ‘лес’), *обратной/луд* п. (*луд* ‘поле’), *оййыл/даллашон* п. (*даллашон* ‘ссора, ругань’), *спо·рнайа голо·фка* п., *тышкас′кон/мувыр* лг. (*тышкас′кон* ‘ссора, ругань’, *мувыр* ‘холм’).

Микротопонимы, в которых отразились границы земельных угодий. На границы земельных угодий указывают апеллятивы *бисмэн, гран′, мэжа*: *бисмэн* мж., *гран′* мж., *гран′о/луд* п. (*луд* ‘поле’), *мэжа/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’).

Названия, в которых отразились товаро-денежные отношения: *бас′-тэм/с′ик* лс. (*бас′тэм* ‘купленный’, *с′ик* ‘лес’), *грош/с′ик* лс. (*с′ик* ‘лес’), *д′эвэт′икопэ·эчной* лс., п., *кон′дон/н′ук* л. (*кон′дон* ‘деньги’, *н′ук* ‘лог’), *копэйка/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *ман′это* лг. (*ман′это* ‘рублевый’).

Микротопонимы, в которых отражаются род службы, социальные отношения, общественные организации, ремесла жителей: *арт′эл′ный/кл′ин* п., *ба·рский пос′о·лок* ч.д., *поп/колочча* кол. (*колочча* ‘колодец’), *салди/-ошмэс* род. (*салди* < рус. солдат, *ошмэс* ‘родник’), *учит′эл′/кэн′эр* п. (*кэн′эр* ‘изгородь, ограда’).

Названия-посвящения. Эти названия увековечивают события или выдающихся людей, героев: *йубил′эйной/ул′ча, ул′ица/дружбы, ул′ица/-гагарина, ол′импийской/урам* (*урам* ‘улица’). Это, как правило, официальные названия объектов.

Микротопонимы, отражающие семейные отношения: *баба/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *буба/куш* пол. (*буба* ‘дудушка’, *куш* ‘поляна’), *н′ун′а/воз′* лг. (*н′ун′а* ‘старший брат’, *воз′* ‘луг’), *пыртос/н′ук* л. (*пыртос* ‘примак’, *н′ук* ‘лог’), *кышно/луд* п. (*кышно* ‘женщина, жена’, *луд* ‘поле’)[13].

6. Топонимы, отражающие национальные отношения. В топонимах представлены следующие этнонимы: *бигэр* ‘татарин, татарский’, *йэврэй* ‘еврей, еврейский’, *ӟуч ~ русский* ‘русский’, *калмык* ‘калмык, калмыцкий’, *кыргыз* ‘киргиз, киргизский’, *удмурт ~ удморт, вотский* ‘удмурт, удмуртский’, *хохлак* < рус. *хохол* ‘украинец, украинский’, *чиган ~ цыган* ‘цыган, цыганский’: *бигэр/гуӵин* п. (*гуӵин* ‘селище’), *бигэр/гурэз′* гр. (*гурэз′* ‘гора’), *во·тскойэ кла·дбищэ* клд., *йэврэй/ул′ча* ул. (*ул′ча* ‘улица’), *ӟуч/воз′* лг. (*воз′* ‘луг’), *калмык/н′ук* л. (*н′ук* ‘лог’), *кыргыз/гурэз′* гр. (*гурэз′* ‘гора’), *пор/луд* п. (*луд* ‘поле’), *удмурт/рошша* рщ. (*рошша* ‘роща’), *ру·сский кон′эц* ч.д., *хохлак* п., *цыган/кӧлан* л. (*кӧлан* ‘ночевка’), *чиган/вӧл′* дл. (*вӧл′* ‘делянка’).

[13] Микротопонимы, отражающие семейные отношения, подразделяются по семантической основе атрибутивной части названия, хотя возможны другие мотивы номинации.

Названия соседних народов, которые встречаются в составе названий, не всегда обозначают народ, «хотя могут нести в себе это значение. Топонимы могут представлять собой и метафору, в основе которых лежит приписываемое какому-нибудь народу качество» [Kallasmaa 1997: 292].

Некоторых уточнений требует этноним *пор*, значение которого в настоящее время воспринимается только как ‘мари, мариец’. По М. Г. Атаманову [1997: 43–47], северно-удмуртская топонимия с апеллятивом *пор* связана с названием одной из фратрий обских угров, которая участвовала в сложении поломской культуры.

7. Окказиональные топонимы. Основой возникновения окказиональных микротопонимов являются какие-то события, случаи, связанные с человеком или с животными, которые еще в памяти информантов.

Микротопонимы, в которых отразились какие-либо события или случаи из жизни людей:

а) названия, связанные с гибелью или смертью человека: *домна/быpон* л. (*быpон* ‘гибель’), *онтон/марйа/кулон/н'ук* л. (*кулон* ‘гибель’, *н'ук* ‘лог’), *пэдор/ошкэм/кыз* пр. (*ошкэм* ‘повеситься’, *кыз* ‘ель’);

б) названия, связанные с несчастными случаями, но не со смертельным исходом: *дöт'о/ус'он* л. (*ус'он* ‘падение’), *ил'л'а/шуккис'кэм* п. (*шуккис'кэм* ‘ударившийся’), *копэй/котмон* бол. (*котмон* ‘намокание’), *микола/погыл'эм* л. (*погыл'эм* ‘скатившийся’);

в) названия, в которых отразились случаи, связанные с лесными пожарами и очисткой леса для земельных участков: *анфиса/сускэм* п., *вит'а/сутскэм* л., *йако/суткэм* лс., *давыт/суткэм* лг.;

г) названия, связанные со случаями побега солдат от воинской службы: *бэглой/гоп* л. (*гоп* ‘ложбина, лог’), *паша/ватскон* л. (*ватскон* ‘укрытие’), *пэган/выр* взв. (*пэган* < пеганы ‘убегать’, *выр* ‘холм, возвышенность’), *салдат/кул'ига* пдл.;

д) названия, связанные со свадьбой: *ватскон/н'ук* л. (*ватскон* < ватскыны ‘прятаться’, *н'ук* ‘лог’), *кондраш/с'уан* п. (*с'уан* ‘свадьба’), *с'уан/луд* п. (*с'уан* ‘свадьба’, *луд* ‘поле’);

е) другие частные события из жизни людей: *дэрэм/кэс'ам/н'ук* л. (*дэрэм* ‘рубашка’, *кэс'ам* < кесяны ‘рвать’, *н'ук* ‘лог’), *ӟэк/сутскэм/ошмэс* род. (*ӟэг* ‘рожь’, *сутскэм* < сутскыны ‘сгореть’, *ошмэс* ‘родник’), *йэром/бöрдэм/кыз* о.д. (*бöрдэм* < бöрдыны ‘плакать’, *кыз* ‘ель’), *кўатас'кэм/н'ук* л. (*кўатас'кэм* < куатаськыны ‘капризничать, дуться’, *н'ук* ‘лог’), *митрэй/даллашон* лг. (*даллашон* ‘ругань, ссора’).

Микротопонимы, в основе которых лежат события, связанные с животными: *вал/пыд/выйон/н'ук* л. (*вал* ‘лошадь’, *пыд* ‘нога’, *выйон* < *выйыны* ‘погрузиться’, *н'ук* ‘лог’), *искал/кулэм/н'ук* л. (*искал* ‘корова’, *кулэм* < *кулыны* ‘умереть, сдохнуть’, *н'ук* ‘лог’).

К окказиональным микротопонимам относим также названия мест, в основе которых фигурируют названия вещей и предметов быта:

а) предметы хозяйственного значения: *багор/выр* взв. (< рус. багор, *выр* ‘холм, возвышенность’), *корӵӵог/бам* ск.гр. (*корӵӵог* ‘гвоздь’, *бам* ‘склон горы’), *пэжйан/н'ук* л. (*пэжйан* ‘шило’, *н'ук* ‘лог’), *с'иэс/кыӵо/н'ук* л. (*с'иэс/кыӵ* ‘хомутина’ + *-о* – суффикс обладания, *н'ук* ‘лог’), *тир/н'ук* л. (*тир* ‘топор’, *н'ук* ‘лог’), *точило/гран'* мж.;

б) предметы обихода: *зундэс/н'ук* л. (*зундэс* ‘кольцо, колечко’, *н'ук* ‘лог’), *корт/кобы/ошмэс* род. (< *корт/кобы* ‘железный ковш’, *ошмэс* ‘родник’), *корт/ты* оз. (*корт* ‘железо’, *ты* ‘озеро’), *кот'алок* лс. (*кот'алок* < рус. котелок), *мушко/шур* рчк. (*мушко* ‘лукошко’, *шур* ‘речка’), *пэс'тэро* п. (*пэс'тэро* < рус. пестерь + *-о* – суффикс обладания), *самовар/д'эл'анка* дл.;

в) одежда: *горд/дэрэм* п. (*горд* ‘красный’, *дэрэм* ‘рубашка’), *кышэто/-шур* рчк. (*кышэт* ‘платок’, *шур* ‘речка’);

г) еда, пища: *канфэт/кыз* о.д. (*кыз* ‘ель’), *пирог/ошмэс* род. (ошмэс ‘родник’).

Микротопонимы, образованные от собственных имен

Большинство микротопонимов образуются путем трансонимизации, т. е. в основе возникновения названий лежит любое другое имя. В процессе трансонимизации Н. В. Подольская [1983: 5–6] выделяет три ступени: 1) трансонимизация, т. е. переход онима любого другого класса в топоним; 2) транстопонимизация, т. е. переход топонима одного класса в другой; 3) переход внутри классов. Результатом данного процесса являются вторичные микротопонимы.

1. Отантропонимические микротопонимы. В топонимии довольно значительное количество названий географических объектов образовано от антропонимов различного происхождения. В топонимии можно наблюдать антропонимы русского, удмуртского и тюркского происхождения. Но при установлении этимологии микротопонима достаточно выяснения его отантропонимического происхождения, поэтому микротопонимы, в основе которых лежит антропоним, включены в одну подгруппу, независимо от происхождения антропонима.

Микротопонимы, образованные от антропонимов: *абрам/йаг* лс. (*йаг* ‘лес, бор’), *адбэк/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *акманай* л., *актутай* рчк., *анди/луд* п. (*луд* ‘поле’), *байсар* п., *бахтан, борис/ты* оз. (*ты* ‘озеро’), *ва·с'ино по·л'э* п., *вас'ка/д'эл'анка* дл., *захар/бусы* п. (*бусы* ‘поле’) и т. д.

Названия, в основе которых лежат патронимы: а) патроним: *баж/вӧл'* дл. (*вӧл'* ‘делянка’), *бакл'а/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *бол'и/вуко* мл. (*вуко* ‘мельница’), *буран/ул'ча* ул. (*ул'ча* ‘улица’), *был'о/лайыг* лб. (*лайыг* ‘ложбина’); б) патроним + *пи* ‘сын’: *азманпи* п., *бигэрпи/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’),

вас'апи/кул'ига п., *исатпи/колочча* кол. (*колочча* ‘колодец’); в) патроним + имя: *кирапавол/воз'* лг. (*воз'* ‘луг’), *маркоиван/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’), *паламал'а/гурэз'* гр. (*гурэз'* ‘гора’), *ст'эпаниван/ошмэс* род. (*ошмэс* ‘родник’).

Микротопонимы, образованные от фамилий: *андрэйэв/ул'ча* ул. (*ул'ча* ‘улица’), *бабурин/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *бушуйэ·фский лог* л., *вакрин/вуко* мл. (*вуко* ‘мельница’), *йэл'цо·ва пол'а·на* пол., *коковин/пруд* пр., *л'эконцэв/гурӭ* гр. (*гурӭ* ‘гора’).

Микротопонимы, в основе которых лежит прозвище человека:

а) названия, образованные от прозвищ: *бодго* ул., *борма/сарай* скл., *бэл'ги/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *бэчэ/шур* рчк. (*шур* ‘речка’), *с'ёдун/проход* пер.;

б) названия, образованные от имен-прозвищ, в составе которых присутствуют и имена: *бӓӟымгордиван/волок* дор., *вас'лэй/колзё* л., *гордиван/-сэрэг* л., лг. (*сэрэг* ‘угол’), *ӟучпэдор/гурэз'* гр. (*гурэз'* ‘гора’), *пичиван/-пэролка* пер. (*пэролка* ‘проулок’), *ӵужгондыр/прокод* пер.;

в) иногда человек получал прозвище по названию той деревни, в которой он родился: *ӟучкарпи/воз'* лг. (< луг, принадлежавший человеку из д. Дзючкар), *л'эгз'э/ошмэс* род. (< человек, очистивший этот родник, был из д. Малая Легзя);

г) иногда в обозначении женщин фигурирует имя мужа. Обозначение женщин по имени мужа особенно характерно для русских: *ант'и·пиха* п. , *йэго·рихин лог* л.

Микротопонимы, образованные от имен исторических личностей: *ки·рова ул'ча* ул. (*ул'ча* ‘улица’), *л'э·н'ина ул'ча* ул., *пугач/с'урэс* дор. (*с'урэс* ‘дорога’). В большинстве случаев к данным топонимам относятся официальные названия улиц, которые по своей сути являются искусственными.

2. Отойконимические микротопонимы. Поля, луга, леса, возвышенности, дороги и другие топообъекты получают свои названия от ойконимов в зависимости от того, на чьей территории находятся, чьи владения они представляют и по направлению к чему они расположены.

Микротопонимы, в основе которых лежат ойконимы: *кабан/луд* п. (*луд* ‘поле’), *карава·йскийэ луга* лг., *карашур/вырупка* дл., *каргурэз'/вуко* мл. (*вуко* ‘мельница’), *маз'ги/с'урэс* дор. (*с'урэс* ‘дорога’), *макс'имофка/мэжа* мж., *тол'л'он/н'ур* бол. (*н'ур* ‘болото’), *тыловай/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *уйвай/с'ик* лс. (*с'ик* ‘лес’), *чэткэр/воз'* лг. (*воз'* ‘луг’).

3. Отмикротопонимические топонимы. В основе возникновения отмикротопонимических топонимов лежат названия других смежных географических объектов, т. е. осуществляется переход внутри одного класса. В топонимической системе явление перехода названия одного объекта на смежные объекты получило широкое распространение.

Топонимы, образованные от других названий с добавлением топографического апеллятива: *был'олайыг/н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *баӟӟымвыр/ошмэс* род. (ошмэс ‘родник’), *варакшур/выж* м. (*выж* ‘мост’), *вукогуртс'ик/бусы* п. (*бусы* ‘поле’), *мун'човӧл'/бам* ск.гр. (*бам* ‘склон горы’) и т. д.

Топонимы, образованные от микротопонимов, причем название одного объекта не изменяясь становится названием другого смежного объекта: *балта/луд* – название поля → название леса, *башкыт/ошмэс* – название родника → название лога, *бот'о/н'ук* – название лога → название поля, *бэгит/выр* – название возвышенности → название лога, *вакрин/вуко* – название лога → название поля, *токар/н'ук* – название лога → название леса, *тэбэй/ваткон* – название лога → название поля.

5. Метонимические топонимы. В топонимии наблюдается перенос названий несмежных объектов: *камчатка* ул., ч.д., *сахал'ин* ч.д., *с'ибир/-н'ук* л. (*н'ук* ‘лог’), *урал, урал/гурэз'* гр. (*гурэз'* ‘гора’), *шанкай* ул.

Структура удмуртских топонимов

В структурно-грамматическом отношении удмуртские топонимы можно подразделить на три группы: простые (односложные), сложные, состоящие из двух и более компонентов, и составные, компоненты которых не столь тесно взаимосвязаны и являются больше сочетаниями слов, чем сложными словами. Подавляющее большинство среди непростых названий составляют сложные топонимы, и лишь незначительную часть можно отнести к составным названиям.

К ***односложным названиям*** относятся:

1) топонимы, представляющие собой апеллятивы, отражающие рельеф и характер местности или обозначающие объекты, связанные с жизнью и деятельностью человека, напр.: ойконимы *Воли* (Волипельга) Вав., *Гоп* (Гобгурт) Селт., *Гоп* (Гоп-Пудга) Як.-Б., *Гуӵин* (Рус. Бабья) Сюмс., *Нюр* (Кожиль) Глаз., *Ошмес* (Ключевая) Ув., *Тыло* (Ст. Зятцы) Як.-Б., *Шур* Балез., *Пунем* (Пунем) Ув., *Табань* (Табани) Можг.; микротопонимы *Басма* м. (Зяногурт) Деб., *Болото* бол. (Чимошур), *Возь* лг. (Варни) Деб., *Поскотина* паст. (Малая Можга) Вав., *Тупал* ул. (Сухая Видзя) Ув. и т. д.;

2) топонимы, в которых указываются имена основателей селений или принадлежность объекта, напр.: ойконимы *Акил* (Акилово) Сюмс., *Акмар* (Акмарово) Вав., *Исак* (Сюровай) Ув., *Кельдык* (Кельдыки) Глаз., *Бакъяр* (Бахтияры) Завьял.; микротопонимы *Адбэк* п. (Альцы) Шарк., *Антипиха* п. (Лудошур) Игр., *Камаш* лс. (Старый Зяногурт), *Лакши* п. (Бадьярово) Шарк. и т. д.;

3) топонимы, имеющие в своем составе воршудно-родовые имена и указывающие на принадлежность селения к тому или иному роду, напр.:

ойконимы *Бӧдья* (Якшур-Бодья) Як.-Б., *Ӟачча* (Новые Зятцы) Игр.; *Булма* (Балма) Сюмс.; *Пӧбъя* (Пыбья) Балез.; *Эбга* (Верхняя Слудка) Глаз.; *Чабъя* (Ю-Чабья) Кез.,*Эгра* (Игра) Игр., микротопонимы: *бигра/воз'* лг. (Ильдас-Уча) Можг., *мал'а/гуӵин* (Гуляево) Вав.;

4) топонимы, представленные в форме прилагательного или причастия, выражающего какой-либо признак объекта, напр.: ойконимы *Вожектэм* (Вожектем) Сюмс., *Изо* (Ильино) Сюмс., *Котрес* (Старокаравайский выс.) Як.-Б., *Куаӵкам* (Квачкам) Вав., *Лыстэм* (Лыстем) Селт., *Шонер* Шарк.; микротопонимы *Бадяро* (Ариково) Деб., *Кушмано* п. (Варни) Деб., *Сускэм* (Лозолюк) Игр. и т. д.

К простым микротопонимам относятся названия, образованные аффиксальным способом. Топонимические названия, образованные аффиксальным способом, являются привнесенными русским языком, в котором данный способ топонимического словообразования наиболее характерен. Типичным топонимическим суффиксом в современном русском языке является суффикс *-ка*, при помощи которого в большинстве случаев оформляются речные названия: *Бутолинка* рчк. (Сюрсовай) Шарк., *Илтушка* (Лв), *Оййылка* рчк. (Лесагурт) Деб., *Коровинка* рчк. (Усть-Медла) Деб., *Лужанка* рчк. (Палым) Игр. и т. д.

Большинство официальных ойконимов Удмуртии образуется при помощи суффиксов *-ово, -ево, -ино*: *Бозино* Глаз., *Мадьярово* Селт., *Пеганово* Глаз., Кез., *Гырдымово* Шарк., *Бадьярово* Шарк., *Баженово* Зуев., *Байкузино* Зав.

Сложные микротопонимы. В топонимии Удмуртии преобладают сложные конструкции, состоящие из двух и более элементов, тесно взаимосвязанных между собой. В топонимической системе можно выделить следующие типы:

1. Топонимы, образованние сочетанием двух или более существительных: ойконимы *Зынты* (Ворончихино) Кез., *Кайсыгурт* (Бармашур) Яр., *Кузьяг* (Еловский) Яр., *Кызошур* (Арляново) Алн. *Сьӧдкыр* (Сектыр) Игр. *Педоргурт* (Федоры) Селт., *Эдэйгурт* (Бобья-Уча) М.-Пург., *Эшметьгурт* (Эшметьгурт) Селт.; микротопонимы *Бигергуӵин* п. (Ключевка) Игр., *Буковозь* лг. (Тольён) Деб., *Доропыштъ* род. (Ирым) Игр., *Карашурвырубка* дел. (Загребино) Игр., *Косьтабернюк* лг. (Большая Пурга) Игр., *Нюрпотан* тр. (Чепык) Деб., *Туговырбам* взв. (Лонки-Ворцы) Игр. и т. д.

2. Топонимы, образованные сочетанием прилагательного с существительным: ойконимы *Бадӟымшур* Сюмс., *Гыркеснюк* Деб., *Дӥньтэм* (Диньтэм-Вамья) Ув., *Беризёвыр* (Беризевыр) Игр., *Гордъяр* Деб., микротопонимы *Бадӟымпруд* пр. (Лудошур) Игр., *Гордгурезь* гр. (Лесагурт) Деб., *Кӧшсяртчыгоп* л. (Нижний Шудзялуд) Деб., *Кӧльыонюк* л. (Сеп) Игр., *Ошмесолуд* (Тупал-Пурга) Игр. и т. д.

3. Топонимы, образованные сочетанием причастия с существительным: ойконимы *Йыдыгрон* (Табанево) Шарк, *Кекоран* Як.-Б., *Кионпиянгоп* (Комары) Деб., *Кутоншур* Як.-Б., микротопонимы *Вӧлемъяг* (Сундур) Игр., *Куштэмпруд* (Легомувыр) Деб., *Куасамульча* (Мукабан) Шарк., *Куашкамъяр* (Кедзя) Деб., *Кынмемлуд* (Дзилья) Деб., *Пудоюоношмэс* (Мувыр) Шарк., *Пӧзисьошмес* (Дырдашур) Шарк., *Сыръясьты* (Шлеино) Игр.

4. Топонимы, образованные сочетанием числительного с существительным: ойконимы *Куатчи* (Кватчи) Можг., *Куатьчиньыгурт* (Шестопёрово) Яр., *Кукъямес* (Каргурезь) Игр., *Кыква* Шарк., Як.-Б., микротопонимы *Даспужым* л. (Петухи) Шарк., *Куатьшур* (Удмурт Лоза) Игр., *Куатьтонкож* (Верхний Шудзялуд) Деб., *Парабэризь* лг. (Кулак-Кучес) Шарк., *Первойвӧль* (Альцы) Шарк., *Торойнюк* (Лужаны) Игр., *Кыкетӥбакайгурезь* (Варни) Деб., *Нырысетӥбакайгурезь* (Варни) Деб. и т. д.

Составные микротопонимы.

1. К составным названиям относятся ойконимы, образованные способом бинарной оппозици со следующими определениями: а) *бадӟым*, *зӧк* ’большой’, *пичи*, *покчи* ’маленький’, напр.: *Бадӟым Кунян* (Большая Кильмезь-Бия) Селт. и *Пичи Кунян* (Малая Кильмезь-Бия) Селт., *Бадӟым Нӧри* (Большая Нырья) Селт. и *Покчи Нӧри* (Малая Нырья) Селт., *Зӧк Малагпи* (Большое Малагово) Яр. и *Пичи Малагпи* (Малое Малагово) Яр.;

б) с определениями *виль* ’новый’ и *вуж* ’старый’, напр.: *Виль Монья* (Новая Монья) М.-Пург., Селт. и *Вуж Монья* (Старая Монья) М.-Пург., Селт., *Виль Юбера* (Новые Юбери) Можг. и *Вуж Юбера* (Старые Юбери) Можг. и т. д.

Названия населенных пунктов, расположенных вблизи какой-либо одной реки, обозначают расположение населенного пункта относительно течения реки (в верхнем, нижнем, среднем течении), при этом используются определения *вылӥ*, *вылӥнь*, *вылын* ‘верхний’ и *улӥ*, *улӥнь*, *улын* ‘нижний’, иногда *шор*, *шоринь*, *шорын* ’средний’, напр.: *Улын Асангурт* (Нижнее Асаново) Алн. и *Вылын Асангурт* (Верхнее Асаново) Алн., *Вылӥ Котныр* (Верхнее Котнырево) Алн. и *Улӥ Котныр* (Нижнее Котнырево) Алн., *Вылӥнь Юри* (Верхние Юри) Можг., *Улӥнь Юри* (Нижние Юри) и *Шоринь Юри* (Средние Юри) Малоп.

2. К составным топонимам относятся ойконимы, в которых указывается национальный состав жителей населенного пункта *удмурт ~ удмуртский* ‘удмуртский’, *ӟуч ~ русский* ‘русский’, *пор ~ марийский* ‘марийский’, *бигер ~ татарский* ‘татарский’, *немец* ‘немецкий’, напр.: *Бигер Бӧня* (Близ-Варыж) Балез., *Ӟуч Пӧбъя* (Русская Бабья) Сюмс., *Удмурт Кизекгурт* (Удмуртское Кизеково) Алн. и *Бигер Кизеггурт* (Татарское Кизеково) Алн., *Удмурт Гондыр* (Удмуртское Гондырево) Алн. и *Пор Гондыр* (Марийское Гондырево) Алн., *Немец посёлок* (Нюрдор-Котья) Вав. и т. д.

3. Названия, в которых первый компонент сочетания выражен существительным в косвенном падеже (в микротопонимии): *Бородуле сюрес* (Малая Ита) Шарк., *Ӟанопочинкее сюрес* (Старый Зяногурт) Деб., *Кизилие кожон* (Лонки-Ворцы) Игр., *Рошшае мынон* (Ариково) Деб., *Кызулвасялэн ошмесэз* (Тольён) Деб. и т. д.

4. Названия, в составе которых присутствует послелог: *Вуко пала васькон* (Большой Зетым) Деб., *Гоп улысь калым* (Варни) Деб., *Зетым пала сюрэс* (Леваньгурт) Деб., *Поспэлшур кузя возь* (Малая Чепца) Деб. и т. д.

Ойконимия

Ойконим – название любого населенного пункта: города, деревни, хутора, посёлка, села. Термин образован от греческого *oikos* ʹжилище, обиталище’ и *onoma* ’имя’. Всю совокупность названий любых населенных пунктов называют ойконимией. Ойконимы в зависимости от определенного типа географического объекта подразделяются на астионимы – названия городов и комонимы – названия сельских населенных пунктов.

Ойконимическая система любого региона формировалась под влиянием определенных экстралингвистических факторовю В ней нашли отражение социально-экономические, общественные и культурные изменения данного региона [Халиева 2001: 186]. Многие ойконимы несут на себе отпечаток времени своего возникновения, что позволяет использовать их как источник для исследования истории формирования и заселения рассматриваемой территории.

Названия населенных пунктов Удмуртии многоплановы как по времени появления, так и по языковому происхождению, словообразованию и семантике. Многие населенные пункты Удмуртской Республики имеют одновременно два (иногда три и четыре) названия – официальное (оф.), местное (м.) и иногда встречаются экзотопонимы (экзт.). Причем, нередко официальные названия образуются от совсем иных основ, чем неофициальные удмуртские, например: оф. *Сюровай* – м. *Исак*, оф. *Большой Варыж* – м. *Варыжгурт*, экзт. *Йононпи*, оф. Балезино – м. *Узякар, Петропавловское, Черкогурт* и т. д. В населенных пунктах со смешанным национальным составом или находящихся по соседству с селениями, где проживают представители разных национальностей, могут встречаться несколько типов наименований. Напр., оф. *Дубровский* имеет следующие народные названия: удм. *Починка* (*починка*’ починок’) и *Виль Тӥгырмен*, рус. *Дубровск* и *Гребени,* тат. *Бламбей* Кияс. и т. д.

В настоящее время с увеличением доли бюрократического документооборота в жизни человека и интенсивного русско-удмуртского взаимодействия в использовании ойконимов происходит смещение в пользу офи-

циального названия, что ведет к постепенной утрате неофициальных народных названий.

Одним из важных аспектов ойконимии является процесс взаимодействия русского и удмуртского языков в образовании названий населенных пунктов. К моменту переселения русских территория современной Удмуртии была уже заселена. Русские переселенцы часто селились поблизости удмуртских деревень. В результате появлялись ойконимы с атрибутами, указывающими на национальный состав населённого пункта: *Удмурт Лоза – Русская Лоза, Удмуртская Бабья – Русская Бабья*. Удмуртские названия при освоении их русскими адаптировались к иноязычной системе. «Ойконимии присуща адаптивность – приспособление имени к языку при длительном его употреблении, изменение, приспособление иносистемного явления к языковой системе говорящих. Адаптивность может быть фонетическая и включать следующие фонетические изменения: утрату звуков, замену звуков, протетические и эпентетические вставки, перестановку звуков, потерю слогов на стыке морфем. Морфологическая адаптация включает потерю окончаний вследствие редукции, агглютинацию – способ ойконимообразования, когда к иноязычной основе или корню присоединяются ойконимные аффиксы, деглютинацию – потерю иноязычного окончания, подчинение грамматическому строю языка. Лексическая адаптация представлена эллипсисом – опущением, пропуском одного из компонентов ойконима» [Заверткина 2012: 3].

Большое количество географических названий Удмуртии восходит к удмуртскому языку. В документах различного рода все удмуртские топонимы зафиксированы в адаптированной русским языком форме. При усвоении топонимов удмуртского языка русским происходит определенная трансформация наименований. Многие удмуртские топонимы, звуковой состав которых совпадает с системой звуков русского языка, усваиваются в той же исходной форме, без каких-либо изменений, напр.: *Выльгурт* Алн. (*выль* ’новый’, *гурт* ’деревня, село’); *Гордъяр* Глаз., Деб. (*горд* ’красный’, *яр* ’яр, берег, обрыв’); *Иднакар* Глаз. (*Идна* – имя др.-удм. эпического героя, *кар* ’городище, крепость’); *Искалмувыр* Игр. (*искал* ’корова’, *мувыр* ’холм, возвышенность, пригорок’); *Курвыж* Кез. (*кур* ’луб, лубяной’, *выж* ’мост’); *Поршур* Грах., Можг. (*пор* ’мариец, марийский’, *шур* ’река, речка’); *Тупал Пурга* Игр. (*тупал* ’заречье, заречный’, *Пурга* – удм. воршудно-родовое имя) и т. д.

Удмуртский язык отличается от русского языка своим фонемным составом. В удмуртском языке имеются такие звуки: *ӧ, ӝ, ӟ, ӵ*, которых нет в русском языке. Согласные звуки *д, з, л, н, с, т* перед *и* могут быть твердыми и мягкими. Для обозначения твердого их произношения пишется буква *ӥ*. В русском же языке эти согласные в данной позиции всегда являются мягкими. Палатальные звуки *дь, зь, ль, нь, сь, ть* в артикуляцион-

ном плане также имеют некоторые отличия от соответствующих согласных русского языка. Кроме того, в удмуртском языке встречаются не характерные для русского языка сочетания звуков, а также звуки, не свойственные для русского языка по месту употребления. В этих случаях они подвергаются замене другими звуками русского языка.

Фонетическая адаптация. Специфическая удмуртская смычная звонкая аффриката *ӝ* в русском передается согласным *ж*, напр.: Жуе-Можга Вав. (< *ӝуё*: *ӝуй* ‘мох’ + *-о* – суффикс обладания, *Можга* – удм. воршудно-родовое имя); Жувам Юкам. (< *ӝуам* ‘сгоревший’); Жужытшур Юкам. (< *ӝужыт* ‘высокий’, *шур* ’река’) и т. д.

Мягкая звонкая удмуртская аффриката *ӟ* в русском языке часто обозначается фрикативным мягким согласным *зь*, напр.: Бальзяшур Можг. (< *Бальзя* – антропоним, *шур* ’река, речка’); Зятцы Сюмс. (< *Ӟачча* – удм. воршудно-родовое имя); Зеглуд Як.-Б. (< *ӟег* ’рожь, ржаной’, *луд* ’поле’); Зючлуд Кез. (< *ӟуч* ’русский’, *луд* ’поле’); Кейлуд-Зюнья Селт. (< *кый* ’змея, змеиный’, *луд* ’поле’, *Зюнья* < *Ӟунья* – удм. воршудно-родовое имя); Сылызь Деб. (< *Сылыӟ* – название реки, значение не известно) и т. д.

Иногда звук *ӟ* передается сочетанием звуков *дз*, напр.: Водзя Можг. (< *Водзи* [*воӟӟи*] – название речки); Дзилья Деб. (< *Ӟиллё* – др.-удм. антропоним < *ӟиллё* ’овсянка; зяблик (птица)’); Дзючкар Игр. (< *ӟуч* ’русский’, *кар* ’городище, крепость’); Дзякино Глаз., Яр. (< *Ӟака, Ӟакай* –др.-удм. личное имя); Лудзи-Жикья Селт. (< *Лудзи* [*луӟӟи*] – название речки, *Жикья* – удм. воршудно-родовое имя); Чудзялуд Вав. (< *Чудзя* [*чуӟӟа*] – удм. воршудно-родовое имя; *луд* ’поле’) и т. д.

Смычная твердая глухая удмуртская аффриката *ӵ* передается звуком *ч*, напр.: Гучиншур Глаз. (< *гуӵин* ’селище (старое место деревни)’, *шур* ’река, речка’); Кочишево Глаз. (< *коӵыш* ’кошка’); Мучкомувыр Кез. (< *муӵко* ’волнообразный’, *мувыр* ’холм, возвышенность, пригорок’); Чужъял Селт. (< *ӵушъял* ’ёж’); *Чушкам* Селт. (< *ӵушкам* ’сожжённый’) и т. д.

Специфический удмуртский нелабиализованный гласный среднего ряда среднего подъема *ӧ* передается двояко:

а) чаще буквой *е*, напр.: *Кельвай-Уча* Можг. (< *кӧльы* ‘гравий, галька’, *вай* ’ответвление, приток’, *Уча* – удм. воршудно-родовое имя); *Кесшур* Шарк., Юкам., Як.-Б., Яр. (< *кӧс* ‘сухой, высохший’, *шур* ‘река, речка’); *Седиваново* Балез. (< *сьӧд* ‘черный’, *Иваново* < *Иван* – русское личное имя + *-ово* – суффикс); *Седъяр* Балез. (< *сьӧд* ’черный’, *яр* ’обрыв, яр, берег’);

б) в некоторых случаях – буквой *о*, напр.: Воегурт Балез. (< *вӧё*: *вӧй* ’масло’ + *-о* – суффикс обладания, *гурт* ’деревня, село’); Колевай Глаз. (< *кӧльё*: *кӧльы* ’гравий, галька’ + *-ё* – суффикс обладания); Старая Монья Селт. (< *Мӧнья* – удм. воршудно-родовое имя); Якшур-Бодья Як.-Б. (< *яг* ’лес, бор’, *шур* ’река, речка’, *Бӧдья* – удм. воршудно-родовое имя) и т. д.

В русской адаптации характерные для удмуртского языка сочетания согласных *д, з, л, н, с, т* с гласным *ӥ* (*дӥ, зӥ, лӥ, нӥ, сӥ, тӥ*) представлены сочетаниями *ди, зи, ли, ни, си, ти*, напр.: Динтем-Бодья Зав. (< *дӥньтэм*: *дӥнь* ’верховье, исток реки’ + *-тэм* – суффикс, обозначающий отсутствие чего-либо, *Бодья* – удм. воршудно-родовое имя); Силодзил Як.-Б. (< *Сылӥз* – название речки, *ил* < *йыл*) и т. д.

Известное в удмуртском языке сочетание звуков *йы* в слове *йыл* ’верховье, исток’, является не характерным для русского языка и заменяется сочетанием *ил*, напр.: Выжоил Як.-Б. (< *выж* ’мост’+ *-о* – суффикс обладания, *ил* < *йыл*); Кинягил Можг. (< *Кинег* – название речки, *ил* < *йыл*); Легоил Кез. (< *лёг* ’холм, возвышенность, пригорок’ + *-о* – суффикс обладания, *ил* < *йыл*); Лудзил-Тукля Ув. (< *Лудзи* – название речки: *луд* ’поле’ + *-зи* – топоформант, *ил* < *йыл*); Силодзил Як.-Б. (< *Сылӥз* – название речки, *ил* < *йыл*); Пужмоил Вав. (*Пужмо* – название речки < *пужымо*: *пужым* ’сосна’ + *-о* – суффикс обладания, *ил* < *йыл*); Шурил Можг. (*шур* ’река, речка’, *ил* < *йыл*) и т. д. Первая часть таких названий, как правило, представляет собой название реки, речки и ручейка.

Иногда характерные для удмуртского языка и не свойственные для русского языка по месту употребления гласные звуки заменяются другими гласными. Встречаются такие случаи корреспондирования звуков:

а) удм. *ы* // рус. *и*, напр.: *Бадзымлуд* (Бадзимлуд) Сюмс. (*бадзым* ’большой’, *луд* ’поле’); *Ышем* (Ишем) Як.-Б. (*ышем* ’потерявшийся, затерявшийся’); *Коӵыш* (Кочиш) Як.-Б., *Коӵыш* (Кочишево) Глаз. (*коӵыш* ’кошка’ + *-ево* – суффикс); *Кузьыли* (Кузили) Зав. (*Кузили* – др.-удм. антропоним < *кузьыли* ’муравей’); *Сяртчыгурт* (Сяртчигурт) Ув. (*сяртчы* ’репа’, *гурт* ’деревня, село’); *Штаньыгурт* (Штанигурт) Глаз. (*штаньы* ’штаны’, *гурт* ’деревня’) и т. д.;

б) удм. *ы* // рус. *е*, напр.: *Кайсыгурт* (Кайсегурт) Шарк. (*Кайсы* – др.-удм. личное имя < *кайсы* ’клест (птица)’, *гурт* ’деревня, село’); *Кыйлуд* (Кейлуд) Сюмс. (*кый* ’змея, змеиный’, *луд* ’поле’) и т. д.;

в) удм. э // рус. *е*, напр.: *Дӥньтэм* (Динтем-Бодья) Зав. (*дӥньтэм*: *дӥнь* ’верховье, исток реки’ + *-тэм* – суффикс, обозначающий отсутствие чего-либо, *Бодья* – удм. воршудно-родовое имя); *Лыстэм* (Лыстем) Вав., Селт. (*лыстэм* ’без хвои’); *Шудэг* (Шудег) Як.-Б. (*Шудэг* – др.-удм. личное имя) и т. д.;

г) удм. *ё* (*йо*) // рус. *е*, напр.: *Беризёвыр* (Беризевыр) Игр. (*беризё*: *беризь* ’липа’ + *-о* – суффикс обладания, *выр* ’холм, возвышенность’); *Вӧёгурт* (Воегурт) Балез. (*вӧё*: *вӧй* ’масло’ + *-ё* – суффикс обладания, *гурт* ’деревня, село’); *Кӧльыёвыр* (Кельевыр) Кез. (*кӧльыё*: *кӧльы* ’гравий, галька’ + *-ё* – суффикс обладания, *выр* ’холм, возвышенность’); *Лёгошур* (Легошур) Кез. (*лёго*: *лёг* ’холм, возвышенность’ + *-о* – суффикс обладания, *шур* ’река, речка’); *Пужыёгурт* (Пужьегурт) Шарк. (*пужыё*: *пужы* ’узор,

узорчатый’ + *-ё* – суффикс обладания, *гурт* ’село, деревня’); *Силёшур* (Силешур) Кез. (*силё* ’мусор, сор (из веток)’, *шур* ’река, речка’); *Уё* (Уе-Докья) Вав. (*уё* ’северный’, Докья – удм. воршудно-родовое имя) и т. д.

В русском языке удмуртский согласный *ў* (в удм. орфографии пишется *у*), встречающийся в сочетании с анлаутным *к* перед *а*, передается согласным *в*, напр.: Квака Красн., Ув. (< *кўака* ’ворона’); Квалуд Игр. (< *кўа* ’святилище’, *луд* ’поле’); Квардавозь Игр. (< *Кўарда* – др.-удм. личное имя, *возь* ’луг’); Кватчи Можг. (< *Кўатчи* – название речки: *кўать* ’шесть’ + *-чи* – топоформант); Квачкам Вав. (< *кўачкам, кўашкам* ‘разрушившийся, рухнувший’) и т. д.

Морфологическая адаптация. При усвоении удмуртских названий русским языком к удмуртской основе присоединяются следующие топоформанты русского языка:

а) *-ово, -ево*, напр.: *Бадяро* (Бадьярово) Шарк. (*бадьяр* < *бадяр* ’клен’); *Вукотло* (Вукотлово) Шарк. (*вуко* ’мельница’, *тло* < *тыло* ’росчисть, подсека’); *Котгурт* (Котнырево) Глаз. (*кот* ’сырой, заболоченный’, *ныр* ’коса, отмель, мыс’, *гурт* ’село, деревня’); *Куреггурт* (Курегово) Глаз., М.-Пург. (*курег* ’курица’, *гурт* ’село, деревня’); *Кузьымгурт* (Кузюмово) Алн. (*кузюм* < *кузьым* ’подарок’, *гурт* ’село, деревня’); *Порпи* (Порпиево) Глаз. (*Порпи* – патроним < *пор* ’мариец, марийский’, *пи* ’сын, детеныш’); *Яг* (Ягвуково) Деб. (*яг* ’бор, лес’, *вуко* ’мельница’) и т. д.;

б) *-ино*, напр.: *Байкузё* (Байкузино) Зав. (*Байкузё, Байкузя* – антропоним < тюрк.); *Ботё* (Ботино) Селт. (< *Ботё* – мужское личное имя); *Варзино-Алексеево* Алн. (*Варзино* < *Варзи* – название реки, *Алексеево* < *Алексей* – антропоним); *Ӟакагурт* (Дзякино) Яр. (< *Ӟака, Ӟакай* –др.-удм. личное имя < тат., *гурт* ’село, деревня’); *Шабердӥ, Шаберды* (Шабердино) Завьял. (< *Шабердӥ, Шаберды* – др.-удм. личное имя) и т. д.

в) аффиксы множественного числа *-ы, -и*, напр.: *Бегиш, Бегыш* (Бегиши) Кез. (*Бегиш* – др.-удм. антропоним < тат. *Бегиш*); *Ӟатча* (Зятцы) Сюмс. (*Зятцы* < *Ӟатча* – удм. воршудно-родовое имя); *Кўака* (Кваки) Кизн. (*Кваки* < *Кўака* – др.-удм. антропоним < *кўака* ’ворона’); *Вортча* (Лозо-Ворцы) Як.-Б. (*Лозо* – река Лоза, *Ворцы* < *Вортча* – удм. воршудно-родовое имя); *Пислэг* (Пислеги) Сар. (*Пислеги* < *Пислэг* – др.-удм. антропоним < *пислэг* ’синица (птица)’); *Сыръян* (Сырдяны) Ув. (*Сырдяны* < *сыръян* – сущ. от глаг. *сыръяны* ’зыбиться, трястись (о болоте)’); *Тольён* (Тальяны) Селт. (*Тальяны* < *тольён* ’зимовье’) и т. д.).

Удмуртские топонимы, оканчивающиеся на *-ы, -и*, напр. *Итчи, Кватчи, Сюмси, Юри* и т. д. также воспринимаются как слова в форме множественного числа.

Часто к удмуртским топонимам присоединяются определения *большой, верхний, заречный, левый, малый, нижний, новый, правый, русский, средний, старый, удмуртский*, являющиеся прилагательными русского

языка, образуя сложные гибридные названия. В подобных словосочетаниях в роли главного компонента выступают удмуртские топонимы, зависимого – прилагательные русского языка. При усвоении русским языком удмуртских названий последние принимают форму мужского, женского или среднего рода, подобно словам русского языка, т. е. по морфологическим показателям – окончаниям. Так, названия типа *Вожой*, *Вишур*, *Игерман*, *Люк*, *Ошмес*, *Пежвай*, *Сентег*, *Юсь* воспринимаются как слова мужского рода, *Гыя*, *Игра*, *Инга*, *Кизня*, *Лоза*, *Можга*, *Сада*, *Шудья*, *Юмья* – женского рода, *Жуе*, *Кусо*, *Медло* – среднего рода. При усвоении русским языком определяемое слово с определяющим согласуются в роде и числе, напр.: *Верхняя Игра* Грах. (*Игра* < *Эгра* – удм. воршудно-родовое имя); *Заречный Вишур* Шарк. (*Вишур* < *ви* – деэтимологизированное слово, *шур* ’река, речка’); *Нижний Пислеглуд* Як.-Б. (*Пислеглуд* < *Пислег* < *Пислэг* – др.-удм. антропоним, *луд* ’поле’); *Средние Юри* М.-Пург. (*Юри* – название реки); *Старые Какси* Можг. (*Какси* – удм. воршудно-родовое имя) и т. д.

Семантическая адаптация. Примерами семантической адаптации являются калькированные названия. При калькировании происходит полный или частичный перевод удмуртских топонимов на русский. В одних случаях название переводится полностью, напр.: *Быдзымсурд* (Старый Березняк) Можг., *Пуппы* (Лутоха) Кияс., *Сьӧд Ошмес* (Черный Ключ) Алн. В других случаях переводится на русский язык атрибутивная часть названия, а детерминант остаются в неизменном виде, напр.: *Бадзым Можга* (Большая Можга) Вав. (*Можга* – воршудно-родовое имя); *Пичи Пурга* (Малая Пурга) М.-Пург. (*Пурга* – воршудно-родовое имя); *Улӥнь Юри* (Нижние Юри) М.-Пург. (*Юри* – название реки); *Ӟуч Бия* (Русская Бия) Селт. (*Бия* – воршудно-родовое имя). В-третьих, переводится атрибутивный компонент топонима, а вместо детеминанта прибавляется какой-либо формант русского языка, напр.: *Мунчогурт* (Банное) Зав. (удм. *мунчо* ’баня’, *гурт* ’деревня, село’); *Сизьгурт* (Дятлево) Алн. (удм. *сизь* ’дятел’, *гурт* ’деревня, село’); *Чуньыгурт* (Жеребенки) Зав. (удм. *чуньы* ’жеребенок’, *гурт* ’деревня, село’); *Изгурт* (Каменное) Зав. (удм. *из* ’камень, каменный’, *гурт* ’деревня, село’); *Ошмес* (Ключевая) Ув. (удм. *ошмес* ’ключ, родник’); *Гондыр* (Медведево) Перв. (удм. *Гондыр* – др.-удм. антропоним < *гондыр* ’медведь’); *Атас* (Петухово) Вав. (удм. *атас* ’петух’); *Кунян* (Телицино) Сюмс. (удм. *кунян* ’теленок’) и т. д.

Микротопонимия

Термин *микротопоним*, возникший по аналогии с терминами *микрофлора*, *микрорельеф*, *микроклимат*, *микроландшафт*, широкое распространение получил в 60-е гг. XX в. В настоящее время выделение микротопонимов как особого разряда собственных имен считается общепризнанным фактом. Но между топонимами и микротопонимами нельзя

провести четкую границу, поэтому относительно того, что является микротопонимом, существовали различные точки зрения. Некоторые ученые относили к микротопонимам лишь названия земельных участков, приравнивая их к оронимам. Другие реки короче 50 километров относили к микротопонимам, а остальные к топонимам. Третьи исключали названия улиц из микротопонимии, руководствуясь тем, что улицы больших городов по своей протяженности и количеству жителей превосходят многие малые населенные пункты, что названия улиц непервичны, опосредованы, системны и могут восходить к словам различных языков.

Наименования географических объектов возникают из нарицательных слов. Порывая с классом апеллятивов, такие имена в дальнейшем подвергаются своим собственным онимическим перестройкам [ТМОИ, 42]. Микротопонимы, очень близкие к нарицательным словам, находятся на пути этих онимических перестроек. «Часто они еще на пути превращения в ‘имя собственное’ – пока лишь зародыши названий. Для них процесс топонимической формализации еще весь впереди, и только немногие из них пройдут этот путь до конца. Это позволяет подсмотреть сам процесс стихийного образования названия» [Никонов 1965: 47]. Иногда эти ‘зародыши названий’ трудно воспринимать как онимы. Возникнув стихийно, они напоминают обычные сочетания слов, не подвергшиеся еще онимическим перестройкам: *бородул'э вас'кон* дор. (*бородул'* – название деревни, *вас'кон* ‘спуск’), *бородул'э с'урэс* дор. (*с'урэс* ‘дорога’) А названия как *бородул'/вас'кон, бородул'/с'урэс* являются уже результатом воздействия топонимической системы, существующих в ее пределах топонимических моделей. Судьба микротопонимов либо “дорасти” до топонимов, либо исчезнуть.

Микротопонимы, находящиеся в пограничной зоне между топонимами и апеллятивами, иногда определяют не как собственные имена. В. А. Никонов называет их *полуназваниями* [1965: 20] или *эмбрионами названий* [1967: 7]. По Ю. А. Карпенко [1970: 37], они являются не названиями, а лишь эквивалентами названий. Хотя ранее он отмечал, что «с синхронической точки зрения микротопонимы – ничуть не в меньшей мере собственные имена, чем любые другие топонимы» [Карпенко 1967: 18]. «Собственными именами их делает привязанность к данным конкретным объектам, в то время как нарицательным именам такая привязанность не свойственна» [Суперанская 1967: 31]. Несмотря на промежуточное положение микротопонимов, они все же несут в себе ту денотацию, которая свойственна именам собственным: если я знаю объект речи, то одно лишь название может мне все рассказать об объекте. Микротопонимы, называя географический объект, выделяют его из числа других.

Н. В. Подольская [1967: 39, 1970: 50] считает, что микротопонимия «это такое же дочернее образование», как гидронимия, оронимия, комони-

мия, дромонимия, урбонимия и т. д. Но микротопонимия – это часть топонимической системы, которая находится совершенно в ином ряду, и ее нельзя отождествлять с другими топонимическими классами, так как при этом нарушается логичность классификации. Гидронимы, оронимы, дромонимы, комонимы и другие подобные образования классифицируются по виду именуемого объекта, а микротопонимы и макротопонимы классифируются по размеру объектов [Воробьева 1973: 17; Мурзаев 1974: 23; Фролов 1982: 27; Галкин 1997: 18].

Микротопонимия объединяет в себе несколько топонимических классов и представляет собой исторически сложившуюся и развивающуюся систему, которая предполагает единство элементов через противопоставления. Ярким примером противопоставления элементов в микротопонимической системе являются так называемые бинарные оппозиции. В микротопонимии наблюдаются оппозиции *баӟӟым* ‘большой’ – *пичи* ‘маленький’, *кыд'окыс'* ‘дальний’ – *матыс'* ‘ближний’, *вуж* ‘старый’ – *выл'* ‘новый’ и т. д. С другой стороны, любое название, возникая, уже является элементом какого-либо ряда, к примеру, по типу называемого географического объекта, по семантическим признакам названия, по структурным особенностям и т. д.

Особенностью микротопонимической системы является то, что большинство микротопонимов известно лишь в пределах одного населенного пункта. Тем не менее существуют микрообъекты, обладающие значительной степенью известности. Географические объекты в таком случае могут получить различные наименования в разных микротопонимических системах. Если в одной системе название микрообъекта определяется его природными характеристиками, отношением к нему жителей, то в других системах объект является ‘чужим’, и его название определяется системой и, как правило, образуется от ойконима [Воробьева 1973: 222]. Один и тот же топообъект может называться по-разному, напр.: лес, находящийся между дд. Бадьярово и Верхний Сюрсовай (Шарк.), называется *шыки*. Жители же другой деревни, более отдаленной от данной местности, этот лес именуют по названию деревни *бад'аро/податной*. Микрообъект получает отойконимическое наименование.

Протяженные объекты, такие как реки, в разных микросистемах получают различные названия. В поле зрения номинатора попадает лишь небольшой участок протяженного объекта и не воспринимается им целостно. Данный объект может не иметь единого названия, так как у каждого обитающего поблизости народа он именуется по-своему [Суперанская 1985: 23], либо может именоваться одинаково. Это зависит от ценности географического объекта, круга хозяйственных интересов и взаимоотношений людей, проживающих вдоль рек. Нет необходимости разграничи-

вать топонимы и микротопонимы какими-то определенными мерками, потому как под общим влиянием микросистемы названия протяженных объектов в пределах микросистемы относятся к микротопонимам, в пределах же топонимической системы – к топонимам.

Большинство топонимистов определяет микротопонимию как совокупность названий мелких географических объектов, таких, как речки, болота, рощи, луга, поля, дороги, улицы и т. п. [Никонов 1967: 5], совокупность того, что можно обнаружить лишь на крупномасштабных картах и в специальных списках и справочниках [Реформатский 1964: 22], известных обычно небольшому кругу местных жителей, и учитываются при этом не относительные, а абсолютные размеры топообъектов [Карпенко 1967: 17]. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [1988: 83] дается наиболее точное определение термина *микротопоним*: "**Микротопоним** – собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта".

Микротопонимы, включающиеся в определенный ряд и находящиеся в зависимости от этого ряда, создают микротопонимическую систему. Ясно, что микротопонимы возникают и функционируют в пределах одной микросистемы, ограниченной одним или двумя населенными пунктами. Сколько селений, столько и микротопонимических систем. Обилие однотипных наименований объясняется тем, что природно-географическая среда вокруг близлежащих поселений, хозяйственная деятельность людей были почти одинаковыми, принципы номинации одни и те же [Мамонтова 1980: 36–37, Воробьева 1987: 59]. Таким образом, повторяемость обуславливается рядом причин: общностью психологии, общностью восприятия окружающей действительности [ТМОИ, 51]. Данные микросистемы именно повторяются, а не являются одним и тем же, хотя на стыке микросистем они могут включать элементы друг друга.

В каждом населенном пункте имеется не один десяток названий географических объектов – микротопонимов. Чем древнее селение, тем многочисленнее, разнообразнее и богаче его географическая номенклатура. Комплекс географических названий каждого селения – это своего рода летопись, которая при умелом чтении раскрывает удивительно богатую историю родного края от древних эпох до сегодняшнего дня.

Вопросы и задания:

1. Назовите типы адаптаций ойконимов.
2. Чем отличается адаптация ойконимов от адаптации микротопонимов?
3. В чем отличие микротопонимии от макротопонимии и собственно топонимии?

КОСМОНИМИКА

Предмет изучения космонимики

Издревле человек наблюдал за небесными объектами. Изучение неба начиналось с наблюдений невооруженным глазом небесных тел (Солнце, Луна, созвездия, звезды). Названия давались лишь тем объектам, которые чем-то выделялись из остальных. Их замечали по «бросавшемуся в глаза признаку», они служили пространственными и временными ориентирами. Для невооруженного глаза человека более существенны были пространственные космические объекты, такие, например, как созвездия. Как излагает В. И. Звегинцев, человек, познавая посредством органов зрения созвездия, «видит их под тем углом зрения, который обеспечивает человеку его пребывание на Земле. В действительности звезды, объединяемые в созвездия, обычно не имеют между собой ничего общего... Но то обстоятельство, как их видит человек, позволяет ему группировать звезды в вышеназванные созвездия» (Цит. по: [Бондалетов 1983]). Космонимические объекты отождествлялись с предметами и понятиями материальной действительности.

Раздел ономастики, исследующий семантику, структуру, функционирование, происхождение, эволюцию собственных имен небесных объектов, называют **космонимикой**. Наряду с термином *космоним* используется как равнозначный термин *астроним.* Но Н. В. Подольская «Словаре русской ономастической терминологии» [1988: 41, 67] четко разграничивает эти термины. К *космонимам* она относит собственные имена зон космического пространства, галактики, звездной системы (созвездия), части созвездия, в то время как *астроним* – это слово или словосочетание, используемое как имя собственное при наименовании отдельных небесных тел: звезд, планет, спутников, астероидов, комет, метеоритов. Хотя для обозначения науки используется лишь один термин *астронимика*, словарь зафиксировал намечающуюся тенденцию к различению названий, с одной стороны, небесных тел, с другой – пространственых космических объектов. В. Л. Бондалетов в своей работе «Русская ономастика» (1983) для обозначения наименований как «точечных», так и пространственных объектов космоса использует термины: *космоним*, *космонимия*, *космонимика*. По Ю. А. Карпенко [1981: 11], *астронимика* или *космонимика* – это раздел ономастики, изучающий именования пространственных объединений небесных тел, как они видятся земному наблюдателю: обозначения созвездий и их частей, звездных скоплений и галактик. А. В. Суперанская считает, что термин *космонимия* является более общим, включающим названия галактик, звездных скоплений, туманностей, созвездий, термином, «*астронимия* может быть закреплен за названиями отдельных небесных тел: звезд, планет, астероидов, комет» [Суперанская 2012: 188].

С эволюцией методов и приборов, применяемых в астрономике, космическое пространство подвергается детальному изучению. В настоящее время используются и частные термины для обозначения названий космических объектов и объектов рельефа планет. К примеру, *астротопоним* – собственное имя любого объекта рельефа на любой планете. Топонимы на поверхности Венеры именуются *венусонимами,* на поверхности Марса – *марсионимами,* имя любого природного объекта на Луне называется *селенонимом* и т. д. [Планета имен].

Космонимы – это особый разряд собственных имен, возникших в довольно древний период исторического пути народа. Названия звездного неба очень ярко отражают путь познания Вселенной человеком, свидетельствуют о том, как люди в древности представляли картину мироздания, практически использовали звездное небо для ориентации во времени и в пространстве, для определения относительного или точного времени. Они, как отмечает В. А. Никонов [1975: 147], «могут служить ценными свидетелями об отдаленных периодах истории народов и языков, восполняя скудость или отсутствие письменных источников». Поэтому наименования космических объектов представляют несомненный интерес для исследователей различного профиля (астрономов, этнографов, лингвистов, географов, фольклористов и т. д.). В то же время изучение космонимов представляет определенную сложность, поскольку многие из них уже не известны и ушли в прошлое, зачастую утрачен их исторический смысл, трудно выявить ассоциации, вызвавшие возникновение тех или иных наименований.

Ориентируясь в пространстве и во времени при помощи звезд, человек давал имена небесным объектам в соответствии со своим восприятием мироздания и заселял небеса привычными для него земными существами и вещами. Охотники видели на небесных просторах охотника и диких животных (эск. *Тунгтувахляк* ‘большой дикий олень’ – созвездие Большая Медведица), животноводы отождествляли созвездия с домашними животными (адыг. *Зи шкIэр къэзытIысыжыхьа хыв* ‘буйволы, лежащие вокруг своих телят’). На небо перенесены повозка (др.-рим. *Plaustrum* ‘повозка’ – созвездие Большая Медведица), воз (укр. *Воз* – созвездие Большая Медведица), коромысло (чув. *Кĕвенте çăлтăр* ‘коромысло-звезда’ – созвездие Весы), ткацкий станок (адыг. *Вагъуэ цещэпкъо* ‘созвездие, напоминающее ткацкий станок’ – созвездие Персей), ковш (эрз. *Покш-кече* ‘большой ковш’ – созвездие Большая Медведица), сито (башк. *Илək йондоҙ* ‘сито-звезда’ – созвездие Плеяды), весы (чув. *Тараса çăлтăр* ‘весы-звезда’ – созвездие Весы), кольцо (башк. *Сынға йондоз* ‘Звезда-кольцо’ – созвездие Большая Медведица), подмётка (башк. *Олтан йондоз* ‘Звезда-подметка’ – созвездие Большая Медведица), сапог (башк. *Башмак йондоз* ‘Звезда-сапог’– созвездие Большая Медведица) и т. д. [Абдуллина, Гайдуллина 2014; Бондале-

тов, Никонов 1976: 287; Коков 1980: 262–263; Максютова 1976: 283–286; Никонов 1980: 242; Юхма 1980: 264–269]. Членение звездного неба на созвездия в разных местах и у разных народов не совпадают, отсюда и выделение различных «образов», используемых при их назывании.

Разное видение различных народов одного и того же пространственного космического объекта показывают названия Млечного пути. Для одних он – *Лыжный след*, для других – *Серебряная река*, *Путь вора соломы* он же *Тропа змеи*, *Спина бога*, *Щетина на спине*, *Дорога душ*, *Где волочили медведя*, *Песчаная река*, *Чумацкий шлях*, *Дорога в Иерусалим* (Рим, Киев и пр.) [Никонов 1973: 374].

На разнообразие названий Млечного пути обратили внимание уже в древности. Армянский математик, космограф и философ Ананий Ширакаци, живший в VII в., в своих записях отмечает, что некоторые авторы древних (античных) времен называли это созвездие Старой дорогой Солнца, другие – покрывалом Персефоны; по мнению третьих, по этой дороге Геракл увел стадо Гериона; четвертые утверждают, что это молоко, пролитое с груди Геры (жены Арамаза). Древние армяне придерживаются следующей версии: зимой Вааган украл солому с Баршаама, это как раз та дорога, на которой высыпалась солома [Никонов 1980: 243].

Обозначение Млечного Пути в качестве дороги птиц «Дорога птиц» («дорога диких гусей», «дорога журавлей», «птичья тропа», «след дороги птиц» и т. п.) известна преимущественно представителям трех языковых семей – балтам, финно-уграм и тюркам.

Финно-угорские: фин. *Linnunrata*; эст. *Linnunree* ‘птичий путь’; мар. *Кайыккомбо кашта* ‘вереница диких гусей’, *Юмын комбо корно* ‘дорога божьих гусей’, *Йӱксы корны* ‘дорога лебедей’; эрз. *Каргонь ки* ‘журавлиная дорога’, *Вырь мацына ки* ‘дорога диких гусей’; мокш. *Нармонь ки* ‘птичья дорога’, *Каргонь ки* ‘журавлиная дорога’; к. *Кай лэбзьыны туй* ‘перелётных птиц путь’, *Саридзӧ лэбзян туй* ‘Дорога к морю’, в удорском диалекте встречается *Тшӧш туй* ‘утиная дорога’; мс. *Потлёнг* ‘диких уток путь’. Другое характерное для обских угров обозначение Млечного Пути – «лыжный след» – связано с мифом об охоте на небесного лося и является единственным или абсолютно преобладающим у самодийцев и народов Восточной Сибири, нижнего Амура и Аляски. У обских угров оба обозначения существуют независимо друг от друга и относятся к разным циклам мифологических представлений [Айбабина, Безносикова 2013: 98; Березкин 2009: 104–105; Никонов 1980: 247–248; Китиков 1983: 75].

Тюркские: тат. *Киек каз юлы* ‘диких гусей путь’; чув. *Кайăк хур суле* ‘тж’; кирг. *Кш жолу* ‘тж’; казах. и к.-калп. *Кус жолы* ‘птичий путь’; турк. *Куслар холи* ‘тж’.

Мотив «птичьей дороги» наблюдается в польском (*Droga Ptasia*), литовском (*Paũščkiu kel̃ias*), латышском (*Puntu ceļš*) [Никонов 1980: 247–248].

В Средней Азии Млечный путь называют Соломенным путем. В Венгрии, Буковине, Молдавии считают, что солому украли цыгане, по этой причине созвездие получило название Цыганский путь.

Монгольские народы Млечный путь именуют Обвалившимся кусочком неба. Но более распространённым образом в монгольских языках является образ «шва»: бур. *Тэнгэриин заадаһан, Огторгойн оёдол. Тэнгэриин зуидэл*. х.-монг. *тэнгэриин заадас, тэнгэриин оёдол*, калм. *ohmphyn уидл, тенгрин* уйдл. стп.-монг. *tengri-yin oyudal, oytaryui-yin oyudal*, т. е. буквально ‘шов на небе’. У жителей Чукотки распространены наименования Пыльная река, Серебряная река, Небесная река; в Восточной Африке оно получило название Звездного моря.

У кавказских народов наименование созвездия традиционно связывают с животным миром: Караванный путь, Стадный путь и т.д. Чеченцы называют его Медвежьим путем, грузины – Местом, где прыгают ягнята. У индийских и некоторых азиатских народов Млечный путь получил название Змеиной реки, Змеиного пути и т. д. [Абдуллина, Гайдуллина 2014; Никонов 1980: 247–248; ТООНТО].

Являясь фактом естественной номинации, космонимия национальна как по своему составу, так и по характеру и количеству номинируемых объектов, она допускает варианты в номинации одного и того же объекта. Семантический массив огромен в народной космонимии. Как указывает Л. В. Бондалетов, только в говорах русского языка зафиксировано свыше 70 обозначений Млечного пути, которые можно сгруппировать в несколько «образов» (по мотивам номинации).

1. В названиях прослеживается образ «пути, дороги»: *Дорога, Дороги, Дорожка, Тропинка, Улица, Мостовая, Просека*, это «чистый» абстрактный образ пути; он встречается сравнительно редко.

2. В наименованиях Млечного пути встречается образ конкретного пути:

а) с цветовыми, пространственными и т. п. определениями: *Млечный путь, Молочный путь, Млечная дорога, Молочная дорога, Звездная дорога, Серебряная дорога, Зимняя дорога, Снежная дорога, Белый путь, Белая дорога, Светлая дорога, Белесая дорога, Небесная дорога, Мытая дорога, Лыжный след, Большая дорога, Туманная дорога*;

б) с указанием на принадлежность птицам: *Птичий путь, Птичья дорога, Журавлиная дорога, Лебединая дорога, Лебяжий путь, Гусиный путь, Гусиная дорога, Воробьиный путь, Птичий лет, Диких Гусей дорога*;

в) с указанием на принадлежность мифическим или реальным лицам: *Моисеева дорога, Макеева дорога, Исеева тропа, Соломонова дорога, Дорога Ильи Пророка, Божий путь, Божья дорога, Батыева дорога, Батыев путь, Бакеева дорога, Фараонова дорога, Путь соломщика, Тещина дорога, Чумацкий шлях, Бусурманское становище, Дорога Татарская на Святую Русь, Мамаева дорога*;

г) с указанием на направление: *Дорога на Киев, Дорога в Киев, дорога на Саров (Соров), Путь в рай, Молочная дорожка в рай, Израильский путь, Дорога на Иерусалим*;

3. Образ «реки, полосы» наблюдается в названиях: *Река, Небесная река, Ручей, Полоса*;

4. Имеются и другие обозначения (с ясными и неясными признаками) Млечного пути: *Радуга, Пояс, Коромысло, Коромысла, Стожар, Галактика, Становище, Дорожные звезды, Кищиги*» [Бондалетов 1983].

В народной космонимии огромен спектр образов, лежащих в основе названий. У каждого народа было свое видение космического объекта. Семантически одинаковые образы можно объяснить типологическими сходствами: сходные условия зарождали сходные названия. Некоторые названия можно считать заимствованиями из языков окружения, или иначе наименование космического объекта является результатом длительного контактирования одного народа с другим. Например, у венгров название Млечного пути, связанное с образом «солменного пути», заимствовано из иранских языков. Семантический ареал может отражать и генетическую общность населения. Идея «небесный шов» (или «небесная трещина») существовала в той монгольской общности, из которой развились халха-монгольский, бурятский, калмыцкий языки [Никонов 1980: 258].

Считается, что астронимы возникали как вторичные названия по отношению к созвездиям, так как для наблюдений над отдельными космическими объектами необходимы более специализированные приборы, чем просто невооруженный человеческий глаз. Но в народной космонимии и отдельные звезды могли получить названия. Привлекательными в этом отношении, на наш взгляд, являются народные наименования Полярной звезды – единственной «неподвижной» на звёздном небосклоне Евразии. Она является хорошим ориентиром, т. к. всегда указывает на север. Наблюдая движение небесных светил вокруг Полярной звезды, древние люди считали ее центром звездного неба. К примеру, в венгерском языке *Ég Köldöke* ‘пуп неба’, у краснокамских мари она предстает как *Мланде рӱдӧ шӱдыр* ‘Звезда центра Земли’, у янаульских мари – *Кӱртньӧ шӱдыр* ‘Железная звезда’, в финском *Pohjantähti* ‘северная звезда’ (*pohja* ‘север’, но лексема имеет также значение ‘дно, основа’, которое, на наш взгляд, более древнее, чем значение ‘север’). В пермских языках Полярная звезда называется как ‘звезда, находящаяся над головой’ к. вв. *Юрвыы кодзуу*, лл. *Юрйыл кодзыл*, удм. *Йырйылкизили*. У мордвы звезда считалась местом пребывания верховного *Нишки-Пас*. В башкирском языке название звезды образовано из двух сращенных корней: *тимер* ‘железо, железный’ + *казык* ‘столб’. У караханидских уйгуров звучит как *Темур казык*, у турков – *Демир казук*, *Демир-казык*, у туркменов – *Демир газык* и т. д. Древние иранцы называли полярную звезду Командующей всеми начальника-

ми (звёздами), китайцы – Небесный император. *Алтан гадаһан* – общемонгольский термин (ср. х.-монг. *Алтан гадас* калм. *Ачтн һасн.* стп.-монг. *altan ytidasu odim*) и означает буквально ‘золотой колышек’ [Абдуллина, Гайдуллина 2014; Китиков 1983: 77; Никонов 1973: 378; ТООНТО].

Научная космонимия возникла как продолжение народной, но сейчас развивается в основном за счет искусственной номинации и, в отличие от народной, стремится к отсутствию вариантов в названиях одного объекта. Во избежание путаницы астрономы всего мира ныне пользуются одинаковыми наименованиями космических объектов, причем эталоном для национальных форм названия принято считать его латинское написание: *Mercury, Venus, Mars, Jupiter, Saturn, Uranus, Neptune* и *Pluto*.

Принятые в русской научной космонимии все названия планет, кроме *Земли*, имеют иноязычное происхождение. Пять планет: *Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн* – были известны уже в древности, их могли наблюдать невооруженным глазом. Первые названия планет соответствовали именам различных богов. Пантеон богов римлян и греков совпадал, римляне греческие названия планет «перевели» на имена своих богов: ср. у греков *Гермес, Афродита, Арес, Зевс, Крон* и у римлян *Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн*.

В Древнюю Русь сначала попали греческие названия планет. В «Изборнике Святослава» (1037) представлены названия планет, к коим отнесены также солнце и луна: «седми же планитъ суть имена се: *сълньце, лоуна, зеус, эрмис, арис, афродити, кронос*». Латинские названия планет в русский язык пришли через польский и стали известны с конца XVI в., а окончательно закрепились в XVIII в. во времена Петра I [Бондалетов 1983].

Меркурий (лат. *merx* ‘товар’) – римский бог торговли, покровитель путешественников, который, по преданию, был очень быстрым, даже с крыльями на ногах. Планета Меркурий быстрее других планет перемещается по небу. В Древней Греции в разное время планета носила названия *Стилбон*, *Гермаон* и *Аполлон*.

Венера, являясь самой яркой на небе планетой, получила свое название в честь римской богини любви и красоты. Венера, светящая во время утренней и вечерней зари, имеет большое количество народных названий. В представлении людей это были два разных светила, одно из которых видно утром, до восхода Солнца, а другое – вечером, после захода Солнца.

Как «утреннюю звезду» русский народ знает Венеру под названиями *Утренняя заря, Утренняя звезда, Утреница, Утренняя зарница* или просто *Зарница, Заряница, Зарянка*. Подобные названия Венеры, указывающие на *утро* или *зарю*, известны всем славянам, например: польск. *Jutrzenka*, словинск. *Poranica*, серб.-хорв. *Зорњача*, нем. *Morgenstern* ‘утренняя звезда’.

Как вечернюю звезду Венеру в России называли *Вечерняя заря, Вечерняя звезда, Вечерница, Вечерняя зарница*. Такого рода названия есть и у других народов – польск. *Wieczornica*, серб.-хорв. *Вечерњача, Вечерка*, нем. *Abendstern* ‘вечерняя звезда’ и др.

«Утренние» и «вечерние» названия Венеры встречаются и у финно-угорских, и тюркских народов: удм. *Ӟуккизили*, коми *Асъя кыа кодзул*, мар. *Эр ӱжара шӱдыр*, марГ. *Ир жера шыдыр*; эрз. *Валскень зоря теште*, мокш. *Шобдавань тяште,* эст. *Койдутяхт* венг. *Hajnalcsillag*, башк. *Таң йондозо*, чув. *Ирхи Çорăмпуç çăлтăрĕ* ‘звезда утренней зари’; удм. *Ӝытказили*, мр. *Кас ӱжара шӱдыр*, мГ. *Вады жера шыдыр*, венг. *Esthajnalcsillag*, ‘звезда вечерней зари’, чув. *Ĕнтрĕк çăлтăрĕ* ‘звезда сумерек’, *Хĕвеланăç çăлтăрĕ* ‘зезда заката’.

Многие тюркские народы утреннюю Венеру именуют *Пастушьей звездой*, с ее появлением пастухи выводят скот на пастбище: башк. *Эңер йондозо* турецк. *çobanyılızi*, туркм. *Чобан йылдызы* и др. С этим связано и венгерское наименование *Pásztor* ‘пастух’.

Встречаются и другие названия Венеры: мар. *Чолга шӱдыр* марГ. *Цолга шыдыр* ‘яркая сияющая звезда’, венг. *Szerelemcsillag* ‘звезда любви’. В марийском и удмуртском языках используется заимствованное из тюркских языков *Чолпан*, *Чулпан*, что означает ‘светлая’. На яркость также указывают арабское (араб. *Зухра* ‘блестящая’), и якутское (*Уоттах сулус* ‘огненная звезда’) названия Венеры.

Немало у Венеры и «звериных» названий: рус. *Волчья звезда*, серб.-хорв. *Воларица, Воларка, Волоранка*, польск. *Gwiazda zwierzęca* «звериная звезда» (также *Zwierzonka*), *Wilcza gwiazda, Zajęcowa gwiazda, Gwiazda wołu*, т. е. «волчья звезда», «заячья звезда», «воловья звезда» [Айбабина, Безносикова 2013: 98–99; Карпенко 1981; Китиков 1983: 79–80; Юхма 1980: 267]

Марс назван в честь древнеримского бога войны. Красный цвет, свойственный Марсу, ассоциируется с цветом крови. Но изначально Марс был богом плодородия, и лишь позднее стал олицетворяться с греческим богом войны Аресом.

Сатурн, вторая по величине планета Солнечной системы, получил свое название в честь очень почитаемого среди римлян бога земледелия. По легенде, этот бог научил людей строить дома, выращивать растения и обрабатывать землю.

Юпитер, как и другие планеты, имел множество имен в различных культурах: *Мулу-баббар* – в месопотамской культуре, *Суй-Син* – в китайской, *Звезда Зевса* – в греческой. Окончательное название самая большая планета Солнечной системы получила в честь верховного бога Юпитера, бога неба и света.

Все эти римские названия были приняты в европейских языках и культуре, а в последующем стали стандартами в науке. Оставшиеся три планеты: Уран, Нептун и теперь уже карликовая планета Плутон, в связи со своей удаленностью от Земли, были обнаружены значительно позже, поэтому имена им дали уже не римляне.

Земля – древнейшее славянское слово, восходящее к смыслу ‘низ, поверхность’. Сначала этим словом обозначали небольшие участки, а затем и большие территории (*Киевская земля, Новгородская земля*), вообще сушу и даже весь мир. Но значение ‘планета’ появился у этого слова лишь после того, как люди узнали, что *Земля* как и другие планеты вращается вокруг Солнца [Карпенко 1981: 81].

Названия созвездий зодиака восходят к древнегреческим наименованиям. В русскую систему знаков зодиака эти названия прошли через несколько ступеней адаптации. Первая ступень проникновения названий созвездий – это заимствование греческих космонимов при помощи транслитерации. К примеру, созвездие Большой Медведицы (греч. ἄρκτος ‘медведь’) в русских источниках зафиксирован как Аркад. Вторая ступень – ступень адаптации, т. е. время становления названий знаков зодиака (XIV–XVII вв.). Как указывают Л. Ф. Фомина и Б. Н. Фомин, этот период характеризуется особенно высокой вариативностью и дублетностью обозначений, которые возникают в результате столкновения космонимов, пришедших из различных языков. В то же время среди русских наименований знаков зодиака есть небольшая группа, утвердившаяся сразу и окончательно. Таковы наименования *Рак, Лев, Стрелец.* Третья степень адаптации – подбор славянских лексических эквивалентов. Стабилизация названий знаков зодиака завершилась в русском литературном языке XIX в., когда вариативность, почти исчезает [Фомина, Фомин]. Итак, принятые в современной русской космонимии названия знаков зодиака: *Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей* и *Рыбы* – являются лексическими эквивалентами греческих наименований.

Удмуртская космонимия

Ареал распространения удмуртских космонимов в настоящее время определить сложно и не всегда возможно, поскольку многие удмуртские названия звезд забыты. Источниками для исследования послужили работы Г. Е. Верещагина [1995], Б. Мункачи [Munkácsi 1887; 1990], Й. Эрдёди [Erdődi 1970], А. И. Гатауллиной [1990; 2007], Л. Е. Кирилловой [2010; 2011], словари по удмуртскому языку [Борисов 1991; Насибуллин, Семенов 2006; УРС 1983; УРС 2008], а также экспедиционные материалы Л. Е. Кирилловой, собранные в разных районах Удмуртии.

Не сохранились и легенды, в которых так или иначе объясняется происхождение звездных имен. Мы можем назвать, пожалуй, одно предание о внешнем облике Луны – наличие ярких пятен на луне, напоминающих девушку с ведрами и коромыслом, которое повествует о том, что у одного удмурта умерла жена, и он женился на злой свояченице. Она очень обижала падчерицу: заставляла много работать, постоянно ругала и даже била её. Когда в один из рождественских вечеров, в полнолуние, (по другим источникам, ранним утром), девушка пошла за водой и, горько плача, пожаловалась на свою злую мачеху, попросила у Луны покровительства. Пожалела Луна бедную девушку и подняла ее к себе вместе с ведрами и коромыслом. И если в яркую лунную ночь смотреть на Луну, то можно увидеть ту девушку с ведрами и коромыслом. Это предание опубликовано в работе венгерского ученого Б. Мункачи «Votják népköltészeti hagyományok» (Budapest, 1887) [Munkácsi 1887: 57] и с некоторыми изменениями в сборнике «Ватка но Калмез» [Ватка но Калмез 1971: 17].

Похожие легенды известны у тюркских народов, но в них Луна (*Ай*) представлена в облике мужчины, влюбившейся в юную красавицу Зухру, которую он затем поднял к себе вместе с ведрами и коромыслом [Максютова 1991: 187].

Г. Е. Верещагин записал такое поверье о Млечном Пути: «Если бы не было этой дороги, то дикие гуси при перелете с запада на север и с севера на запад могли бы заблудиться и оттого перевелись бы все» [Верещагин 1995:81].

Следует указать, что люди старшего поколения сейчас могут назвать не более трех-четырех, реже пяти, названий звезд. Однако у древних удмуртов их было немало. Составленная нами картотека удмуртских космонимов составляет 50 наименований. В это число не включен сомнительный космоним *Путкиӟили* ‘созвездие Плеяды’, представленный в словаре Т. К. Борисова [Борисов 1991: 133]. По нашему мнению, это название является ошибочным написанием от *Пужкизили*. Наше сомнение подтверждается тем, что: 1) на другой странице словаря зафиксировано название *Пужкизили ~ Пужкиӟили* ’Плеяды, Семизвездие’ [Борисов 1991: 232]; 2) ни в одном источнике не встречается данный космоним. Все выявленные из разных источников названия небесных объектов – это в общей сложности названия для наименования 14 объектов. Здесь не рассматриваются названия таких небесных объектов, как: *Музъем* ‘Земля’, *Толэзь* ‘Луна’ и *Шунды* ‘Солнце’, известные и общераспространенные во всех диалектах и литературном языке. Анализу подвергаются 47 космонимов для наименования 11 объектов звездного неба.

Для обозначения звезды в удмуртском языке используется слово *кизили* ‘звезда’, для обозначения созвездия – *кизилиогазеяськем, кизилисюрос, инкизилисюрос, кизилисузьет,* где *огазеяськем, сюрос, сузьет* выражают

понятие ‘скопление (звезд)’. Но следует отметить, что в собственных названиях созвездий встречается, как правило, лишь только слово *кизили*, т. е. не различаются звезды от созвездий, например: а) названия звезд: *Уйкизили, Уйшоркизили* ‘Полярная звезда’; *Ӟардонкизили, Ӵуккизили* ‘Венера (Утренняя звезда)’; *Ӝыткизили* ‘Венера (Вечерняя звезда)’; б) названия созвездий *Букокизили* ‘Большая Медведица’; *Ӝӧккуккизили* ‘созвездие Ориона’; *Люккизили, Шерпужкизили, Чӧшкаркизили* ‘созвездие Плеяды’.

Для обозначения общих понятий небесных светил имеются следующие лексемы, производные от слова *кизили*: *быжокизили* ‘комета’ (букв. ‘звезда с хвостиком’ или ‘хвостатая звезда’), *инкизили* ‘звезда, светило’ (букв. ‘небесная звезда’), *усиськизили* ‘метеорит’ (букв. ‘падающая звезда’), *инкӧльы* ‘метеорит’ (букв. ‘небесная галька или мелкий камешек’), но они «не принимают участие» в образовании космонимов.

Основными принципами номинации удмуртских космонимов явились:

а) расположение звезд на небе, например: *Инкизили* ‘Полярная звезда’ (букв. ‘небесная звезда’); *Йырйылкизили* ‘Большая Медведица’, ‘Полярная звезда’ (букв. ‘звезда над головой’); *Полярной кизили* ‘Полярная звезда’; *Уйкизили* ‘Полярная звезда’ (букв. ‘северная звезда’); *Шундыдоркизили* ‘Меркурий’ (букв. ‘звезда вблизи Солнца’). К этой группе в большинстве случаев относятся названия, относящиеся к Полярной звезде, расположенной вблизи северного полюса, являющейся самой яркой звездой созвездия Малой Медведицы;

б) относительное время появления звезд на видимом человеку небе. Сюда относятся наименования для обозначения Венеры, которые подразделены на две группы космонимов: 1) звезды, появляющиеся на видимом человеку небе вечером: *Ӝыткизили* (букв. ‘вечерняя звезда’); *Ӝытчулпон* (букв. ‘вечерняя звезда’); 2) звезды, появляющиеся рано утром: *Ӟардонкизили, Сактонкизили, Югдонкизили* (букв. ‘звезда рассвета’), *Югытлуонкизили* (букв. ‘звезда наступления рассвета’); *Ӵуккизили* (букв. ‘Утренняя звезда’); *Ӵукпалкизили* (букв. ‘подутренняя звезда’). Еще представлены названия: *Зоринчакизили* ‘Сириус’ (букв. ‘звезда зари’); *Зорница* ‘Сириус’ (< рус. *Зарница*); *Уйшоркизили* ‘Полярная звезда’ (букв. ‘полночная звезда’);

в) количество звезд в созвездии: *Сизьымкизили* ‘Большая Медведица’ (букв. ‘семь звезд’); *Ӟедыганкизили* ‘Большая Медведица’, ‘Полярная звезда’ (букв. ‘семь звезд’ – *ӟедыган* < башк. *етеген* ‘семь’);

г) относительная величина объекта: *Бадӟымкобы* ‘Большая Медведица’ (букв. ‘Большой Ковш’); *Бадӟым Медведица* ‘Большая Медведица’; *Пичи Медведица* ‘Малая Медведица’;

д) характеристика объекта, его признак: *Кузьбыжокизили* ‘Большая Медведица’ (букв. ‘длиннохвостая звезда’);

е) ассоциация с каким-либо определенным предметом быта, птицей, животным: *Валйыркизили* ‘Малая Медведица’ (букв. ‘звезда – лошадиная

голова’); *Ӟазегсюрес*, *Кырӟазегсюрес*, *Лудӟазегсюрес*, *Лудӟазегкошконсюрес* ‘Млечный путь’ (букв. ‘дорога гусей’, ‘дорога диких гусей’); *Исьникуткизили* ‘Северная Корона’ (букв. ‘звезда – изношенный лапоть’); *Кобыкизили* ‘Полярная звезда’ (букв. ‘звезда – ковш’); *Таразикизили* ‘созвездие Ориона’ (букв. ‘звезда – весы’ – *тарази* < тат. *тарази* ‘весы’); *Ӝӧккуккизили* ‘созвездие Ориона’ (букв. ‘звезда – ножка стола’) и т. д. По мнению Т. Г. Владыкиной [1997: 172], в названии *Ӝӧккуккизили* утрачена лексема *ин* ‘небесный’, что означало «Звезда ножки небесного стола».

Определенный интерес представляет характер употребления космонимов в удмуртском языке. Одни небесные объекты имеют лишь одно название, например: *Виркизили* ‘Марс’ (букв. ‘кровавая звезда’); *Шундыдоркизили* ‘Меркурий’ (букв. ‘звезда вблизи Солнца’), *Исьникуткизили* ‘созвездие Северная Корона’ (букв. ‘звезда изношенный лапоть’). Для наименования других известны несколько названий, например:

Большая Медведица: *Бадӟымкобы* (букв. ‘большой ковш’), *Бадӟымедведица* (букв. ‘Большая Медведица ’), *Букокизили* (букв. ‘звезда – дуга (часть упряжи)’), *Ӝӧккуккизили* (букв. ‘звезда – ножки стола’), *Ӟедыганкизили* (букв. ‘семь звезд’); *Йыркизили* (букв. ‘звезда над головой’), *Йырйылкизили* (букв. ‘звезда над головой’), *Кобыкизили* (букв. ‘звезда-ковш’), *Кузьбыжокизили* (букв. ‘длиннохвостая звезда’), *Сизьымкизили* (букв. ‘семь звезд’);

Малая Медведица: *Валйыркизили* (букв. ‘звезда – лошадиная голова’), *Исьникуткизили* (букв. ‘звезда изношенный лапоть’); *Пичимедведица* (букв. ‘Малая Медведица’);

Полярная звезда: *Инкизили* (букв. ‘небесная звезда’); *Йырйылкизили* (букв. ‘звезда над головой’), *Полярной кизили* (букв. ‘полярная звезда’), *Уйкизили* (букв. ‘северная звезда’), *Уйшор кизили* (букв. ‘полночная звезда’);

Млечный путь: *Ӟазегкизили* (букв. ‘гусиная звезда’), *Ӟазегкошкон* (букв. ‘отлет гусей’), *Ӟазегпытьы* (букв. ‘гусиный след’), *Ӟазегсюрес* (букв. ‘гусиная дорога’), *Кизилисюрес* (букв. ‘звездная дорога’), *Кырӟазегсюрес* (букв. ‘дорога диких гусей’), *Лудӟазегкошконсюрес* (‘дорога отлета диких гусей’), *Лудӟазегсюрес* (‘дорога диких гусей’);

Созвездие Ориона: *Ӝӧккуккизили* (букв. ‘звезда – ножки стола’), *Каразикизили* (букв. ‘звезда – весы’ – *карази* < *тарази*), *Таразикизили* (букв. ‘звезда – весы’ – *тарази* < тат. *таразы* ‘весы’);

Созвездие Плеяды: *Валвиркизили* (букв. ‘звезда – лошадиная кровь’), *Инкуткизили* (букв. ‘звезда – небесные лапти’), *Люккизили* (букв. ‘звездное скопление’), *Пужкизили* (букв. ‘звезда – решето’), *чӧшкаркизили* (‘звезда – утиное гнездо’), *Шерпужкизили* (букв. ‘звезда – редкое решето’).

Весьма любопытно, что звезда Венера во многих языках представлена как два небесных объекта. Это объясняется тем, что она видна ранним утром, до восхода Солнца, и вечером, после его захода [Карпенко 1981:

79]. Подобное явление наблюдается и в удмуртском языке. Так, для обозначения Венеры как утренней звезды встречаются следующие названия: *Ӟардонкизили* (букв. ‘звезда рассвета’), *Сактонкизили* (букв. ‘звезда рассвета’), *Чулпонкизили* (букв. ‘звезда Венера’ – *чулпон* < тат. *Чулпан* ‘Венера’), *Ӵуккизили* (букв. ‘утренняя звезда’), *Ӵукпачулпон* (букв. ‘утренняя Венера’), *Ӵукпалкизили* (букв. ‘подутренняя звезда’), *Югдонкизили* (букв. ‘звезда рассвета’), *Югытлуонкизили* (букв. ‘звезда наступления зари’).

Венера (Вечерняя звезда): *Ӝытгизили* (букв. ‘вечерняя звезда’), *Ӝытчулпон* (букв. ‘вечерняя Венера’).

Многие удмуртские космонимы имеют соответствия и в других языках, как в родственных, так и в неродственных. Так, название Большой Медведицы во многих языках представлено как семь звезд (по количеству звезд в созвездии), ср.: удм. *Сизьымкизили* (букв. ‘семь звезд’); к. *Сизима кодзув* [КРС 2000: 280]; фин. *Seitsentähti* [Erdődi 1970: 51]; мар. *шым шӱдӱр*, мокш. *сисемь тяшть*, эрз. *сисемь тешть*, ненец. *Си’ив со’ом* [Erdődi 1970: 62]; тат. *Җидегән Йолдыз* (букв. ‘семизвездие’) [ТРС 1966:761; РТС 1985: 44] и *Олы Җидегән* (*йолдыз*) (букв. ‘большое семизвездие’) [ТРС 1966: 761]; башк. *Етеген йондоз* [Бондалетов, Никонов 1976: 288]; чув. *Çич çӑлтӑр* (букв. ‘семь звезд’) [ЧРС 1982: 421]; нем. *siebengestirn* [Erdődi 1970: 51] и т. д.

Для номинации Большой Медведицы, в некоторых случаях и Малой Медведицы, характерно использование образа ковша, например: удм. *Кобыкизили* (букв. ‘ковш-звезда’); к. *Кӧша кодзув* (букв. ‘ковш-звезда’) [КРС 2000: 280), *Ичӧт Кӧш* ‘Малая Медведица’ (букв. ‘маленький ковш’) [КРС 2000: 308]; мар. *Кугу корка шӱдыр* ‘Большая Медведица’ (букв. ‘звезда – большой ковш’), *Изи корка шӱдыр* ‘Малая Медведица’ (букв. ‘звезда – маленький ковш’) [РМС 199: 168]; мокш. *Кархкя тяште* ‘Большая Медведица’ (букв. ‘ковш-звезда’), эрз. *Покш-кече* ‘Большая Медведица’ (букв. ‘большой ковш’) [Бондалетов, Никонов 1976: 288]; чув. *Алтӑр çӑлтӑр* ‘Большая Медведица’ (‘ковш-звезда’) [ЧРС 1982: 31], тюрк. *Сумес Юлдуз* (букв. ‘ковш-звезда’) [Максютова 1991: 186]; рус. *Ковш, Ковшик, Большой Ковшик* ‘Большая Медведица’ [Рут 1987: 17], *Малый Ковш* ‘Малая Медведица’ [Рут 1992: 54] и т. д.

Интересна продуктивная модель для обозначения созвездия Плеяды, основой которой является отождествление с таким предметами быта, как решето, сито, например: удм. *Пужкизили* (букв. ‘звезда – решето’), *Шерпужкизили* (букв. ‘звезда – редкое решето’); лив. *sogl, sugl* (букв. ‘решето’); мар. *Шоктешӱдыр* (букв. ‘решето-звезда’); фин. *Seulajajnen, Seulainen, Seulaset, Seulalaiset* (букв. ‘отверстия маленького решета’); эст. *suur sozel* (букв. ‘большое решето’), *sozela tähed* (букв. ‘решето-созвездие’), *taeva sozel* (букв. ‘небесное решето’) [Рут 1987: 44]; венг. нар. *Szitáslyuk* (букв. ‘отверстия сита’) [Erdődi 1970: 99]; башк. *Илэк йондоз* (букв.

‘звезда-сито, ситообразная звезда’) [Максютова 1976: 286; Бондалетов, Никонов 1976: 288], чув. *Ала çăлтăр* (букв. ‘звезда-решето’) [ЧРС 1982: 29]; рус. *Решето*, *Решетка*, *Сито* [Рут 1987: 44]; калм. *Тенгрин шур* (букв. ‘небесное решето’, ’сито’) [Очирова 1991: 194] и т. д.

В космонимии нашли отражение и образы птиц. Одна из таких моделей для номинации созвездия Плеяды отождествляется с понятием ‘птичье (утиное, куриное) гнездо (с яйцами)’, например: *удм. диал. чӧшкаркизили* (‘звезда – утиное гнездо’), к. *Утка поз* (букв. ‘гнездо утки’) [Erdődi 1970: 96]; морд. *Озонянь полк* (букв. ‘утиное гнездо’) [Erdődi 1970: 97]; рус. *Утичье гнездо*; укр. *Квочка* [Бондалетов, Никонов 1976: 289]; рус. *Гнездо*, *Птичье Гнездо*, *Утиное гнездо*, *Курица с цыплятами*, укр. *Квочка с курятами* [Карпенко 1981: 52]; чеш. *slepices*, *kuřatky* (букв. ‘курицы, цыплята’); нем. *Gluckhenne* ‘наседка, несушка’ [Erdődi 1970: 97] и т. д.

Возможно, многие из этих рассмотренных названий образовались самостоятельно в разных языках. Совпадение в семантике некоторых космонимов могло быть и в результате языковых контактов. Изучение названий звездного неба в разных языках позволит выявить некоторые закономерности в номинации астрономических объектов, определить специфику языковых контактов и реконструировать в определенной мере сохранившиеся фрагменты астрономической системы.

Вопросы и задания:

1. Назовите удмуртские названия полярной звезды. Объясните, с чем связаны данные названия?
2. У Г. Е. Верещагина в работе «Вотяки Сосновского края» записано такое поверье о Млечном Пути: «Если бы не было этой дороги, то дикие гуси при перелете с запада на север и с севера на запад могли бы заблудиться и оттого перевелись бы все».
3. Существуют различные народные толкования лунных тёмных пятен. Какие интерпретации Вы еще знаете?

ФИТОНИМЫ

В современной лингвистике термин *фитоним* имеет два значения: собственное имя отдельного растения; 2) название видов растений. Впервые термин *фитоним* в значении ‘собственное имя отдельного растения’ был употреблен в книге А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного» (1973), а как название всех видов растений было представлено в лексикографических работах Т. А Бобровой [Батаева, Каримова; Летова 2012: 31]. Итак, термин *фитоним* в 90-х гг. XX в. был закреплен лексикографической практикой в своем широком понимании и представлен как неологизм, образованный от греческого сочетания *phyton* ‘растение’ и *onyma* ‘имя, название’.

Понимание имени собственного в применении его к названиям растений является до сих пор вопросом дискуссионным. Каждая ботаническая реалия имеет два названия: научное и народное. Научное наименование растений ученые относят к терминам на основании, что для них характерна определённая дефиниция и прикреплённость к латинскому термину. Народные названия растений в противовес научным нельзя относить к терминам потому, что в говорах одно и то же название может обозначать разные растения и одно и то же растение может иметь разные названия. Народные названия многозначны, не имеют строгих правил именования, никак не связаны с понятиями ботаники. Для народной номинации не характерно называние отдельно взятых трав индивидуальным именем. Крупные объекты номинатор расчленяет на отдельные объекты, а мелкие объекты увеличивает, собирая их под одним названием. Поэтому термином фитоним обозначаются также народные ботанические названия [Квашнина 2008].

Учитывая тот факт, что само понятие *термин* имеет тенденцию моносемантичности в пределах терминологического поля, собственно два понятия следовало бы разложить на два термина: *фитоним* и *фитономен*. *Фитоним* – собственное имя отдельного растения (в большинстве случаев деревьев) и название сорта растения, в то время как *фитономен* – народное название видов растений терминологического характера.

В данной работе к фитонимам относим собственные имена отдельных растений. В большинстве случаев собственное имя (фитоним) дерева состоит из имени нарицательного (существительного) – ботанического термина и приложения (прилагательное), несогласованного определения, делающего его именем собственным.

Собственные имена отдельных растений встречается довольно редко. В большинстве случаев наименования получают деревья, которые являются хорошими ориентирами. В удмуртской микротопонимии встречаются названия отдельно стоящих деревьев.

В исследованных нами наименованиях определяющим словом является апеллятив, обозначающий тот или иной вид дерева. В микротопонимах представлены названия следующих деревьев: *кыз* ‘ель’, *пужым* ‘сосна’, *кызӟпу ~ кыс′пу ~ кычпу* ‘берёза’, *бэриз′ ~ бэриӟ ~ бэрыз′ ~ бэрыӟ* ‘липа’, *тыпы* ‘дуб’, *н′ылпу* ‘пихта’, *с′ирпу* ‘вяз’, *л′ӧмпу* ‘черемуха’, *бат′пу* ‘ива’, которые произрастают на территории Удмуртской Республики. Фитонимы-ориентиры можно подразделить на следующие группы:

1. Названия, в которых дается характеристика деревьев как географических объектов: *баблескычпу* (Чумой Ув.) (‘кудрявая береза’); *губрес*/*бериӟ* (Левые Гайны Сюмс., Нов. Монья Селт.) (‘горбатая липа’); *чебер*/*кыз* (Удм. Зязьгор Кез.) (букв. ‘ель с головой’); *палсуй*/*пужым* (Туканово

Сюмс.) (‘однорукая сосна’ – с одной стороны не было ветвей) и т. д. Эти названия характеризуют видение человеком окружающей природы. Иногда деревья олицетворяются с человеком, с его внешностью.

2. Иногда в микротопонимах-названиях деревьев в качестве первого компонента выступают этнонимы, например: *бигеркыӟпу* (д. Квашур Селт.) (букв. ‘татарская береза’); *чигантыпы* (д. Эгыр Сюмс.) (‘цыганский дуб’ – под этим дубом останавливались цыгане) и т. д.

3. Микротопонимы могут также рассказать о различных событиях или случаях: *макарӵашъемкыз* (д. Тылыглуд Сюмс.) (ель, где ударило молнией Макара); *карпакулэм*/*кыз* (д. Кузюмово Алн.) (у этой ели умер Карп); *микальбериӟ* (д. Лудзи-Жикья Селт.) (у этого дерева бык забодал Михаила); *насьтакыз* (Байвал, Ильяпиево, Сетпиево Игр.) (под этой елью во время полевых работ Настя родила ребенка) и т. д.

В названиях деревьев отразилось и одно из страшных социальных явлений – суицид, напр.: *онька*/*пужым* (д. Малые Сюмси Сюмс.) (‘сосна Аникия’ – на сосне повесился Аникий); *пэдор*/*ошкон*/*кыз* (Бобья-Уча М.-Пург.) (ель, на которой повесился Федор) и т. д.

4. Особенно много названий, в которых отразились отголоски народных обычаев и обрядов. В названиях деревьев нашли отголоски семейные обряды (свадебный обряд; обряды, связанные с воинской службой и проводами в рекруты; обряды, связанные с похоронами и с почитанием умерших родственников), наиболее важные в жизни человека: *сюанвозьманкыз* (Чабишур Ув.) (ель, [стоящая на окраине селения], у которой во время свадьбы встречали сюанчи – поезжан от жениха’); *салдаткелянкысьпу* (Водзимонье Вав.) (береза [в конце селения], у которой провожающие прощались с рекрутами’); *чыртиёкыз* (Новый Чультем, Завьял.); *кудыкуянкыз* (Ст. Какси Сюмс.) (ель, к которому по дороге на кладбище бросали луб, на котором обмывали покойника); *йырпыдсётонкыз* (Латыри, Толошур Селт.) (’ель, к которой бросали кости домашних животных, проводя обряд задабривания умерших родственников’).

5. В микротопонимах широко отразились народные обычая и обряды, связанные с календарными праздниками: *акаӵкапужым* (Пазял Можг.) ~ *акашкапужым* (Нов. Уча Мамадыш. Тат.) (сосна, около которой во время Пасхи скакали на лошадях); *таган*/*кыз* (Павлово, Ув.) (ельс подвешенными на них качелиями, на которых качались во время Пасхи и др. праздников) и т. д.

6. Выявлены микротопонимы, связанные с религиозными верованиями и обрядами: *вӧсяськонтыпы* (Оркино Алн., Балма Сюмс.) (дуб, под которым молились); *кереметпужымъёс* (Капустино М.-Пург.) (сосны, под которыми молились злому божеству Кереметю) и т. д.

7. Зафиксированы также микротопонимы, прямо или косвенно отражающие какие-либо занятия: *кӧланкыз* (Артемьевцы Як.-Б.; Тылыглуд

Сюмс.) (под большой раскидистой елью ночевали во время полевых работ); *пукл′о*/*ошэм*/*кыз* (д. Шушангурт Игр.) (ель, на которой были развешаны колоды для пчел).

В нашей картотеке насчитывается 262 фитонима. Проанализировав частоту употребления апеллятивов, обозначающих различные виды деревьев, приходим к следующему выводу: чаще всего в микротопонимах встречается *кыз* ‘ель’ (137 раз), *кыӟпу ~ кыс′пу ~ кычпу* ‘береза’ (37), *пужым* ‘сосна’ (32), *бэриз′ ~ бэриӟ ~ бэрыз′ ~ бэрыӟ* ‘липа’ (28), *тыпы* ‘дуб’ (18), *с′ирпу* ‘вяз’ и *н′ылпу* ‘пихта’ (по 3 раза), *л′ӧмпу* ‘черемуха’ (2), *топол′* ’тополь’ и *бат′пу* ’ива’ (по 1 разу). Это объясняется тем, что: 1) среди всех разнообразных видов и семейств растительного мира деревья являются наиболее долголетними и наиболее крупными, а следовательно, бросающимися в глаза при назывании объектов, поэтому деревья становятся ориентирами на местности; 2) хозяйственная необходимость деревьев для людей, живущих в лесополосе, является также немаловажным фактором; 3) в прошлом существовал культ деревьев, им зачастую приписывались волшебные силы и свойства. И главными деревьями были ель и сосна. Моления и жертвоприношения совершались под елью, сосной, березой, дубом. Для многих народов, в том числе удмуртов, марийцев, эстонцев, ханты и манси, было характерно почитание священных рощ и отдельных деревьев. А. Вюрес в книге «Деревья и люди» отмечает, что культ деревьев является древним и широко естественным явлением, характерным для многих народов, в том числе балтов, германцев и финно-угров, что их близкие, интимные взаимоотношения с деревьями объясняются условиями их жизни в лесной зоне [Vüres 1975: 46]. Религиозные представления манси, связанные с деревьями, и их отражение в топонимах описывается в статье Д. Д. Власовой [1980: 57–62] и монографии И. Н. Гемуева и А. М. Сагалаева [1986].

ЗООНИМЫ

Зоонимы – это имена собственные животных, птиц, или иначе клички животных. Следует отметить, что далеко не каждое животное наделяется именем. Дикие животные зачастую не получают индивидуальных кличек. Собственные имена даются домашним животным (кошкам, собакам, коровам, лошадям и т. д.); животным, содержащимся в зоопарке, цирке; вымышленным животным.

Удмуртская зоонимика является далеко не разработанной областью ономастики. Имеются лишь две небольшие статьи по данной тематике: совместная статья Г. А. Архипова и В. И. Иванова «Зоонимы Удмуртии» (1971) и «Зоонимы одного колхоза» (1976) Г. А. Архипова. На основе данных статей рассмотрим клички лошадей, коров, собак, принятые в уд-

муртских селениях. В статьях анализируются индивидуальные названия животных на территории Нижнеюрьинского сельсовета (ныне Нижнеюрьинской сельской администрации) Малопургинского района и колхоза «Родина» Ярского района. Удмуртские зоонимы характеризуют своих носителей по масти и внешним признакам, а также по физическим недостаткам:

клички лошадей: *Ӟичы* ‘лиса’, *Комак* ‘крыса’, *Падыш* ‘белоногий’, *Кашко* ‘с белым пятном’, *Кельыт* ‘рыжий’, *Куло* ‘саврасый’, *Горд кобла* ‘рыжая кобыла’, *Чалой кобла* ‘чалая кобыла’ (по масти), *Чуткук* ‘хромая’, *Палсин* ’одноглазая’ и т. д.;

клички коров: *Падыш* ‘белоногая’, *Тӧдьыбам* ‘белая морда’, *Тӧдьыйыр* ‘белая голова’, *Сьӧдбыж* ‘черный хвост’, *Комоло* ‘безрогая’, *Палсюр* ‘однорогий’, *Бекче* ‘бочка’, *Вормостэм* ‘упрямая’ и т. д.

клички быков и телят: *Падыш* ‘белоногая’, *Кашко* ‘с белым пятном’, *Ошак* (< *ош* ‘бык’), *Месак* (< *мес* ‘телка’), *Чымбыр* ‘егоза’;

клички коз: *Кече* (< *кеч* ‘коза’), *Быжтэм* ‘безхвостая’, *Сюртэм* ‘безрогая’;

клички овечек: *Падыш* ‘белоногая’, *Кашко* ‘с белым пятном’, *Мачи*;

клички собак: *Падыш* ‘белоногая’, *Лусьтро* ‘лохматый’, *Куча* ‘собака, щенок’, *Шушань* ‘некрасивый’;

клички кошек: *Гордай* (< *горд* ‘рыжий’), *Писи* ‘кошечка, котёночек’, *Чысӥ* ‘кот, кошка’, *Синтэм* ‘слепой, ослепший’, *Сьӧдай* (< *сьӧд* ‘черный’) и т. д.

Среди зоонимов можно выделить единичные и множественные. К множественным относятся те зоонимы, которые благодаря высокой частотности использования превратились как бы в стандартные клички. Среди удмуртских названий к стандартным кличкам можно отнести клички, обозначающие масть животного. Например, *Падыш, Кашко* – наименование по масти – является полифункциональным зоонимом, применяющимся к разным видам животных.

Удмуртские исследователи в своих работах рассматривают индивидуальные наименования животных общественных хозяйств, поэтому анализу подвергаются в основном клички коров и лошадей. Как отмечают авторы вышеназванных статей, многие клички образованы от русских слов, которые обозначают масть животного, его возраст, размер, свойства характера, внешний вид и т. п. Источники образования зоонимов довольно разнообразны. Среди них можно выделить:

1) зоологические номены: *Лось, Белка, Ласточка, Ворона, Бабочка; Зубрик, Петушок, Орлик, Орленок, Голубка, Ласка*;

2) фитономены: *Ёлка, Ольха, Верба, Астра, Лилия, Ромашка; Яблочко, Лимонка, Роза*;

3) названия времен года, суток, месяцев, а также природных явлений: *Зима, Весна, Апрелина, Ночка, Молния, Радуга, Снежинка; Ураган, Волна*;

4) слова, указывающие на должность, специальность и место человека в обществе: *Ударница, Гадалка: Атаман, Герой, Пилот, Моряк*;

5) от названий различных предметов: *Лампа, Лучинка; Баян, Зонтик*;

6) слова, указывающие на отвлеченные понятия: *Фантазия, Мечта, Шутка, Летун*;

7) слова, указывающие на нрав обладателя имени: *Буйная, Гордая, Резвая; Умник, Ловкая*;

8) названия по масти: *Чернушка, Пёстрая, Седая, Тёмная; Серко, Лазурный* и т. д.

Среди кличек коров и лошадей можно выделить единичные и множественные зоонимы. Стандартными именованиями являются *Ласточка, Голубка, Ракета*, являющиеся как кличками коров, так и кличками лошадей.

Типичными кличками можно считать *Шарик, Тузик, Бобик* (клички собак), *Васька, Мурка, Мурзик* (клички кошек), *Астра, Ночка, Милка, Мая* (клички коров), *Орлёнок, Гром, Серко* (клички лошадей). В семантике этих зоонимов закреплён категориальный признак – отнесённость к тому или иному виду животных.

Как указывает Д. И. Ермилович [2001: 48], «когда зооним приобретает статус типичной клички какого-либо вида животных, он легко обретает вторичную классифицирующую номинацию, то есть как бы снова переходит в разряд нарицательных имён. Таковы, например, популярные в прошлом собачьи клички *Бобик, Шарик, Барбос, Жучка*, которые сегодня хотя и осознаются как собачьи клички, но используются в речи и для обозначения любой собаки».

Существует определенное различие в наименованиях животных в общественном и индивидуальном секторе. В семантическом отношении клички животных, находящихся в индивидуальных хозяйстве, более мотивированы. В общественном секторе набор кличек более разнообразен и чаще всего носит стихийный характер.

Следует отметить, что зачастую клички собакам и кошкам дают дети. В прежние времена часто встречались такие собственные имена: *Мурзик*, *Мурка*, *Бобик*, *Рекс*, *Шарик* и т. д. В настоящее время они тоже претерпели изменения. Кличками становятся имена героев мульфильмов, различных киносериалов, личные имена и фамилии каких-либо известных людей и др.: *Афоня*, *Круз*, *Отелло*, *Ричард*, *Тигра*, *Фэрри*, *Чубайс*, *Чип*, *Шумахер* и т. д.

Список использованной литературы

Абдуллина Г. Р., Гайдуллина Г. Д. Наименования небесных тел (на материале башкирского языка). 2014. [Электронный вариант]. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fekoncept.ru%2F2014%2F54492.htm%3Fdownload&c=559eca4eb81a (дата обращения: 9.07.2015).

Айбабина Е. А., Безносикова Л. М. О некоторых народных космонимах и астронимах в коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (14). – Сыктывкар, 2013. – С. 96–100. [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-narodnyh-kosmonimah-i-astronimah-v-komi-yazyke (дата обращения: 16.07.2015).

Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1985. – 144 с.

Аксенова О. П. Коми-пермяцкие географические термины и их функционирование в топонимии Верхнего Прикамья / ГОУВПО «УдГУ». – Ижевск, 2008. – 184 с.

Антошин А. Н. Прозвища жителей с. Монакова // Ономастика Поволжья 2. (Материалы II Поволжской конференции по ономастике). – Горький, 1971. – С. 98–100.

Архипов Г. А. Удмурт нимъёс но инты нимъёс // Молот. – Ижевск, 1963. – № 4. – С. 60–64.

Архипов Г. А. Удмуртские заимствования в русском языке (на материале ономастики) // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений. – Сыктывкар, 1965. – С. 6–8.

Архипов Г. А. Мар сярысь верало вашкала нимъёс? // Молот. – Ижевск, 1968. – № 7. – С. 62–64.

Архипов Г. А. Прозвища жителей деревни Средние Юри // Ономастика Поволжья 3. – Уфа, 1973. – С. 159–161.

Архипов Г. А. Фамилии, образованные от удмуртских слов // Вопросы финно-угроведения. – Саранск, 1975. – Вып. VI. – С. 18–24.

Архипов Г. А. Зоонимы одного колхоза // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 313–316.

Архипов Г. А. Некоторые вопросы удмуртской ономастики // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов. – Ижевск, 1977. – С. 110–123.

Архипов Г. А. О формах субъективной оценки личных имен в говоре слободских удмуртов // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. статей. – Ижевск, 1989. – С. 162–168.

Архипов Г. А., Иванов В. И. Зоонимы в Удмуртии // Ономастика Поволжья 2. (Материалы II Поволжской конференции по ономастике). – Горький, 1971. – С. 306–310.

Атаманов М. Г. Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. Вып. 3. – Ижевск, 1975. – С. 35–41.

Атаманов М. Г. Ойконимы Граховского района // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 221–224.

Атаманов М. Г. Гуртлэн нимыз // Молот. – 1978. – № 2. С. 47–48.

Атаманов М. Г. Удмуртские топонимы бассейна Вятки // СФУ. – 1983. – № 2. – С. 115–125.

Атаманов М. Г. Архаическая лексика в удмуртской топонимии // СФУ. – 1984. – № 3. – С. 178–183.

Атаманов М. Г. Ку но кызьы кылдйзы асьмелэн фамилиосмы? // Молот. – Ижевск, 1986. – № 10. – С. 30–31.

Атаманов М. Г. О некоторых топоформантах в гидронимии Удмуртии // СФУ. – 1987. – № 2. – С. 112–116.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.

Атаманов М. Г. Общепермский пласт удмуртских антропонимов // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. статей. – Ижевск, 1989. – С. 169–181.

Атаманов М. Г. Гибридный удмуртско-тюркский пласт антропонимов // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. статей. – Ижевск, 1990. – С. 14–18.

Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 395 с.

Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.

Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001.

Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории формирования удмуртских регионов. – Ижевск, 2005. – 216 с.

Атаманов М. Г. Ономастикон удмуртского эпоса «Тангыра» // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (21–22 октября 2008 г., Ижевск). – Ижевск, 2008. – С. 57–64.

Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.

Атаманов-Эграпи М. Г. Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. – 976 с.

АТД–1956 – Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 сентября 1955 г. – Ижевск, 1956. – 228 с.

АТД–1957 – Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 августа 1957 г. – Ижевск, 1957. – 228 с.

АТД–1965 – Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 июня 1965 г. – Ижевск, 1965. – 180 с.

АТД–1972 – Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 июля 1971 г. – Ижевск, 1972. – 148 с.

АТД–1980 – Удмуртская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1980 г. – Ижевск, 1980. – 144 с.

Батаева С.Б., Каримова А.О. Семантические особенности фитонимов в интернет блогах (на материале казахского, русского, английского языков). – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/15_NNM_2014/Philologia/7_170710.doc.htm (дата обращения: 15.10.2015)

Бейлекчи В.В. О финно-угорских топонимах в муромском Поочье [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 10. – №4. – 2008. – URL. Режим доступа: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2008/2008_4_1270_1274.pdf (дата обращения 8.03.2010).

Березкин Ю. Е. Плеяды-отверстия, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: Североевразийские этнокультурные связи в зеркале космонимии // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 4 (40). – 2009. – С. 100–113. [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://www.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2009/40.pdf (дата обращения: 9.07.2015).

Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 3. – М., 1888. – С. 14–64.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика – М., 1983. [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://www.textologia.ru/russkiy/onomastika/metodi-issledovaniy/kolichestvenno-kachestvenniy-metod/1144/?q=463&n=1144&p=2 (дата обращения: 9.07.2015)

Бондалетов В. Д., Никонов В. А. Вопросник для собирания космонимов Поволжья // Ономастика Поволжья 4 / АН СССР. Ин-т этнографии; Морд. гос. ун-т; Отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. – Саранск, 1974. – С. 287–291.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов. – Ижевск, 1991. – 384 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие).

Бужилова. А. П. География русских фамилий (ретроспективный анализ миграций населения) // Восточные славяне. Антропология и этническая история / под ред. Т. И. Алексеевой. – М.: Научный мир, 2002. [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Alekseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/18 (дата обращения: 10.07.2015).

Бушмакин С. К. Воршудные имена и удмуртская топонимия // Ономастика Поволжья: Материалы I Поволжской конф. по ономастике. –Ульяновск, 1969а. – С. 166–176.

Бушмакин С. К. Финно-угорские орографические термины // Оронимика. – М.: Наука, 1969б. – С. 59–62.

Бушмакин С. К. Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов // Антропонимика. – М., 1970а. – С. 267–276.

Бушмакин С. К. Дохристианские личные имена удмуртов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики. – М., 1970б. – С. 263–267.

Бушмакин С. К. Параллельно бытующин названия населенных пунктов // Ономастика Поволжья 2. – Горький, 1971. – С. 220–224.

Бушмакин С. К. Словарь географических названий Удмуртской АССР. – М.: Наука, 1980. – 183 с.

Бушмакин С. К. Структурный анализ топонимов Удмуртии // Ономастика Поволжья: Межвузов. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1986. – С. 20–29.

Бушмакин С. К. Коми и удмуртские географические термины // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. – М.: Наука, 1990. – С. 45–47.

Ванюшечкин Т. В. Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ // Ономастика Поволжья 2. (Материалы II Поволжской конференции по ономастике). – Горький, 1971. – С. 85–89.

Васильев И. Языческие имена вотяков // Известия Общества изучения Прикамского края. – Сарапул, 1917. – С. 27–28.

Ватка но Калмез: Удмурт легендаос но преданиос / Н. П. Кралина, П. К. Поздеев. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 264 с.

Вахрушева Л. В. Взаимодействие русских и удмуртских языков в топонимии бассейна р. Иж // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 206–208.

Вахрушева Л. В. К вопросу об историко-генетических группах топонимов тассейна реки Иж // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 151–158.

Вахрушева Л. В. Удмуртский топонимический пласт бассейна Ижа // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. – Ижевск, 1983. – С. 90–100.

Вахрушева Л. В. Тюркский топонимический пласт бассейна Ижа Удмуртской АССР // Ономастика Поволжья: Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1986. С. 34–40.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Собр. соч. в 6 т. – Ижевск, 1995. – Т. 1. – 260 с. (Памятники культуры).

Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собр. соч. в 6 т. – Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – С. 62–122. (Памятники культуры).

Визгалов П. И. Соответствие прозвища объекту // Ономастика Поволжья 2. (Материалы II Поволжской конференции по ономастике). – Горький, 1971. – С. 90–95.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. – Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 1997. – 356 с.

Власова Д. Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980. – Вып.14. – С. 57–62.

Волкова Л. А. Культовые топонимы – памятники культуры удмуртов // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Тез. докл. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 302–304.

Воробьев В. М. Тверская топонимия: Учебное пособие по курсу «Регионоведение». – Тверь: Седьмая буква, 2009. – 308 с.

Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 247 с.

Воробьева И. А. Ономастика в школе. Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – 111 с.

Воронин И. Д. Имена и фамилии первых поселенцев Саранска // Ономастика Поволжья, 4. – Саранск, 1976. – С. 132–134.

Воронцова О. П. Память, запечатленная в слове [Электронный ресурс] // Марийский университет: Газета ученого совета марийского государственного университета – URL. Режим доступа: http://gazeta.marsu.ru/2005/6/6.html (дата обращения: 15.10.2008).

Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2002. – 424 с.

В России составили список самых необычных имен [Электронный ресурс] // Total kz. – URL. Режим доступа: http://total.kz/society/2013/12/20/v_rossii_sostavili_spisok_samyh (дата обращения: 2.10.2015).

Галкин И. С. Древнейшие пласты марийской топонимики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 5–24.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань,1880.

Галкин И. С. Русские фамилии марийского происхождения // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1983. – С. 5–17.

Галкин И. С. Об угорских элементах в топонимии Республики Марий Эл // Финно-угроведение. – № 4. – Йшкар-Ола, 1997. – С. 94–95.

Гатауллина А. Паймымон пишто кизилиос // Кизили. – 1990. – № 10. – С. 9.

Гатауллина А. И. Естественнонаучная картина мира в представлении удмуртов: Учеб. пособие. УдГУ. – Ижевск, 2007. – 90 с.

Гатауллина А. И. Астрономические воззрения удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований ’07. – Ижевск, 2008. – С. 49–57.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси: Культовые места (XIX–начало XX в.). – Новосибирск, 1986. – 192 с.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. О народах финского племени. – СПб., 1776.

Герд К. О ней я песнь пою…: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 336 с.

Григорьева М. В. К вопросу об искусственной номинации в топонимии // Методы топонимических исследований. – Свердловск, 1983. – С. 71–77.

Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 168 с.

Гришкина М. В. Рецензия // *Эграпи Гавир Микаль*. Тангыра: Кузьмадёс. – Ижкар: Удмуртия, 2008. – С. 308–309.

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 580 с.

Ермилович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://albooking.net/book_160.html (дата обращения: 1.10.2015).

Ермилович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Валент, 2005. – 416 с.

Жеребцов И. Л., Уляшев О. И. Ним, морт, кад … (Редакторъяслӧн водзкыв) // Плесовский Ф. В. Комиын овъяс /Отв. ред. И. Л. Жеребцов, О. И. Уляшев. Сост И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 1997. – С. 8–15.

Жураева И. А. Номинативные функции антропонимов (на материале английского, узбекского и русского языков). Автореф. дис. … к. филол. н. – Ташкент, 2012. – 24 с.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Минск, 1980. – 288 с.

Заверткина Е. В. Ойконимия и её ингерентные особенности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – № 1. – 2012. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/oykonimiya-i-eyo-ingerentnye-osobennosti (дата обращения: 5.06.2015).

Зверева Л. Е Микротопонимия деревни Якшур // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 133–150.

Зверева Л. Е. О четырех терминах в удмуртской микротопонимии // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. – Ижевск, 1983а. – С. 110–116.

Зверева Л. Е. Удмуртские топонимические материалы дооктябрского периода // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. – Ижевск, 1983б. – С. 101–109.

Зверева Л. Е. Вопросы удмуртской топонимии в трудах Берната Мункачи // Венгерские ученые и пермская филология. – Устинов, 1987. – С. 67–71.

Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию (пособ. для студентов-заочников) / С. И. Зинин. – Ташкент, 1972. – С. 10–13.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв.: Монография. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. – 182 с.

Игнатов М. Д. Устьевая коми топонимия (-ым, -им, -ом, -ум в коми топонимии) // Linguistica Uralica. – 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.utlib.ee/ee/kataloogid/biblioserver/index2.php?kid=72174 (дата обращения: 15.10.2006).

Износков И. А. О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседней с нею губерниях // Труды IV Археологического съезда. – Казань, 1882.

Казаева Н. В. Эрзянские географические названия (лексико-семантическая характеристика). Учеб. пособие. – Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2001. – 56 с.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. – Ижевск: Изд. Дом «Удмуртский университет», 2001. – 228 с.

Карпенко Ю. А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 15–22.

Карпенко Ю. А. Топонимы и географические термины // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 36–45.

Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. – М.: Наука, 1981. – 184 с. [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://coollib.net/b/263586/read (дата обращения: 3.07.2015).

Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 224 с.

Карпова Л. Л. Отражение диалектных особенностей в микротопонимии Средней Чепцы // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузов. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. Кафедра удм. яз. и метод. его преподав. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 216–223.

Квашнина В. В. Особенности народной номинации трав и деревьев [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/15_DNI_2008/Philologia/32863.doc.htm (дата обращения: 9. 09. 2015).

Кельмаков В. К. Три этапа в истории удмуртской антропонимии // Ономастика Поволжья 3: Мат-лы III конф. по ономастике Поволжья. – Уфа, 1973. – С. 59–65.

Кельмаков В. К. Форманты тюркского происхождения в личных именах южных удмуртов // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 95–99.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / УдГУ. Каф. общего и финно-угорского языкозн. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – 395 с.

Кельмаков В. К. Т. И. Тепляшиной – 80 лет // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск) /Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угорск. языкозн. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 11–22.

Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1976. – 102 с.

Китиков А. Е. Космонимия в марийском фольклоре // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1983. – С. 68–83.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1992. – 320 с.

Кириллова Л. Е. Топонимы в удмуртских поэтических произведениях Д. А. Яшина // Поэт, ученый, педагог: Статьи, воспоминания о Д. А. Яшине. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – С. 145–150.

Кириллова Л. Е. 1994

Кириллова Л. Е. 1997

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 571 с.

Коков Д. Из адыгской космонимии // Ономастика Востока. – М : Наука, 1980. – С. 262–263.

Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов / На удмуртские темы. – М., 1931. – Вып. 11. – С. 5–35.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Боталова, А. С. Кривощекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.

Кривощекова-Гантман А. С. Об одной топонимической загадке // Ономастика Поволжья 2. (Материалы II Поволжской конференции по ономастике) – Горький, 1971. – С. 224–233.

Кривощекова-Гантман А. С. Фамилии от имен на *-ог,* -ег // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 91–94.

КРС – *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И*. Коми-русский словарь / Отв. ред. Л. М. Безносикова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 816 с.

Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. – М., 1904. – № 4. С. 24–49.

Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // Linguistica Uralica. XXXI. – 1995. – № 2. – С. 86–99.

Куклин А. Н. Топонимическая типология // Лексика и грамматика финно-угорских языков. Мужвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – С 86–92.

Куклин А. Н. Историко-культурные взаимосвязи финно-угров и самодийцев // Финно-угроведение. – № 3–4. – Йошкар-Ола, 1998. – С. 3–18.

Куклин А. Н. Система научных приемов анализа ономастического материала // Onomastica Uralica. – Debrecen–Helsinki, 2008. – С. 5–21.

Куклин В. Н. Некоторые вопросы эрзя-мордовской антропонимии // Ономастика Поволжья 2. (Материалы II Поволжской конференции по ономастике). – Горький, 1971. – С. 73–75.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С*. Коми этимологический словарь коми языка. / Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Леваева Л. В. Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – Вып. 4. – 2010. – URL: Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/protsess-perehoda-imen-sobstvennyh-v-imena-naritsatelnye (дата обращения: 9.09.2015).

Летова А. М. Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 2. – 2012. – С. 30–34. – URL: Режим доступа: http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3457 (дата обращения: 15.10.2015).

Луппов П. Н. Удмурты в XV–XVII вв. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. – Ижевск, 1958.

Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках / Автореф. дис. … д. ист. н. – Ижевск, 2006. – 55 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/383/06_12_008.pdf (дата обращения: 6. 07. 2015).

Максютова Н. Х. Тюркская космонимия // Ономастика Поволжья 4 / АН СССР. Ин-т этнографии; Морд. гос. ун-т; Отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. – Саранск, 1976. – С. 283–286.

Максютова Н. Х. Тюркские космонимы и связанные с ними легенды, поверья, приметы // Ономастика Поволжья (Материалы шестой конференции по ономастике Поволжья) / Ин-т этнологии и антропологии АН СССР; Волгоград. гос. пед.ин-т. – М., 1991. – С. 184–190.

Мамонтова Н. Н. Названия пахотных и сенокосных угодий у карел-ливвиков (отапеллятивные образования) // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Вып. 14. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. – С. 36–40.

Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии Ливвского ареала Карельской АССР (Олонецкий р-н). – Петрозаводск, 1982. – 212 с.

Матвеев А. К. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 1970. – С. 116–124.

Матвеев А. К. Методы топонимических исследований: учеб. пособие. – Свердловск, 1986. – 101 с.

Матвеев А. К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. ст. – Ижевск, 1989. – С. 5–18.

Матвеев А. К. В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике: Вопросы ономастики. Вып. 19. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 13–27.

Матвеев А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. – 2005. – №2. – С. 5–10.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 296 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 г. – Вятка, 1895.

Мильцин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора. Редакционно-издательское оформление издания. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2009. – 1084 с.

Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. – Новосибирск: Наука, 1987. – 224 с.

Мокшин Н. Ф. Имена народов мира. Мордва // Режим доступа: http://www.andein.ru/articles/inm_mordva.html (дата обращения: 4.01.2015).

Мордовско-тюркские этно-культурные связи по данным именника. По материалам Н. Мокшина // Сайт региональной общественной организации «Голос эрзи». – Режим доступа: http://www.goloserzi.ru/ru/etnos/istoriya1/mordovskogo-tyurkskie-etno-kulturnyie-svyazi-po-dannyim-imennika.html. (дата обращения: 8.06.2015).

Мокшин. – Мордовские фамилии [Электронный ресурс] / По материалам Н. Мокшина. – Режим доступа: http://anetherm.ucoz.ru/news/mordovskie_imena/2013-03-31-52 (дата обращеня: 29.06.2015).

Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. – С.-Петербург, 1994. – 156 с.

Муминов М. Т. Типы тюркской микротопонимии юго-запада Тюменской области // Ономастика Поволжья 2. – Горький, 1971. – С. 276–281.

Мурзаев Э. М. Местные географические термины и их роль в топонимии // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 16–35.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Мусанов А. Г. Топонимия Средней Язьвы (Научные доклады / Коми науч. центр УрО РАН). – Сыктывкар, 2009. – 44 с.

Мухаметшин Н. Н. Употребление личных имен у татарского этноса на территории Удмуртии // Что Вы знаете о своем имени? (К личным именам в Удмуртии). – Ижевск, 1995. – С. 25–39.

Наречение и магия. Языческие имена // Библиотека "Зоря-Машпроект". – Режим доступа: http://lib-zm.ru/word/233-narechenie-i-magiya-yazycheskie-imena.html (дата обращеня: 29.06.2015).

Насибуллин Р. Ш. Башкириысь удмуртъёс но соослэн нимъёссы // Молот. – Ижевск. – №5. – С. 57–58.

Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г. Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысъёсъя радъям ньуч-удмурт кылсузьет / Под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина. – Ижевск: Изд-во «Ассоциация «Научная книга»», 2006. – 350 с.

Никитина Г. А. Хозяйство и занятия // Удмуртия: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1993. – С. 67–103.

Никонов В. А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 180 с.

Никонов В. А. Научное значение микротопонимии // Микротопонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 5–14.

*Никонов В. А***.** Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. – Уфа: АН СССР; Башкирский филиал Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Башкирский гос. ун-т, 1973. – С. 373–381. [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://planeta-imen.narod.ru/archivonomastiki/nikonov2.html (дата обращения: 9.07.2015).

Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

*Никонов В. А***.** Вопросы финно-угорской космонимии // Вопросы финно-угроведения / АН СССР. Ин-т языкознания; Морд. НИИяз., лит, истории и экономики. – Саранск, 1975. – Вып. VI. – С. 147–150.

Никонов В. А. География фамилий Поволжья // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 135–144.

Никонов В. А. География названий Млечного пути // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 242–261.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.

Никулина З. П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики в системе языка. Собственные имена в системе языка. – Свердловск: Урал. гос ун-т, 1980. – С. 116–121.

Обряды, связанные с рождением ребенка // Информационный центр крымских татар – Режим доступа: http://cidct.org.ua/obryadyi-svyazannyie-s-rozhdeniem-rebenka/ (дата обращения: 14.11.2015).

Овчар Н. В. Опыт идеографического описания гидронимов Русского Севера // Номинация в ономастике: Вопросы ономастики. Вып. 19. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 60–74.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – 484 с.

Очирова А. М. Калмыцкая космонимия // Ономастика Поволжья (Материалы шестой конференции по ономастике Поволжья) / Ин-т этнологии и антропологии АН СССР; Волгоград. гос. пед.ин-т. – М., 1991. – С. 190–198.

ОЯ – Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Отв. Ред. Б. А. Серебренников; АН СССР. Инт-т языкозн. – М.: Наука, 1973. – 318 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. – СПб., 1788.

Палль В. Об эстонской микротопонимии // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. – Саранск, 1975. – С. 156–160.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. – Вятка, 1888. – Эскиз 1. – 104 с.; Эскиз 2. – 139 с.

Планета имен и фамилий, 2006–2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imja.name/astronimy/astronimy.shtml (дата обращения: 10.09.2015).

Плесовский Ф. В. Комиын овъяс / Сост. И. Л. Жеребцов. Отв. Ред. Жеребцов, О. И. Уляшев. – Сыктывкар, 1997. – 142 с.

Подольская Н. В. Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 39–53.

Подольская Н. В. О развитии отечественной топонимической терминологии // Развитие методов топонимических исследований: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Поспелов. – М.:Наука, 1970. – С. 48–54.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

Подольская Н. В. Типовые восточно-славянские топоосновы. (Словообразовательный анализ). – М.: Наука, 1983. – 160 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

Полякова Е. Н. Формирование пермских отыменных фамилий в XVII–XVIII веках // Вестник Пермского университета.– 2010. – Вып. 3(9). – С. 7–17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rfp.psu.ru/archive/3.2010/polyakova.pdf (дата обращения: 6.10.2015).

Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. – М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.suslony.ru/Toponimika/KN.htm (дата обращения 8.03.2010).

Психология и имя. Имена: интересное про имена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://names.astrostar.ru/articles/24703.html (дата обращения: 2.11.2015).

РКС – *Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И*. Русско-коми словарь / Отв. ред. Л. М. Безносикова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. – 1104 с.

РМС – *Учаев З. В., Захарова В. С*. Русско-марийский словарь / Гл. ред. И. С. Галкин. – М.: Сов. энциклопедия, 1999. – 480 с.

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. – М.: Наука, 1964. – С. 9–33.

Романова Н. Н., Филиппов А. В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология, 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://oim.ru/category/entsiklopediya/romanova-nn-filippov-av-slovar-kultura-rechevogo-obshcheniya-etika-pragmatik (дата обращения: 8.03.2010).

Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики // ВЯ. – 1962. – № 4. – С. 9–19.

Руденко Д. И. Имя в традициях «философии языка». – Харьков: Основа, 1990. – 299 с.

Рут М. Э. Русская народная астронимия: Учебное пособие / Уральский гос. ун-т. – Свердловск, 1987. – 68 с.

Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 148 с.

Самарова М. А. Микротопонимия Верхней Чепцы. Дис. … канд. филол. н. – Ижевск, 1999. – 297 с.

Самарова М. А. Наименования топопобъектов Верхней Чепцы. Монография. – Ижевск: Удмуртский университет, 2010. – 248 с.

САТДУ–1995 – Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. / Ком. по делам арх. при Правительстве Удмурт. Респ. – Ижевск: Удмуртия,1995. – 744 с.

СДСИА – Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю.А. Рылов, В.В. Корнева, Н.В. Шеминова, К.В. Лопатина, Е.В. Варнавская / под. ред. проф. Ю.А. Рылова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 390 с.

СНМ–1876 – Вятская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859–1873 гг. – СПб., 1876. – 993 с.

СНП–1924 – Список населенных пунктов Вотской автономной области. – Ижевск, 1924. – 418 с.

Серебренников Б. А. О методах топонимических изданий // ВЯ. – 1959.– № 6. – С. 36–50.

Скляренко А. М. «Степень ономатизации» топонимов разных типов // Восточно-славянская ономастика: Материалы и исследования. – М., 1979. – С. 58–69.

Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. – Казань, 1890. – Т. VIII.– Вып. 2. – 308 с.

Соколов С. В. О древних именах удмуртов // Ономастика. – М.: Наука, 1969. – С. 109–112.

Сундукова Е. А. Семантическая адаптация удмуртских ойконимов Севера Удмуртии русским языком // Динамика структур финно-угорских языков Сб. науч. ст. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2011а. – С. 256–261.

Сундукова Е. А. Ойконимия севера Удмуртии / Дис. … кан. филол. н. – Ижевск, 2011б. – 445 с.

Суперанская А. В. Типы и структура географических названий (На материале топонимии СССР) // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. – М.: Наука, 1964. – С. 59–118.

Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия. – М.: Наука, 1967. – С. 31–38.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 182 с.

Суперанская А. В. Ономастическая типология и стратиграфия // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М.: Наука, 1988. – С. 3–7.

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1998. – 528 с.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного /Отв. Ред. А. А. Реформатский. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 368 с.

Сюрес вожын: Веросъёсын бичет (1919–1935-тй аръёс) / Азькылзэ гожтйз, люказ, радъяз но валэктонъёс гожтйз С. Т. Арекеева. – Ижкар: «Удмурт университет» книгапотонни, 2010. – 486 б.

Тараканов И. В. Следы пребывания уральских племен на территории Удмуртии (по данным гидронимии) // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – С. 322–329.

Тепляшина Т. И. К вопросу об этнониме пор // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967а. – С. 261–264.

Тепляшина Т. И. О способах образования топонимов

Тепляшина Т. И. Топонимы на *-кар* и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян // Местные географические термины. – М.: Наука, 1970. – С. 164–171.

Тепляшина Т. И. Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. – Ижевск, 1975. – С. 203–227.

Тепляшина Т. И. Об удмуртском топониме *Аргурт* // Историческая ономастика. – М., 1977. – С. 292–296.

Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков. – М.: Наука, 1978. – 137 с.

Тепляшина Т. И. О названии *Кизьна* // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. ст. / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угорск. языкозн. – Ижевск, 1997. – С. 169–172.

ТМОИ – *Суперанская А. В, Сталтмане В. Э, Подольская Н. В., Султанов А. Х*. Теория и методика ономастических исследований / Отв. Ред. А. П. Непокупный. Изд.3-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

ТООНТО – Лексика духовной культуры бурят // Тоонто: энциклопедия бурятского народа. – URL: Режим доступа: http://www.toonto.ru/ (дата обращения: 6.06.2015)

Трефилов А. О древности удмуртов // Зап. УдНИИ. Вып. 15. – Ижевск, 1951. – С. 55–77.

Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М.: Наука, 1968. – 290 с.

Туркин А. И. О принципах и методах исследования коми топонимии // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. ст. – Ижевск, 1989. – С. 64–81.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989. – С. 284.

УРС 1983 –Удмуртско-русский словарь / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Рус. язык, 1983. – 592 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь / Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Ухов С. История Вятки как часть этнической истории восточной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nashavyatka.ru/history/etnos.html (дата обращения: 15.10.2008).

Фатыхова Ф. Ф. Родинные обряды башкир // Родной Башкортостан. Под изд. Г.Самитдинова, З.А.Шарипова, Я.Т.Нагаева. – Уфа, 1993. – Режим доступа: http://lib.a-grande.ru/rodi.php (дата обращения: 11.11.2014).

Федосюк Ю. А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 240 с.

Федянович Т. П. Традиционные обычаи и обряды, связанные с наречением имени новорожденному у марийцев, мордвы, удмуртов // Ономастика Пволжья. Материалы VIII конференции по ономастике Поволжья / Волг. гос. пед. ун-т. Отв. Ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. – М. , 2001. – С. 38–43.

Фролов Н. К. Статут микротопонимии в системе топонимии // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1982. – С. 22–31.

Фомина Л. Ф., Фомин Б. Н. Становление русской научной космонимии: названия созвездий [Электронный вариант]. – URL: Режим доступа: http://karpenko.in.ua/wp-content/uploads/2013/01/Fomin.pdf (дата обращения: 16.07.2015).

ФРС – Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков; Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. – М.: Русский язык, 1977. – 816 с.

Хигир Б. Число имени. – URL. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/higir_boris/chislo_imeni/read/ (дата обращения: 9.09.2015).

Худяков М. Г. Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. – Казань, 1920. – Т. XXX. Вып. 3. – Т. XXXI. – Вып. 1.

Черных С. Я. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами (Этноантропонимы) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1980. – С. 36–72.

ЧРС – Чувашско-русский словарь / Андреев И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. и др.; Под ред. М. И. Скворцова. – М.: Рус. язык, 1982. – 712 с.

Шайхулов А. Г. Некоторые вопросы системного исследования апеллятивных и топонимических единиц (на материале языков Урало-Поволжья) // Методы топонимических исследований. Вопросы ономастики, 16. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. – С. 35–41.

Шерешевская Е. Б. Имя собственное как знак // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. – Нвосибирск, 1976. – Вып. V. – С. 91–98.

Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – URL. Режим доступа: http://subscribe.ru/archive/linguistics.qlcv/200812/21194928.html (дата обращения: 12.11.2014)

Шилов А. Л. Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера //Вопросы языкознания. – № 4. – 2003. – С. 29–42.

Ширманкина Р. С. Неофициальные именования у мордвы // Ономастика Поволжья 4. – Саранск, 1976. – С. 51–55.

Шкляев Г. К. Поселения и жилища // Удмурты: историко-этнографические очерки УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1993. – С. 104–126.

Эйхлер Э. Проблемы исследования ономастического ареала // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – С. 76–78.

Юхма М. Н. Заметки о чувашской космонимии // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 264–269.

Ященко А. И. Топонимия Вологодской области и серверно-русские говоры // Проблемы русской ономастики: Межвуз. сб. науч. тр. – Вологда, 1985. – С. 3–9.

Erdődi J. Uráli csillagnevek és mitológiai magyarázatuk. – Budapest, 1970. – 180 l.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. – Helsinki, 1979. – 245 s.

Häkkinen K. Suomen kielen historia 1. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista tausta. – Turku, 2002. – 126 s.

Kallasmaa Estnische Ortsnamen und andere Völker // LU. – 1997. – № 4. – S. 284–292.

Kallio O. A. Suomalaisia sukuja ja sukunimiä. Joka perheen sukunimi- ja sukututkimusopas / toim. Börje Thilman. – Kauniainen 1968. [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: http://www.genealogia.fi/nimet/nimi85s.htm (дата обращения: 11.11.2014).

Kiviniemi E. Iita Linta Maria. Etunimiopas vuosituhannen vaiteeseen. – Jyväskylä 1993. – 220 c.

Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. – Helsinki, 1990. – 244 s.

Kiviniemi E. Suomalaisten etunimet. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2006. – 432 c.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára (Lexicon linguae votiacorum). – Pécs, 1990. – 836 l.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. – Budapest, 1887. – 355 l.

Vüres A. Puud ja inimesed. Tallinn, 1975. 156 lk.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращенные названия типов географических объектов

б. – берег (реки)
бол. – болото
бр.– брод
в.гр.– вершина горы
вд. – водоем
взв. – возвышенность
в.овр. – верховье оврага
в.р. – верховье реки
вш. – вышка
гр. – гора
д. – деревня
дв. – двор
дл. – делянка
дор. – дорога
з. – загон
зв. – заводь
зл. – залив
игр. – игрище
из.р. – излучина реки
кан. – канава
клд. – кладбище
кол. – колодец
кр. – карьер
л. – лог
лб. – ложбина
лг. – луг
лев.пр. – левый приток реки
лс. – лес
м. – мост
мест. – местность
мж. – межа
мл. – мельница
млб. – мольбище
н. – низменность
обр. – обрыв
ог. – огород
о.д. – отдельное дерево
оз. – озеро
ом. – омут
о-в. – остров
п. – поле
пас. – пасека
паст. – пастбище
п.в. – полевые ворота
пдл. – подлесок
пер. – переулок
перлс. – перелесок
пов. – поворот
пол. – поляна
поч. – починок
пр. – пруд
прав.пр. – правый приток реки
приг. – пригорок
прос. – просека
р. – река
рвн. – равнина
род. – родник
р.р. – русло реки
руч. – ручей
рчк. – речка
рщ. – роща
ск.гр. – склон горы
скл. – склад
скт. – скотомогильник
слщ. – селище
стар. – старица
тр. – тропа
ул. – улица
ур. – урочище
х. – хутор
час. – часовня
ч.д. – часть деревни
ч.р. – часть реки
ч.ул – часть улицы
я. – яма

Сокращенные названия районов

Алн. – Алнашский
Балез. – Балезинский
Вав. – Вавожский
Верещаг. – Верещагинский Пермский край
Вотк. – Воткинский
Глаз. – Глазовский
Грах. – Граховский
Деб. – Дебесский
Завьял. – Завьяловский
Игр. – Игринский
Калтас. – Калтасинский Башкортостан
Кез. – Кезский

Кизн. – Кизнерский
Кияс. – Киясовский
Красн. – Красногорский
Куед. – Куединский Пермский край
Кукм. – Кукморский Татарстан
Малоп. – Малопургинский
Мам. – Мамадышский Татарстан
Можг. – Можгинский
Перв. – Первомайский р-н г. Ижевска
Сар. – Сарапульский
Селт. – Селтинский
Сюмс. – Сюмсинский
Ув. – Увинский
Шарк. – Шарканский
Юкам. – Юкаменский
Як.-Б. – Якшур-Бодьинский
Янаул. – Янаульский Башкортостан
Яр. – Ярский

Сокращенные названия языков

адыг. – адыгский
азерб. – азербайджанский
алт. – алтайский
араб. – арабский
башк. – башкирский
бур. – бурятский
венг. – венгерский
вепс. – вепсский
др.-удм. – древнеудмуртский
др.-рим. – древнеримский
др.-рус. – древнерусский
др.-тюрк.-тат. – древнетюркско-татарский
к. – коми
казах.– казахский
калм. – калмыцкий
к.вв. – верхневычегодский диалект коми языка
кз. – коми-зырянский
кирг. – киргизский
к.лл. – лузско-летский диалект коми языка
к.-калп. – каракалпакский
кп. – коми-пермяцкий
лат. – латинский
лив. – ливский
маньчж. – маньчжурский
манс. – мансийский
мар. – марийский
марГ – горномарийский язык
мокш. – мокша-мордовский
нем. – немецкий
нен. – ненецкий
общек. – общекоми
ороч. – орочский
перс. – персидский
польск. – польский
рус. – русский
саам. – саамский
серб.-хорв. –сербско-хорватский
словинск. – словинский
стп.-монг. – старописьменный монгольский
тат. – татарский
турецк. – турецкий
турк. – туркменский
тюрк. – тюркский
удм. – удмуртский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
фин. – финский
фу. – финно-угорский язык-основа
х.-монг. – халха-монгольский
хант. – хантыйский
чеш. – чешский
чув. – чувашский
швед.-саам. – шведско-саамский
эвенк. – эвенкийский
эрз. – эрзя-мордовский
эск. – эскимосский
эст. – эстонский

Другие сокращения: букв. – буквально; диал. – диалектный; м. – местный; напр. – например; нар. – народный; оф. – официальный; разг. – разговорный; ср. – сравни; церк. – церковный; экзт. – экзотопоним

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Автоэтноним – самоназвание народа.

Агионим – имена христианских святых.

Агороним – вид урбанонима, название городской площади, рынка.

Агрооним – название земельного участка, пашни, поля.

Адстрат – совокупность черт одного языка, перешедших в другой язык в результате сосуществования и контактов данных языков на одной или смежных территориях.

Анализ – процедура мысленного, а часто также и реального расчленения предмета (явления, процесса), свойства предмета (предметов) или отношения между предметами на части (признаки, свойства, отношения).

Анлаут – начало слова; позиция в начале слова, первый звук слова.

Антропоним – собственное именование человека: личное имя, отчество, родовое имя, прозвище, псевдоним.

Антропонимика – раздел ономастики, занимающийся изучением собственных имен людей, происхождение, изменение этих имён, географическое распространение и социальное функционирование, структура и развитие антропонимических систем.

Антропонимикон – реестр личных имен.

Антропонимическая формула – форма называния человека, в том числе обращения к нему, включающая компонент его собственного имени.

Антропонимия – совокупность индивидуальных именований.

Апеллятив – любое имя существительное, не являющееся именем собственным.

Ареальный метод – выявляет ареалы сходных элементов собственных имён.

Астионим – вид ойконима, собственное имя города.

Астроним I – собственное имя отдельного небесного тела, в том числе звезды, планеты, кометы, астероида (планетоида).

Астроним II – *псевдоним*, в котором вместо имени употреблены звездочки, набранные на верхнюю линию справа от буквы или самостоятельно, т. е. обозначение имени автора какими-либо типографическими знаками (напр., звездочками).

Астронимика – раздел ономастики, изучающий астронимы.

Астронимия – совокупность астронимов.

Астротопоним – собственное имя любого объекта рельефа на любой планете.

Атрибут – определяющий компонент в структуре сложного названия.

Ауслаут – исход слова; позиция звука или сочетания звуков в конце слова или слога.

Библионим – название священной книги, составной части Библии.

Венусоним – вид астротопонима. Собственное имя любого природно-физического объекта на Венере.

Вокатив – обращение к собеседнику речевого акта.

Воршудное имя – 1) название семейно-родового божества удмуртов; 2) название семейного рода, имеющей одного покровителя.

Вымышленное имя – см. фиктоним.

Гелоним – вид гидронима, собственное имя болота, заболоченного места.

Гемероним – название периодического издания, любого средства массовой информации.

Генетический метод – метод, устанавливающий родство.

Географические объекты – существующие или существовавшие относительно устойчивые, характеризующиеся определенным местоположением, целостные образования Земли: материки, океаны, моря, заливы, проливы, острова, горы, реки, озера, ледники, пустыни и иные природные объекты; государства, республики, края, области, районы, города и другие поселения; железнодорожные станции, морские

порты, аэропорты и подобные им объекты.

Географический термин – слово, обозначающие род географического объекта.

Географическое название – см. топоним.

Геортоним – название праздника.

Гибридное имя – имя, состоящее из элементов двух или более языков.

Гидроним – вид топонима, наименование любого водного объекта: реки, озера, родника, водохранилища и т. д.

Гидронимика – раздел топонимики, изучающий гидронимы, закономерности их возникновения, развития и функционирования.

Гидронимия – совокупность названий водных объектов.

Гипокористическое имя – имя, имеющее сокращенную форму основы.

Годоним – вид урбанонима, название линейного объекта в городе (проспекта, улицы, линии, проезда, переулка, бульвара, набережной).

Диахрония – метод языкознания, направленный на изучение фактов языка в историческом развитии.

Дедукция – переход от посылок к заключению, опирающийся на логический закон, в силу чего заключение с логической необходимостью следует из принятых посылок.

Деминутивное имя – имя с ласкательно-уменьшительным оттенком значения.

Денотат – любой объект, называемый собственным именем.

Детерминант – определяемый компонент в структуре сложного названия (чаще всего детерминантами выступают апеллятивы, обозначающие различные географические реалии).

Дримоним – вид топонима, собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи, части леса.

Дромонимы – вид топонима, собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного.

Естественное имя – имя, возникшее по естественным языковым законам номинации.

Заимствованное имя – см. эгзогенное имя.

Зооним – собственное имя (кличка) животного.

Идентификация – отождествление, приравнивание, уподобление.

Имятворчество – процесс создания собственных имен.

Индукция – умозаключение, в котором связь посылок и заключения не опирается на логический закон, в силу чего заключение вытекает из принятых посылок не с логической необходимостью, а только с некоторой вероятностью.

Инлаут – середина слова; позиция звука в середине слова или слога

Катойконим – слово, для обозначения жителей по названию места жительства.

Календарное имя – имя, взятое из церковного календаря, где имена канонизированных святых перечислены по месяцам и дням их празднования.

Каноническое имя – имя, закрепленное как истинное, настоящее традициями мировых религий, в том числе христианское имя, магометанское (мусульманское) имя, буддийское имя. В русской традиции это христианское имя в определенной его форме с определенным ударением.

Комоним – вид ойконима, собственное имя любого сельского поселения.

Космоним – имя зоны космического пространства, галактики, звездной системы (созвездия), части созвездия.

Космонимика – раздел ономастики, изучающий именования пространственных объединений небесных тел, как они видятся земному наблюдателю: обозначения созвездий и их частей, звездных скоплений и галактик.

Космонимия – совокупность космонимов.

Крестильное имя – имя данное при крещении. Крестильные имена соответсвовали именам святых и были, следова-

тельно, обычными христианскими именами.

Криптоним – скрываемое, зашифрованное имя.

Ктематоним – см. хрематоним

Лимноним – вид гидронима, собственное имя озера, пруда.

Литературная ономастика – направление ономастики, занимающееся изучением имен собственных в литературных произведениях и выявлением способов их образования.

Литературный антропоним – имя собственное литературного персонажа.

Литературный топоним – имя собственное топобъекта, использованного в литературном произведении.

Макротопоним – собственное имя крупного физико-географического объекта, имеющее широкую сферу употребления, широкую известность. Обычно результат искусственного процесса номинации, имевшего место при ситематизации объектов.

Марсионим – вид астротопонима, собственное имя любого объекта рельефа на Марсе.

Матроним – дериват от имени матери: прозвище, прозвание, отчество от имени матери, фамилия от прозвища матери.

Мелиоративный антропоним – тип неофициального антропонима эмоционально-экспресивного характера с положительной оценкой.

Мемориальные топонимы – в которых была зафиксирована информация о какой-нибудь исторической личности или памятном событии.

Метод – совокупность приемов и операций познания и практической деятельности; способ достижения определенных результатов в познании и практике.

Методика – фиксированная совокупность приемов практической деятельности, приводящей к заранее определенному результату. В отличие от метода в задачи методики не входит теоретическое обоснование полученного результата, она концентрируется на технической стороне эксперимента и на регламентации действий исследователя.

Метод картографирования – создание ономастических карт и использование материала карт для ономастических исследований.

Микротопоним – наименование малого географического объекта, известного чаще всего в пределах одного (реже нескольких) населенного пункта.

Мирское имя – 1) имя, которое человек имел до пострига в монахи «в миру»; после пострига оно заменялось на монашеское; 2) имя, которое человек имел в дополнение к крестному имени.

Мифоним – имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства.

Некалендарное имя – имя вне церковного календаря, несвязанное с именем определенного святого.

Неканоническое имя – имя, не связанное с религиозными традициями, свободно придуманное в соответствии со свойствами ребенка, пожеланиями на будущее или имеющее другую мотивировку.

Некронимы – названия кладбищ.

Неосвоенное заимствованное имя – имя, которое воспринимается в данном языке как чужое, иноязычное, отличающееся морфологической и фонетической структурой.

Неофициальное имя – форма имени, непринятая в официальном обращении, неиспользуемая в официальных документах.

Никнейм – сетевое имя псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в чате, форуме, блоге) для уникализации себя.

Номинация – 1) функция называния (назывная, номинативная функция); 2) название, наименование, присвоение имени, процесс наименования.

Область ономастического пространства – часть ономастического пространства, выделяющаяся в соответствии с именуемыми объектами, в том числе то-

понимия, антропонимия, зоонимия, космонимия.

Ойконим – вид топонима, собственное наименование любого типа поселения.

Ойконимия – совокупность ойконимов.

Оним – слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации, идентификации.

Онимизация – переход имени нарицательного в имя собственное.

Онимия – совокупность онимов.

Ономаст – исследователь, занимающийся ономастикой.

Ономастика – 1. Раздел языкознания, изучающий любые собственные имена. 2. Совокупность собственных имен (см. онимия).

Ономастикон – 1. Словарь или список любых собственных имен. 2. Репертуар собственных имён данного этноса, данного социума, для данного периода.

Ономастические универсалии – ономастические явления, свойственные многим языкам, свидетельствующие об известной общности человеческого мышления в области номинации.

Ономастическое поле – часть ономастического пространства, содержащая онимы определенного вида.

Ономастическое пространство – комплекс собственных имен всех разрядов, употребляемых данным народом в данный период.

Ороним – собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), название топографических признаков местности.

Освоенное заимствованное имя – имя, которое воспринимается в данном языке как своё исконное; может быть освоено лексически, морфологически и фонетически.

Официальное имя – имя (его определенная форма), принятое в официальном употреблении, в том числе имена, отчества, фамилии в паспортах, названия поселений и административно-территориальных единиц в официальных списках и документах, названия созвездий и звезд в астронимии, зоонимы, зарегистрированные в специальных списках.

Патроним – дериват от имени или прозвища отца: прозвище, прозвание, фамилия от прозвища отца или предков по отцовской линии.

Порейоним – собственное имя данного экземпляра любого вида транспорта.

Потамоним – вид гидронима, собственное имя любой реки.

Прагматоним – номен для обозначения сорта, марки, товарного знака.

Поэтоним – собственное имя в художественной литературе, связанное с поэтикой художественного текста.

Прозвище – вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии.

Псевдоним – вымышленное, условное имя автора произведения науки, литературы или искусства.

Реалионим – собственное имя реально существующего или существовавшего объекта в любой сфере ономастического пространства.

Селеноним – вид астротопонима, собственное имя любого природного объекта на Луне.

Семиотика – наука о знаках, их признаках и видах, системах и условиях использования.

Синтез – соединение различных элементов, сторон объекта в единое целое, которое осуществляется как в практической деятельности, так и в процессе познания.

Синхрония – метод языкознания, направленный на изучение фактов языка в определенный период времени (обычно современный).

Собственное имя – см. оним.

Субстандартный антропоним – неофициальные антропонимы, включающие прозвища и клички.

Субстрат – язык местного населения, вытесненный языком пришельцев, но оказавший влияние на него.

Субстратное название – название, пришедшее из языкового субстрата.

Тезоименность – использование одного имени для разных объектов в одном онимическом поле.

Теонимы – вид мифонима, собственное имя божества в любом пантеоне.

Теонимика – раздел ономастики, изучающий теонимы, закономерности их возникновения, развития и функционирования.

Топоним – собственное наименование любого географического объекта.

Топонимия – совокупность собственных географических наименований на определенной территории, которая включает ойконимы, гидронимы, микротопонимы, оронимы и т. д.

Топоформант – слообразующий элемент, самостоятельно не употребляющийся в современном языке.

Трансонимизация – переход онима одного разряда в другой.

Урбаноним (***урбоним***) – вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта.

Фалероним – собственное имя ордена, медали, знака отличия.

Фамилия – вид антропонима, наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье.

Фиктоним – собственное придуманное имя, для сокрытия подлинного, настоящего имени объекта.

Фитоним – собственное имя любого растения.

Функция – исполнение своей роли, своего назначения именем собственным в языке и речи, в том числе номинации, идентификации, различения.

Хороним – собственное имя территории, области, района, в том числе хороним административный, городской, природный.

Хрематоним – собственное имя предмета материальной и духовной культуры, в том числе названия оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, драгоценного камня, предмета утвари, книг, журналов, художественных фильмов.

Хрематонимика – раздел ономастики, изучающий названия предметов материальной и духовной культуры.

Хрононим – собственное имя отрезка времени.

Экзогенное имя – имя, появившееся в данном языке в результате заимствования из другого языка. Может быть освоенным или неосвоенным.

Экзотопоним – название населенного пункта, данное жителями соседней деревни или села.

Экклезионим – собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, название храма, монастыря, часовни, креста, священного камня, источника, дерева.

Экстралингвистический фактор – внеязыковой фактор, относящийся к реалиям и процессам, в условиях которых возникает и функционирует имя собственное; относящийся к физической и социальной, психологической и т. п. действительности.

Эллипсис – усечение одного или нескольких компонентов из сложного по структуре названия топообъекта.

Эндотопоним – название населенного пункта, данное жителями самой деревни;

Энигматичность – непонятность, загадочность.

Эргоним – название организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка.

Этимология – происхождение имени собственного.

ПРОГРАММА-ВОПРОСНИК ДЛЯ СБОРА ОНОМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

1. Запишите данные о населенном пункте в следующем порядке:

а) название республики и района, в состав которых входит населенный пункт;

б) название сельской администрации, муниципального образования и т. д., к которому относится селение;

в) официальное название нас. пункта;

г) местное (удмуртское, татарское, марийское, чувашское, башкирское) название;

е) название-прозвище, если есть;

2. Были ли перемены названий населенного пункта? Когда? (отметить последовательность изменений названий). Что было причиной переименований?

3. Когда возник населенный пункт? Какие события отразились на ее судьбе? Кто его основал?

4. Не известно ли, откуда и когда прибыли сюда первые жители? Выходцами какого племени они были?

5. Какие воршудно-родовые имена встречаются в данном населенном пункте?

Апъя	*Какся*	*Паляка*	*Узя*
Бигра	*Куака*	*Пельга*	*Уля*
Бия	*Кибъя*	*Побъя*	*Урга*
Бодья	*Коньга*	*Поколь*	*Уча*
Болма	*Копка*	*Поска*	*Чипъя*
Боня	*Котья*	*Пудга*	*Чола*
Вамъя	*Куарса*	*Пурга*	*Чабъя*
Венья	*Кушъя*	*Пышъя*	*Чудья*
Вортча	*Лекма*	*Салья*	*Чудна*
Жикья	*Лузӟа*	*Селта*	*Чуйя*
Докъя	*Маля*	*Сема*	*Эбга*
Дурга	*Монья*	*Сюра*	*Эгра*
Ӟанка	*Можга*	*Ташъя*	*Юбера*
Ӟатча	*Норъя*	*Тукля*	*Юмья*
Ӟезья	*Нылга*	*Туръя*	*Юра*
Имъес	*Омга*	*Удья*	*Юсь*

6. Как объясняют местные жители происхождение названий населенного пункта (исторические данные, легенды, предания)?

7. Какое название колхоза или совхоза было в Вашем населенном пункте? Не было ли ещё других названий? Что послужило причиной изменения их? Напишите названия ОАО, АО, ООО (ООО СПК), которые есть в вашей деревне.

8. Люди какой национальности живут в данном населенном пункте?

9. Как называют жителей населенного пункта по названию их села, деревни, города (Можга – можгаос и т.д.)

10. Численность населения и количество домов (хозяйств) в селении.

11. Расположение данного населенного пункта по отношению к райцентру, ближайшему городу, станциям, крупным путям и т. д. (расстояние до них).

12. Как называются соседние селения и почему? Люди какой национальности проживают в них? На каком расстоянии от данного населенного пункта они расположены?

13. Нет ли исчезнувших населенных пунктов? Как они назывались? Почему?

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ВНУТРИ И ВБЛИЗИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ.

14. Как называются отдельные части населенного пункта (старые и новые) и почему?

15. Какие названия имеют улицы (официальныеи местные)? Почему их так называют? Нет ли ещё других названий?

16. Названия переулков (старые и новые, местные и, если есть, официальные) и их происхождение.

17. Есть ли названия площадей? Почему они так названы?

18. Названия отдельных домов в населенном пункте и их происхождение.

19. Собственные имена различных учреждений (магазинов, детских садов и яслей, клубов и т.д.). Почему они так названы?

20. Как называются места сборищ, сходок, мест гуляний и игр молодежи? Почему они так называются?

21. Названия мест, которые местные жители связывают с историческими событиями времен Гражданской и Великой Отечественной войн? Как объясняют их происхождение?

22. Как называются исторические памятники и почему?

23. Названия древних и современных мест погребения (кладбищ, отдельных могил) и их происхождение.

24. Название церкви, если она есть или была в населенном пункте.

25. Названия мест, которые связаны с выполнением в прошлом религиозных обрядов, и их происхождение.

26. Как называются (назывались) пасеки и почему их так называют (называли)?

ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ

27. Как называются реки и речки? Где они протекают (по населенному пункту или близ него)? Почему они так названы? Где они берут начало и куда впадают? Запишите официальные и местные названия.

28. Какие притоки имеют реки? С какой стороны они впадают?

29. Какие названия имеют части, участки реки? Почему они так названы?

30. Какие названия заливов (т. е. водного пространства, вдавшегося в сушу) встречаются в данной местности? Как объясняют их происхождение?

31. Названия омутов (т. е. глубокой ямы на дне реки; водоворота на реке, образуемого встречным течением). Почему они так называются?

32. Имеют ли названия острова и полуострова на реке? Если они есть, запишите, как и почему они так называются?

33. Есть ли названия у водопада и водоворотов?

34. Названия местности у реки. Как они возникли?

35. Как называется место на реке, где когда-то была водяная мельница? Как объясняют происхождение этих названий?

36. Как называются озёра и почему?

37. Названия прудов и их происхождение.

38. Какие названия имеют болота и почему они так называются?

39. Как называются низкие, сырые места и почему?

40. Имеют ли названия колодцы? Какие они? Почему их так называют?

41. Какие названия дали родникам местные жители и почему?

42. Есть ли названия стоячих вод? Если есть, то объяснить их происхождение.

ПОЧВЕННО-РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ

43. Какие названия имеют лесные массивы? Почему их так называют?

44. Названия подлесков и их происхождение.

45. Как называются вырубки, лесосеки? Как объясняют жители происхождение этих названий?

46. Даны ли названия отдельным участкам леса? Какие они? Как объясняют жители их происхождение?

47. Как называются лесные поляны и опушки и почему?

48. Как называются границы лесных владений и почему их так называют?

49. Есть ли названия местностей у леса?

50. Имеют ли названия кустарники? Почему их так называют?

51. Как называют места, где собирают грибы, ягоды? Почему им даны такие названия?

52. Названия садов, парков и их происхождение.

53. Есть ли названия мест, связанных с каким-то приметным или памятным деревом?

54. Как называются поля и почему их так называют?

55. Какие названия лугов и покосов встречаются в данной местности? Почему их так называют?

56. Названия границ полей и лугов и их происхождение.

57. Названия пастбищ, выгонов для скота и их происхождение.

58. Есть ли названия пустошей, заброшенных земель? Какие они? Почему они так названы?

59. Названия гарей (выжженных или сгоревших мест) и их происхождение.

60. Названия гор и их происхождение.

61. Как называются холмы и возвышенности и почему их так называют?

62. Как названы вершины гор и возвышенностей? Как объясняют происхождение этих названий?

63. Какие названия даны склонам гор и возвышенностей и почему?

64. Названия подножий гор и местности у подножий.

65. Как называются места на возвышенности, бывшие и прошлом укрепленными поселениями, городищами?

66. Как называются лога и овраги? Почему им даны такие названия?

67. Имеют ли названия водомоины? Какие они? Как объясняют их происхождение?

68. Есть ли названия ям, глубоких впадин на суше? Если есть, напишите эти названия.

69. Названия равнин и низменностей и их происхождение.

70. Как называются лощины, долины, почему их так называют?

71. Названия каких объектов рельефа известны ещё в данной местности?

ДОРОГИ, ВОРОТА, МОСТЫ

72. Как называются дороги, идущие от селения, проходящие через него или близ него (железнодорожные, шоссейные, проселочные, тропинки и т.д.)? Почему им даны такие названия?

73. Есть ли названия поворотов, перекрестков, разветвлений дорог? Почему их так называют?

74. Как называются выездные ворота на окраинах населенного пункта и почему?

75. Названия мостов, мостиков, бродов, мест переправы через реки, озера, мест переходов через овраги, лога, болота. Как объясняют жители их происхождение?

76. Для обозначения каких объектов используются следующие слова. Запишите их значение:

1. *гуӈин* или *гучин*
2. *чэткэр*
3. *бис'мэн, бэсмэн* или *вис мэн*
4. *таллабэр*
5. *чал'ды*
6. *тыкым*
7. *пэро*
8. *пэрэмэн*
9. *пуро*
10. *армэс*
11. *туктым*
12. *калым*
13. *магаз'эй, магаӟэй*
14. *ардо*
15. *колтома, колтыма*
16. *чакмарга, чокмарга, чокмар*
17. *с'ам*
18. *ӧрыш*
19. *лол*
20. *с'ум*
21. *пэчкэс, пэӈкэз*
22. *тул'к*
23. *сыга*
24. *подмой, подмо*
25. *зон*
26. *лайыг*
27. *вугал*
28. *пышты*.

77. Какие старинные имена встречаются в Вашем селении? Какие бытовали в прошлом? Как они употреблялись: в качестве официального или бытового имени?

78. Какие фамилии встречаются в Вашем селении? Сколько семей имеют одинаковую фамилию? Являются ли они родственниками? Откуда родом жители, носящие ту или иную фамилию? Есть ли прозвища семей?

79. Какие прозвища бытуют в Вашем селении? Напишите прозвище и обладателя данного прозвища. Если известно, напишите, в связи с чем носитель прозвища получил свое именование.

80. Какие названия звезд вы знаете?

81. Какие клички животных встречаются в Вашем селении? Напишите клички и какое животное является обладателем данной клички.

ПАСПОРТИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Записать:

1. Данные об информанте: Ф.И.О., год и место рождения, образование, кем работает, современное место проживания (с какого года там проживает).
2. Когда и кем записан материал (Ф.И.О. и дата, где в каком населенном пункте)?

Содержание

Предисловие…… 3
Ономастика
Предмет изучения ономастики…….. 5
Место ономастики среди других наук…….. 10
История развития ономастической науки……. 26
История изучения удмуртской ономастики……. 28
Исследователи удмуртской ономастики……... 39
Тепляшина Тамара Ивановна…… 39
Атаманов Михаил Гаврилович…….. 43
Кириллова Людмила Евгеньевна…….. 47
Имя собственное – словесный знак……... 49
Отличие имени собственного от имени нарицательного…… 52
Методы ономастических исследований…… 55
Ономастическое пространство
Антропонимика …….. 68
Предмет изучения антропонимики……... 68
Формула имени……... 72
Древние именники ……. 78
Исторические пласты удмуртской антропонимии…….. 81
Становление фамилий…… 88
Семантика фамилий…… 93
Прозвища …… 96
Топонимика ……. 99
Предмет изучения топонимики……. 99
Географические форманты…… 103
Апеллятивная лексика…… 111
Лексико-семантическая классификация топонимов……... 120
Структура удмуртских топонимов…… 141
Ойконимия……... 144
Микротопонимия…… 149
Космонимика……... 153
Предмет изучения космонимики……... 153
Удмуртская космонимия…… 160
Фитонимы…… 165
Зоонимы……... 168
Список использованной литературы…… 171
Приложения
Принятые сокращения…… 183
Сокращенные названия типов географических объектов……... 183
Сокращенные названия районов……... 183
Сокращенные названия языков……. 184
Словарь терминов……... 185
Программа-вопросник для сбора ономастического материала…….. 190

Учебное пособие

Мира Анатольевна Самарова
Людмила Евгеньевна Кириллова

Удмуртская онимия I.
Онимы реальной действительности

Учебник для студентов бакалавриата по направлению подготовки «Филология» и «Педагогическое образование»

Авторская редакция

Отпечатано с орнигинал-макета заказчика

Подписано в печать 2015. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,27
Уч.-изд. л. 13,85. Тираж 100 экз. Заказ №

Редакция Издательского центра:
4 учебный корпус, каб. 207
тел./факс: +7 3412 500 295
e-mail: editorial@udsu.ru
http://udsu.ru/official/izd_uu

Типография Издательского центра:
2 учебный корпус, каб. 101
тел.: +7 3412 685718
e-mail: tup@udsu.ru

195